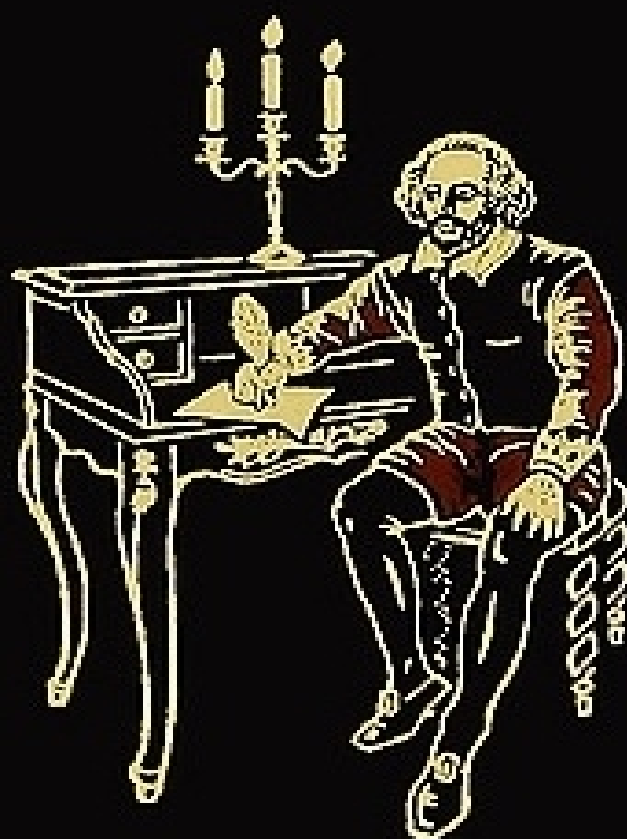

ВИКТОРИЯ БАЛАШОВА

ШЕКСПИР

Annotation

Имя гениального английского драматурга и поэта Уильяма Шекспира (1564–1616) известно всему миру, а влияние его творчества на развитие европейской культуры вообще и драматургии в частности — несомненно. И все же спустя почти четыре столетия личность Шекспира остается загадкой и для обывателей, и для историков.

В новом романе молодой писательницы Виктории Балашовой сделана смелая попытка показать жизнь не великого драматурга, но обычного человека со всеми его страстями, слабостями, увлечениями и, конечно, любовью. Именно она вдохновляла Шекспира на создание его лучших творений. Ведь большую часть своих прекрасных сонетов он посвятил двум самым близким людям — графу Саутгемпτονу и его супруге Елизавете Верной. А бессмертная трагедия «Гамлет» была написана на смерть единственного сына Шекспира, Хемнета, умершего в детстве.

Виктория Балашова

Шекспир

Посвящается V.S.

Пролог

Лондон. Типография Филдинга. 1609 год

— Я нашел их, отец! Я раздобыл эти рукописи. — Томас бросил на стол стопку исписанных мелким почерком листков бумаги.

— Что ты опять притащил в типографию? — Торпу всегда было интересно, что принес сын, но по заведенной привычке он продолжал ворчать. — Очередные советы по обустройству сада?

— Отец! Я нашел сонеты Шекспира!

— Но, насколько я помню, он до сих пор жив, — съехидничал старик.

— Да, жив. Но при чем здесь это? — младший Торп пожал плечами.

— При том, что он никому не давал права публиковать сонеты. Шекспир писал их давно, лет пятнадцать-шестнадцать назад. Последние годы он сонеты забросил. К нему обращались многие с просьбой дать разрешение их опубликовать. Он был категоричен в своем отказе.

— Отец! Ты меня удивляешь. Многие из шекспировских пьес публиковали без его ведома. Да он и не единственный такой автор! Будто ты всю жизнь публикуешь лишь то, на что получаешь от авторов разрешение, — сын кипятился и не пытался скрыть раздражения, которое вызывали у него слова отца.

Торп с трудом встал из своего старого выцветшего кресла и подошел к столу. Он осторожно взял в руки исписанные листки:

Возненавидь, когда любовь умрёт,
Со всеми вместе. Будь моей бедою,
И жалость ты не принимай в расчет,
Когда стою с поникшей головою.
Когда увидишь, что не плачу я,
Не требуй победителю награды;
И после бури нет дождливей дня,
В который рай оборотился адом.
Не будь последним, кто меня оставит, —
Ведь худшее свершится надо мною,
Хочу почувствовать вначале
Всю боль, что заготовлена судьбою.
И вот когда тебя я потеряю,
Другую боль уже не ощущаю^[1].

— Сонет номер девяносто, — произнес Торп медленно, прочитав его вслух, — это не его сонет, — он перевернул всю стопку, — здесь их слишком много!

— О чем ты говоришь, отец? Что значит много? Сколько уж есть.

— Где ты их раздобыл? — спросил Торп, внимательно глядя на сына.

— Принесли добрые люди. Они же всплывали то здесь, то там. Я уже два года пытаюсь их собрать все вместе. И вот удалось! — молодой человек гордо махнул рукой в сторону стола.

— Не удалось, — отец снова просмотрел сонеты, — Шекспир написал около тридцати сонетов. Не более. Остальные написаны не им.

— А кем? И откуда ты знаешь, сколько он написал?

— Я всегда следил за его творчеством и даже издал пару пьес. Сонеты вращались в литературных кругах лет шесть. И их было немного. Я, как и ты, пытался их собирать. Но в 1599 году Шекспир бросает писать сонеты, — объяснял старик, — он не дает разрешения на их публикацию. Тобб, ты помнишь Тобба?

— Конечно! Наш главный издательский «пират», — Томас кивнул.

— Он попытался было издать сонеты. Году примерно в 1600-м или 1601-м. Вышел большой скандал — говорили, что только два сонета принадлежали перу Шекспира. Я думаю, что больше. Но далеко не все. Ходили разговоры, что Шекспир сам распространял эти слухи, чтобы его не могли обвинить в публикации чужих сонетов под своим именем.

— Кому принадлежали остальные?

— Неизвестно. Но именно их таинственный автор настаивал на запрете публикаций. Тираж исчез из всех книжных лавок и из типографии Тобба, — Торп показал на стол, — там тоже не его сонеты. Чьи, не знаю. Но мы с этим связываться не будем. Когда я расспрашивал Тобба про то издание, он сказал, что и говорить о нем не хочет. Был страшно напуган, и заверил меня, что ни одного экземпляра у него не осталось, включая рукопись, по которой он печатал книжку.

— Отец, ты не знаешь, кому принадлежат сонеты. Почему не самому Шекспиру, толком объяснить не можешь. Все сонеты написаны одной рукой — мне достали рукопись. Ты видишь, они явно писались в одно время. То есть Шекспир вполне мог захотеть их издать. Почему нет? Мог собрать все свои сонеты и переписать для типографии, — молодой человек был так красноречив и убедителен, что сам начинал верить в эту версию, — поверь, мы лишь опередим других!

— Их печатать нельзя! — старик хлопнул рукой по столу. — Пока хозяин здесь я, это издание не выйдет. — Сгорбившись еще больше, чем обычно, он вышел из комнаты.

По прошествии нескольких месяцев Торп-старший умер. Вскоре в типографии были отпечатаны свежие экземпляры новой книги. На ней было написано: «Уильям Шекспир. Сонеты».

Сонетов насчитывалось сто пятьдесят четыре...

Лондон, Тауэр, 1558 год

В тот день Лондон кишел людьми. Представители всех сословий, бедные и богатые, толстосумы из Сити и простые рыночные торговцы, старики и студенты, высыпали на улицы города. Всюду висели флаги, разноцветные ленты и гобелены, призванные украсить убогие, грязные улицы, по которым двигалась процессия.

Порой ей казалось, что она выиграла войну, не меньше. Ведь именно так встречают армию победительницу — радостными выкриками, фейерверками, восхищенными взглядами, которыми одаривает тебя толпа. Она махала им рукой и улыбалась, пытаясь не обращать внимания ни на холодный, пронизывающий ветер, дувший со стороны Темзы, ни на начинавший накрапывать дождь.

Медленно они приближались к истинной цели своего пути — Тауэру. Мрачная башня возвышалась на фоне темного, покрытого тучами неба. Воспоминания обрушивались на нее, будто морской шторм, от которого не укрыться, не спрятаться, — все равно накроет с головой, ударив всей своей силой о хрупкую деревянную палубу корабля. Многолетнее заточение в башне, где день и ночь сменяли друг друга со сводившей с ума монотонностью, казнь матери, которую не видеть позволяли лишь льющиеся из глаз слезы, и отчаяние, окутывавшее все ее существо сильнее и сильнее, — вот что запомнилось и придавало

сил сейчас.

Елизавета гордо посмотрела на окружавших ее всадников. Кого из своей свиты она приблизит? Кого удалит с глаз долой? Кто станет ей верным другом? «У королевы не может быть друзей, — напомнила она себе, — существуют только враги или те, кто на данный момент таковым не является».

Совсем близко скакал Роберт Дадли, друг детства, несколько лет гулявший вместе с ней по внутреннему двору Тауэра и пылко смотревший на нее из тюремного окна напротив. Роберт поймал задумчивый взгляд Бэт и подмигнул ей игриво. Ее улыбка стала чуть шире и более искренней. Роберт слегка пришпорил коня и прогарцевал вперед. Он обернулся — королева смотрела ему вслед...

Наконец процессия оказалась возле Тауэра. В пурпурной мантии, подбитой горностаем, Елизавета остановилась возле входа в свою бывшую тюрьму. Несмотря на холод и ветер, она не спешила заходить внутрь. Когда-то она на коленях молила Бога о пощаде и справедливости. Час пробил — теперь эта страна у ее ног. Нищая, униженная, страдающая Англия была не лучшим владением для монарха. Но ей было достаточно и этого.

— Божьей милостью поднимаюсь я на этот трон. — Елизавета окинула взглядом приближенных и шагнула в здание.

Даже те, кто считал ее незаконнорожденной самозванкой, увидев молодую королеву у входа в Тауэр, признавали ее королевское происхождение. Рыжие волосы Генриха, темно-карие, практически черные глаза Анны Болейн, дедовский нос с горбинкой, а главное — четко прочитывающийся жесткий и расчетливый характер, вкупе с хитростью и осторожностью делали Елизавету достойной наследницей престола.

А в Тауэре по-прежнему холодно, попытки хоть как-то прогреть помещения к приезду королевы особым успехом не увенчались. Огромный зал отапливался одним камином. Да и каменные стены башни сохраняли холод гораздо лучше, чем тепло.

— Дворец вовсю готовят к переезду, Ваше Величество, — заверил Елизавету один из придворных, — вы здесь ненадолго.

— Надеюсь, — усмехнулась королева и передернула плечами, с которых сползла горностаевая мантия, — что ж, займемся более неотложными делами. Англия ждать, не готова.

Постепенно комната заполнилась людьми. В зале воцарилось молчание. Елизавета снова посмотрела в сторону реки: «Мне нужно время. Время и мир. Очередную войну страна не переживет. Милостью божьей я вышла из тюрьмы и стала королевой. Милостью божьей Англия избежит войны и получит необходимую передышку».

Придворные продолжали, молча смотреть на свою королеву. О положении дел в стране многие из них знали гораздо больше, чем их госпожа, потому что разоряли казну с усердием, достойным лучшего применения. Большинство были уверены, что опытные французский и испанский короли переиграют двадцатипятилетнюю женщину, вошедшую на шаткий английский престол.

— Начинать мы собираемся с денежной реформы, — неожиданно твердо произнесла Елизавета.

— Предыдущие провалились, — подал кто-то голос.

— Вы имеете наглость сравнивать меня с предыдущей королевой, которая являлась наглой самозванкой? — голос Елизаветы зазвучал еще громче. — Пожалуй, этим мы и докажем, что не просто так вззошли на трон, — слова эхом прокатились по холодному помещению, — если мы здесь по воле Всевышнего, то и реформы наши будут иметь успех. Если нет, — королева замолчала, но никто не смел, вставить и слово в образовавшуюся паузу, — значит, самозванка — я и место мое в Тауэре навеки!

Мантия снова сползла с оголенных плеч королевы, но она не стала кутаться в теплый мех и продолжала стоять у окна, лишь слегка повернув голову в сторону своих подданных.

Вскоре зал опустел, и Елизавета осталась одна. Она ходила из одного конца комнаты в другой в тщетных попытках согреться и одновременно собраться с мыслями. Обещания, которые она так щедро раздавала, казались ей теперь не то, что трудновыполнимыми, они казались невыполнимыми вовсе.

— Что королевой во дворце, что узницей в темнице... Одна! — Елизавета прислонилась лбом к холодному камню. — О, нет. Я не позволю так просто согнать меня с трона!

Со всех сторон враги. Ей ли не знать этого? Ей ли не понимать, сколь хрупок мир на небольшом острове, в результате многочисленных интриг перешедшего в ее руки? Франция и Испания — главные враги английского трона — в предвкушении очередной игры. Елизавета будет прекрасным призом в случае выигрыша, невестой с чудесным приданым.

— Чтобы в этой игре выиграть мне, придется обвенчаться со своей страной. Ну что ж, чем голову на плаху, так лучше в одиночестве прожить остаток жизни, — Елизавета, стоя у окна, не могла оторвать взгляд от грязных вод Темзы, — мужчины наивно надеются жениться на английском королевстве. О, если б ими двигала любовь! — она усмехнулась. — Но это чувство ими забыто, стерто из сердец. Любовь — удел простолюдина. Королеве не пристало надеяться на изъявление искренних чувств.

До королевы донесся шум с улицы. Народ праздновал ее восхождение на престол.

— Они радуются любому новому правителю, надеясь на то, что следующий будет лучше предыдущего, надеясь на мудрость того, кто стоит выше их, того, кто послан Богом, — Елизавета, замерзнув, встала и снова начала мерить шагами комнату, — мечты о любви следует похоронить в Тауэре. Кто ж искренне полюбит королеву? — она вспомнила влюбленные глаза Роберта, и печальная улыбка на минуту озарила ее лицо. — Нет, служить любви теперь не мой удел.

В дверь постучали. Елизавета вздрогнула и обернулась на стук.

— Войдите, — произнесла она, и в комнате появился Роберт Дадли, — я только что думала о тебе.

— И что, Бэт? Какие это были мысли? Надеюсь, ничего плохого? — Роберт склонился к ее руке для поцелуя.

— Разве я могу думать о тебе плохо? Думала, на какую должность тебя назначить при дворе. Должность, которая была бы тебя достойна, — Елизавета посмотрела вокруг, — ты видишь, я возвратилась обратно в Тауэр. Пусть я и королева, но все равно сижу в тюрьме.

— После Рождества ты сможешь въехать во дворец.

— Тауэр преследует меня, — королева вздохнула, — как бы я хотела, чтобы эти дни прошли быстрее. Слишком много воспоминаний...

— Согласен. Когда я шел сюда, то тоже не мог отделаться от ощущения, что снова попал в заточение, — Роберт подошел еще ближе, — единственное, что всегда скрадывало мое пребывание здесь, — это твое присутствие рядом.

— Не надо, Роберт, пустых слов. Мы оба знаем, нам не быть вместе.

— Почему? Ты разлюбила меня? Взойдя на трон, забыла былое увлечение? — Дадли смотрел ей прямо в глаза.

— Ты женат. А я стала королевой. Два этих факта не дают нам соединиться. Любовь тут ни при чем. И ты знаешь об этом не хуже меня.

— Я люблю тебя. И всегда буду любить, Бэт. Тебе никуда не деться от моей любви, будь ты хоть сто раз королевой. — Он снова взял ее за руку. Елизавета чувствовала, как ей становится жарко. Казалось, с его прикосновениями холодный, равнодушный Тауэр теплеет. — О чем ты думала здесь одна, Бэт? Ведь не только о том, какую мне дать должность.

— Я думала о том, что теперь никогда не выйду замуж, — решительно произнесла она.

— Странное решение. К тебе будут свататься лучшие женихи. Тебя заставят сделать выбор в пользу Англии, — грустно сказал Роберт.

— Если делать выбор в пользу Англии, то нужно оставаться девственницей.

— Разве? — Дадли насмешливо приподнял одну бровь.

— Именно так. По крайней мере, официально. Ступай, Роберт. Я устала.

— Сегодня был тяжелый день, — кивнул он, — отдохни, моя королева, — он еще раз поцеловал ей руку, — другие дни будут не легче. Но помни, что я тебе сказал. На меня ты всегда можешь рассчитывать. На меня и мою любовь к тебе, Бэт.

Они стояли друг против друга. Ей было двадцать пять, ему двадцать шесть — практически ровесники. Он — темноволосый, с тонкими чертами лица, она — рыжая, с кожей цвета алебаstra. У обоих — гордый взгляд красивых карих глаз, в которых навеки застыла ничем не смываемая печаль. Они не знали, что впереди у них целых тридцать лет или всего лишь тридцать лет? Страданий, любви, преданности и долгих впустую прожитых дней врозь...

Дадли повернулся к ней спиной и пошел к выходу.

— И я тоже люблю тебя, Роберт, — прошептала Елизавета еле слышно, — и если бы ты не женился тогда, восемь лет назад, то у тебя было бы больше шансов стать королем Англии, чем у всех заморских принцев, вместе взятых.

Она открыла свою шкатулку, вынула лист бумаги и начала писать:

Возненавидь, когда любовь умрет,
Со всеми вместе...

Глава 1

Побег. 1588 год

Ох уж эти английские дороги! А точнее, полное отсутствие таковых. Болота, ухабы, кочки, леса, разбойники, нападающие на путешественника... Римляне когда-то, конечно, постарались превратить путешествие по острову в нечто более приятное, чем проклятое небом вынужденное передвижение из одного пункта в другой. И хотя римские дороги и по прошествии времени оставались лучшими в стране, их катастрофически не хватало.

Уил гордился собой, пожалуй, не дольше, чем первые десять минут путешествия. Он закинул небольшой мешок в телегу, вскочил в нее сам и, пребывая в полном неведении относительно своего ближайшего будущего, улегся на расстеленную на дне солому. Но по прошествии некоторого времени неудобство, связанное с постоянным подпрыгиванием телеги на кочках и болтанкой из стороны в сторону, сменилось чувством тревоги.

Вдали показались всадники. Уил пока не мог прикинуть, сколько их там, и отчего-то был уверен в том, что это за ним. Они обнаружили его бегство слишком быстро. Но, черт возьми, не надо было рассказывать о своих планах кому бы то ни было. Держи язык за зубами — дальше уедешь.

Раздолбанная телега неспешно продолжала свой путь в неизвестное далеко, а топот копыт становился все ближе. Уил мог уже даже различить, сколько было преследователей. А как ни убеждай себя, что эти пятеро просто выехали прокатиться на лошадях до соседней деревни, не получится.

— Мы можем ехать чуть быстрее? — спросил он с надеждой возницу.

— По таким дорогам хорошо, если вообще будем ехать, — засмеявшись, ответил старик, — не отвалится колесо, не споткнется лошадь, — перечислял он возможные препятствия к дальнейшему передвижению вперед, — не нападут разбойники, которыми вон тот лес просто кишит.

Уил откинулся на спину. Над ним нависало голубое небо, оттеняемое только ветками деревьев, мимо которых они проезжали. Всадники подъехали совсем близко.

— Стой! — услышал он знакомый голос. — Стой, тебе говорят!

Старик повиновался и со вздохом оглянулся на преследователей.

— Надеюсь миновать хоть этот отрезок тихо-мирно, — пробормотал он, — кругом теперь разбойничают. Не успеваешь и мили проехать.

— Уильям! Вылезай! — послышался голос отца. — Ты прекрасно понимаешь, что твоя затея провалилась.

Уил сел, свесив ноги из телеги: «Ага, мой отец, отец Анны, брат Анны, кузен и наш сосед. Хорошая компания. Поехали все кому ни лень».

— Возвращаемся домой, — брат Анны лихо выхватил из телеги небольшой мешок с вещами Уила, — скажи спасибо жене, а то я бы вызвал тебя на дуэль!

— Спасибо, — сказал Уильям вознице и прыгнул на землю, — обратно пойду сам.

Телега медленно поехала дальше, увозя с собой мечты о побеге.

— Садись за мной, — предложил отец.

— Пойду пешком. Торопиться мне некуда, — огрызнулся Уильям.

Они ехали впереди, время от времени оглядываясь на беглеца. Он брел не спеша, засунув руки в карманы брюк и насвистывая какие-то простенькие мелодии. Ему было двадцать четыре года, он был высок и статен, с благородными чертами лица, длинными, темными, вьющимися волосами, лихо закрученными усами и бородкой клинышком. Его возвращали в Стрэтфорд к жене, двум дочерям и сыну. Телега давно скрылась за поворотом, увозя мечты о Лондоне с собой.

В город он вошел понурый и уставший от долгого пути. Смеркалось. Из дома навстречу ему выбежала Анна. Она заключила его в объятия, поцеловала в щеку и прильнула к груди.

— Забирай блудного мужа, — крикнул ей довольный таким исходом сосед, — и в следующий раз держи по крепче.

В гостиной к ужину был накрыт стол.

— Садись, поешь, — ласково пригласила Уильяма жена.

Он хотел было отказаться, но один только вид еды вызвал урчание в желудке, и Уил устало плюхнулся на стул.

— Зачем ты уехал? Разве тебе так плохо живется со мной? — с обидой в голосе спросила Анна. — Я родила тебе троих детей. Я забочусь о тебе, как могу. Люблю тебя, — казалось, еще чуть-чуть, и она расплчется.

— Все в порядке, Анна. Дело не в тебе. — Пришлось отложить ложку в сторону. Аппетит начал пропадать.

— А в чем дело? — поинтересовалась она, промокнув глаза платком.

— Я хочу добиться чего-то в жизни, а не прозябать здесь. Ты не понимаешь, что я вовсе не отказываюсь от своего долга перед семьей. Я буду искать работу в Лондоне и стараться обеспечивать вас всем необходимым, — Уил покачал головой, — зачем ты устроила эту погоню за мной?

— Я не могу представить своей жизни без тебя, — по лицу Анны все-таки потекли слезы, — дело не в деньгах. Как я смогу жить одна? Я ведь люблю тебя.

— Любовь! Любовь — это когда ты даешь возможность тому, кого любишь, жить свободно, не сковываешь его цепями по рукам и ногам. Когда ты хочешь, чтобы любимый человек был счастлив.

— Ты не счастлив со мной? — всхлипнула Анна.

— Я не счастлив в Стрэтфорде! Я хочу попытать удачу в Лондоне. Я не бегу от тебя. Я бегу от той жизни, которую ненавижу всей душой. От невозможности делать то, что хочу, к чему стремится моя душа. Анна, сюда приезжала театральная труппа. Они согласны были взять меня, — Уильям вздохнул, — они ждали меня. Был шанс все перевернуть, все изменить.

— Почему ты бежал? Почему не объяснил мне все так, как объясняешь сейчас?

— Ты бы поняла? Ты хочешь сказать, что отпустила бы своего мужа на все четыре стороны? Анна, не обманывай себя и меня. — Уильям посмотрел в голубые глаза жены и не прочел там ничего для себя нового. Преданность, любовь, печаль — что можно увидеть еще и глазах жены? И разве это так уж плохо — увидеть то, что он в них увидел? — Прости. Я причиняю тебе боль. Мне ничего не остается, как остаться.

Анна встала и молча начала убирать со стола.

— Оставь, — он дотронулся до ее руки, — посиди. Оставь посуду. Уберешь позднее.

— А ты поешь. Почти ведь не дотронулся до еды, — Анна подвинула ему тарелку с мясом поближе, —

ты не ел весь день. Проголодался наверняка.

— Ты права. Голоден ужасно, — он все-таки начал есть снова, — обратно шел пешком. Проголодался и устал.

— Брат хотел вызвать тебя на дуэль, — проговорила Анна еле слышно, — я умоляла его этого не делать.

— Знаю. Он мне об этом сообщил. Что ж, у него все еще есть шанс.

— Не говори так. Вы мне оба дороги. Смерть одного из вас будет невозполнимой потерей. Но ты должен и его понять. Он хотел вступить за честь сестры, — Анна снова потянулась за платком.

— Один раз мы с ним уже едва не подрались. У твоего брата, по-моему, нет других способов решать проблемы. Не расстраивайся. И тогда, и сейчас ты получила, что хотела. И без всякой дуэли. Впрочем, я не жалею, что женился на тебе, Анна. Поверь, — Уильям встал из-за стола и пошел к лестнице, — устал. Пойду спать.

— Спокойной ночи, — Анна грустно посмотрела ему вслед.

Несмотря на усталость, Уил долго не мог уснуть. Он вспоминал провалившийся побег и ворочался с боку на бок. В конце концов, он встал, достал чистый лист бумаги и начал писать.

СЦЕНА 3

27 ноября, 1582 год

Стрэтфорд-на-Эйвоне. Улица возле церкви

У алтаря он шепчет слово «да», прощаясь с прежними надеждами, мечтами. Сжимает руку Анны, смотрит вдаль и словно просит помощи у Бога. В глазах печаль застыла, юности порывы остались в прошлом. Что теперь? Лишь помогать отцу и колыбель с дитём покачивать рукой усталой. Стихи, латынь — забыть. Зачем они в той жизни, что казалась неприглядной обузой для других, не для него. Теперь он видит, как судьба клюкою безобразной калечит планов радужных основы.

— О, Боже! Это ль ты мне заготовил заранее на небе? Не рушил ты мечтаний, не намекал на тщетность их. Наказать решил за дерзость, за удовольствия, которые украдкой я получал полночными часами. Вот расплата за то, что шел к мечтам дорогой непрямою. За то, что попытался получить от жизни все, а получил лишь малость, несостоящую бывших притязаний.

— Да! — невеста произносит рядом. Три месяца волнений позади — сумели Уильяму внушить необходимость жениться вовремя, до Рождества обрядов. Несчастлив он пока — так что ж, не каждый бывает рад вначале. Так же как мужа новоявленного, взгляд Анны к Богу обращен. — Я обещаю его счастливым сделать. Пусть моя любовь поможет Уильяму в страданиях жестоких. О нет, пусть не страдает он! Пусть легкой жизнь покажется ему. А все страданья, Боже, лишь на меня падут. Как наказание за счастье принадлежать любимому навек!

— Аминь!

На улице и ветрено, и зябко, и небо тучами покрыто беспросветно. В воздухе не пахнет цветами, птицы умолкли, завершив свое бездумное на воле щебетанье. Горожане расходятся, чтоб дома продолжить разговоры досужие свои. Родители едва скрывают радость: их дети, правил не нарушив, обвенчались. А будет ли подарено судьбою им счастье, то вопрос напрасный, который их совсем не беспокоит. О другом отцы семейства, молча, размышляют: как пристроить деньги получше, как семейные

дела поправить, мечтают внуков нянчить на досуге. А были ли когда-то иные притязанья в их головах? Хотелось ли бежать из Стрэтфорда родного подальше? Прочь из захолустья, где каждый день похож собой на предыдущий? Где незнакомого лица не сыщешь, как ни старайся ты? Бывало ли смятение в душе, порывы, что гасить так сложно?

Уильям тщетно старается невесте улыбаться, пытаюсь, радость показать, скрыв души смятение. Он смотрит вдаль, глаза полны печали, тоски по дням беспечным.

— Теперь любить друг друга можем мы открыто, — Анна шепчет ему слова, которые он слышать совсем не хочет, — под одну крышей счастливою семьей мы заживем с тобою.

— Почему уверена ты в счастье? Кто обещает тебе его? Скажи.

— Сама себе пообещала...

— Зря. Это обещанье лишь Богу выполнить дано.

— Стараться буду я.

— Но от стараний цветы в пустыне могут зацвести, пожалуй. Не более. Старайся, не старайся. Усилия свои направь ты на другое.

— На что? Готова я тебе служить исправно. Что делать мне?

— Расти детей, меня люби. И дом пусть будет чист и аккуратен.

— Я могла бы другом быть для тебя...

— Не надо. Друзьями я не обделен. А женщина нужна мужчине для иного. Не пытайся стать тем, кем быть не можешь. Для любви Бог создал, Анна, женщину удачно. Без вас бы жизнь пустой была, и многих удовольствий лишена.

Как и всегда, это помогло отвлечься. Уильям заснул, продолжая грезить о Лондоне, театре и своем возможном успехе на поэтическом поприще.

Утром его разбудили голоса, раздававшиеся с кухни. Уил прислушался. Говорил отец Анны:

— Сегодня в город опять приехал театр. Держи его дома. Под любым предлогом пусть сидит здесь. Если он сбежит на спектакль, в его взбалмошной голове снова случится переворот.

— Отец, но, может быть, стоит позволить ему уехать? — тихонько пыталась возразить Анна. — Уильям обещает не бросать меня. Он лишь попробует устроиться в Лондоне. Если у него это выйдет, то он заберет туда меня и детей.

«Этого я не обещал», — подумал Уил, почесывая в голове.

— Анна, ты хоть и моя дочь, но, вынужден признать, так же глупа, как и все остальные женщины, — Ричард Хатауэй заговорил чуть громче, — в Лондоне он найдет себе другую, столичную красотку из общества не чета нашему. Ты рассчитываешь на что-то иное? Зря! Кем собирается там работать твой муж? Актеришкой! А актеры — та еще братия. Пьют, гуляют, веселятся и спят каждый день с разными женщинами.

— Отец, ты преувеличиваешь, — Анна по-прежнему говорила практически шепотом.

— Я не преувеличиваю! — слышался стук кулака о стол.

— Отец, потише.

— А что мне молчать? Я готов все это высказать твоему муженьку в лицо, — тем не менее, Хатауэй

заговорил чуть менее громко, — ты забыла историю, случившуюся шесть лет назад?

— Я вышла замуж за Уильяма, — послушно ответила Анна.

— Как ты вышла замуж? Тебе напомнить? Он сделал тебе ребенка. Ему было восемнадцать, тебе двадцать шесть. Тогда мы заставили его жениться. Сейчас ему двадцать четыре. А сколько тебе? Правильно, тридцать два. Он — красивый молодой мужчина, полный сил и энергии. Ты — престарелая мать троих детей, которая, извини, Анна, никому не нужна, — Хатауэй откашлялся, — посмотри правде в глаза. Уил сбежит от тебя, и все! Это хуже, чем, если бы его убили. Тогда ты стала бы вдовой. Хороший, официальный, добропорядочный статус.

— Отец! Что ты такое говоришь!

— Правду! И чего ты его защищаешь? Вы вчера чудесно помирились в постели?

— Отец!

— Что ты заладила: отец. Ты и забеременела тогда, потому что соображаешь не головой, а тем, что находится гораздо ниже, — Хатауэй вздохнул, — мое дело — тебя предупредить. Театр в городе. Уильям тоже. Постарайся сделать так, чтобы они не пересеклись, — послышался звук отодвигаемого стула, — я пошел. Анна, не делай глупостей. Не отпускай его в Лондон, что бы он там тебе ни плел. Впрочем, решать тебе...

Дверь за Ричардом Хатауэем закрылась. Уильям побаивался тестя, обладавшего крутым и жестким характером. Побоялся его не он один: весь город знал, как скор Ричард на расправу. Возраст брал, конечно, свое. Но сил в старике оставалось еще ого-го сколько! А если учесть, что на его стороне был старший сын, вызывавший на дуэль чуть не каждого, кто ему попадался под руку, то картина складывалась неутешительная.

— Вчера я сглупил, — пробормотал Уил, — на старой телеге посреди бела дня отсюда не сбежишь. Значит, приезжает труппа? Спасибо за информацию, — он посмотрел на неразобранный мешок, валявшийся со вчерашнего дня возле кровати, — может, дружище, мы с тобой еще прокатимся до Лондона.

Внизу Анна накрывала завтрак. Дети шумно сбежали по ступенькам. Уильям положил исписанные ночью листки в мешок и тоже пошел на кухню.

— Доброе утро, Уил, — поприветствовала его жена, — как спал?

— Отлично, — соврал Уильям, — спасибо.

— Говорят, сегодня будет спектакль, — проговорила Лина чуть слышно, — ты хочешь пойти?

— Зачем? — безразлично произнес он. — Только хуже будет на душе. Я остаюсь здесь, театр мне больше не грозит.

— Не говори так, — Анна выглядела совсем расстроенной, — если для тебя это так важно, то поезжай и Лондон.

— Приходил твой отец. Я слышал его голос. Он тебе посоветовал отпустить меня? — ехидно спросил Уильям.

— Нет. Он советовал тебя не отпускать ни на сегодняшнее представление, ни в Лондон.

— Почему ты тогда говоришь, чтобы я ехал? Чтобы за мной вдогонку опять отправить великолепную пятерку местных всадников? — он подмигнул Анне. — А? Тебе понравилось возвращать меня домой таким способом?

— Не смейся надо мной, пожалуйста. Ты же сбежал, не предупредив меня. Я не понимала, что произошло. Поэтому попросила их, тебя догнать. Мне было так плохо, Уил! Я вдруг представила, что никогда больше не увижу тебя. Это было ужасно! В смятении я побежала к отцу и рассказала, что произошло. Мое сердце рвалось на части. Пойми, моя жизнь без тебя пуста и никчемна. Она теряет смысл.

— Почему же ты отпускаешь меня сейчас? — Уильям повторил свой вопрос. — Ты за ночь разлюбила? Нашла какой-то смысл в жизни и без меня?

— Нет, не разлюбила и не нашла, — Анна вздохнула, — но, если ты так хочешь уехать, ты все равно уедешь. Или будешь сидеть здесь, и проклинать меня. Поезжай. Я буду ждать тебя. Не забывай об этом. Путь обратно для тебя всегда открыт.

— Спасибо, — Уильяму вдруг стало стыдно перед женой, которую он вот так запросто был готов бросить, — спасибо, Анна. Ты лучшая из женщин.

— Я самая глупая из женщин. Отец прав, — Анна отвернулась, чтобы скрыть набежавшие на глаза слезы.

— Не плачь. Я устроюсь в Лондоне и перевезу вас к себе. Дай только время, — Уильям вспомнил о Хатауэе, — а как же твой отец? Он снова кинется в погоню, когда узнает о моем отъезде.

— Поезжай сегодня вечером. Тебе нужно взять лошадь. На телегах далеко не уедешь. Ночью ехать, конечно, опаснее, но так ты успеешь преодолеть большее расстояние. Если они выедут завтра утром, то уже тебя не смогут догнать.

— Пожалуй, я не пойду на сегодняшний спектакль, — решил Уил, — зачем привлекать к себе внимание?

— А куда ты пойдешь в Лондоне? У тебя же там нет знакомых, — Анна обеспокоенно посмотрела на мужа.

— Труппа, к которой я хотел присоединиться, оставила мне адрес. Пойду сначала к ним. Если им все еще нужен будет актер, то останусь играть там.

— Ты помнишь Филда? — спросила Анна.

— Конечно, он отсюда сбежал пару лет назад, — Уильям улыбнулся.

— Я попробую узнать у его матери, где он живет в Лондоне. Вроде он неплохо устроился и работает в типографии. Ты сможешь первое время пожить у него...

Вечером Уильям снова выехал из Стрэтфорда. На этот раз на лошади и с благословения жены. За ним никто, но гнался, и ехать было гораздо удобнее, чем в телеге. По почему-то настроение у него было не таким приподнятым, как вчера. А огромный темный лес, кишущий разбойниками, пугал теперь гораздо больше, чем преследовавшие его накануне родственники.

* * *

Лондон встретил его проливным дождем. И въехал он в столицу вовсе не героем, гордо и прямо сидящим в седле со шпагой наперевес. Напротив, Уильям представлял собой куда более жалкое зрелище, чем даже спешащие на ярмарку крестьяне. И лошадь, и вещи, которые он вез с собой, конечно же, у него отняли по дороге. И добираться пришлось все же на телегах, а где и пешком. Его одежда потрепалась, выгорев под солнцем, промокая под дождем, да и просто цепляясь за ветки и кусты на узких тропинках, по которым ему порой приходилось идти.

В мешке осталась лишь бумага — разбойники, орудующие на дорогах Англии, видимо, не смогли

оценить талант Шекспира и не стали забирать помятые листки, испещренные его мелким почерком. Также при нем остались две бумажки с лондонскими адресами. На одной был написан адрес театра Розы, которым владел некий Филипп Хенсло, на второй — адрес Ричарда Филда, земляка Уильяма, ныне владельца небольшой типографии близ собора Святого Павла.

К Филду и решил направиться Уил вначале. Он спрыгнул с телеги, которая везла его на последнем отрезке пути до столицы, поблагодарил крестьянина и побрел по узким, грязным улочкам вперед. Пахло отвратительно, кругом растекались огромные лужи, в которых то и дело встречались отбросы, выбрасываемые нерадивыми слугами прямо на улицу под ноги прохожим.

Один из горожан указал путь к собору.

— Дойдешь до Святого Павла, — объяснил он, а там уж спросишь, как найти типографию своего друга. И поторопись, скоро стемнеет, и на улицах Лондона станет небезопасно.

Уильям тяжело вздохнул. Промокшая одежда и пустой желудок сами по себе не настраивали на веселый лад. А уж то, что в столице, как в том лесу, тоже, оказывается, небезопасно, не придавало Уильяму большего оптимизма.

Иногда откуда-то из темноты к Уильяму протягивалась рука попрошайки, иногда слышался неприятный смех пьяницы, иногда где-то у ног неожиданно начинал копошиться очередной бездомный. Так ли он представлял себе столицу — предел его ночных мечтаний? Пожалуй что, нет. Но Уил продолжал устало идти в сторону собора.

Справа от него блестела Темза. От ее темных вод тоже иногда начинало тянуть неприятным запахом. Вдали показался Тауэр. Даже издали он казался мрачным и угрюмым. Известная всей Англии тюрьма притягивала и: юр, но, несмотря на досужее любопытство, путешественнику тут же хотелось отвести от нее взгляд.

Неожиданно левее Уильям увидел собор. Огромное здание величественно возвышалось над окружавшими его маленькими домами. Сомнений не оставалось — это тот самый собор Святого Павла, до которого ему надо было дойти, прежде чем узнавать, как найти типографию Филда. Уил повернул налево и пошел чуть быстрее, надеясь вскоре оказаться в теплом помещении с доброй кружкой эля в руках.

Некоторые книжные лавки, расположенные вокруг собора, еще оставались открытыми. Уильям зашел в одну из них и показал адрес типографии.

— Типография Филда! — вскричал продавец, будто Уил спросил о чем-то, что было известно всем и каждому. Так это же прямо за углом. Пройди чуть вперед и поверни налево. За магазином Трампа увидишь то, что ищешь.

Уильям поблагодарил продавца книжного и, собрав последние силы, пошел преодолевать оставшееся до его цели расстояние.

Дверь типографии была заперта, но в окне первого этажа горел свет. Уильям постучал.

— Кто здесь? — послышался женский голос из-за двери.

— Я к Ричарду Филду, его земляк Уильям Шекспир, — ответил он громко.

За дверью послышалось шуршание. Через минуту перед ним стоял Ричард.

— Шекспир? — переспросил он. — Сын того самого Джона Шекспира, перчаточника?

— Он самый, — ответил Уильям, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну, заходи, — Ричард посторонился, и Уильям прошел в комнату, — как жизнь, дружище? Давно

приехал в Лондон?

— Только сегодня. Ты извини, что неожиданно к тебе нагрянул. У меня здесь всего два адреса. Твой и театра, куда хочу устроиться актером, — Уил продолжал топтаться на месте.

— Актером? Здорово, — Ричард хлопнул его по спине, — проходи. Вот моя жена. Наверное, ты голоден с дороги. Она нам сейчас накроет. Выпьем за встречу. Я тут обустроился неплохо. Дела в типографии идут хорошо. Кстати, если что, обращайся ко мне. Я постараюсь помочь тебе устроиться в типографию. Все больше книг печатают сейчас. Чего только не увидишь в книжных лавках: стихи, сонеты, советы по обустройству сада, как правильно лечиться от простуды, как построить и обставить дом, как судьбу определить по звездам.

— Вот это да, — покачал головой Уил, — я и не думал, что книгопечатание — такое выгодное дело. Ты молодец.

— А как же ты сбежал из Стрэтфорда? Я слышал, у тебя там есть жена и дети?

— О, тут долгая история. Мне этот шаг непросто дался, — Уильям посмотрел на стол.

— Ешь, ешь. Прости, я забываю, что ты с дороги и голоден, как черт. Но просто интересно увидеть земляка!

— Ты не скучаешь по Стрэтфорду? — спросил Уильям с набитым ртом.

— Да нет. Какая тут скука. Я не жалею, что уехал. Но у меня ведь не было семьи. Я женился, приехав в Лондон. Марта — дочь владельца этой типографии. Старик уж не у дел, конечно.

— Я давно мечтал сюда приехать. Не знаю, верно, ли говорят, но вроде в Лондоне можно устроиться в театр. Попробую, — еще раз рассказал про цель своего приезда Уил.

— Так как ты добрался сюда? Все-таки как тебя отпустила жена? — не отставал Ричард.

— О, это целая история! Сначала она, конечно, ни в какую. И слышать не хотела, что я могу уехать. Тут как-то к нам приезжала труппа из Лондона. И я решился! Пошел к ним и сказал, что хочу работать актером.

— А они? — Ричард с любопытством смотрел на земляка. В дверях застыла его жена, тоже с интересом слушавшая весь разговор.

— Они говорят: прочитай что-нибудь. Ну, стихотворение там или отрывок из пьесы.

— А ты?

— Я прочитал.

— То есть ты знал стихотворение и отрывок из пьесы? — Филд смотрел на Уильяма во все глаза. У него, видимо, подобное никак не укладывалось в голове.

— Знал. Я еще со школы помню на латыни Овидия.

— Ну, ты даешь!

— Так вот, — продолжил Уильям, пытаюсь и рассказывать, и есть одновременно, — они меня послушали и дали адрес в Лондоне. Театр Розы называется. Я собрал мешок, пошел на окраину города и попросил там одного крестьянина подбросить на телеге в сторону Лондона. Он ехал как раз в нужном направлении.

— И что? — Рассказ захватывал Ричарда все больше.

— Ничего! Первая попытка не удалась. Жена снарядила за мной погоню. Естественно, они меня нагнали и вернули домой. Но Анна подумала и сама отпустила меня в Лондон. Я ехал почти целый месяц.

Разбой на дорогах ужасный. Все, что могли, у меня украли. Остались только мои стихотворения и наброски пьес. — Уильям снова принялся есть.

— Вот, а ты мучаешь человека расспросами, — жена Филда укоризненно посмотрела на мужа, — он голоден, одежда мокрая, устал с дороги. Разговоры завтра. Я пойду, постелю тебе, Уильям, в гостиной. Ложись спать.

— Да я почти и рассказал все. Завтра попробую найти театр.

— Покажешь мне адрес, я объясню, как туда добраться, — Ричард задумался, — но в основном театры расположены на другом берегу Темзы, с северной стороны. Думаю, что твоя Роза там же. Слушай, раз ты пишешь, то, может быть, я тебя даже буду печатать! Вот неожиданная встреча, — он покачал головой и опять хлопнул Уильяма по спине, — доедай и спать. Жена права. Ты слишком устал, чтобы мучить тебя разговорами. Уильям засыпал, а перед глазами мелькали строчки:

Уж ночь спускалась на город, в котором было страшно безоружным заходить в закутанные тьмою закоулки. Вдали сверкали фейерверки у дворцов, по Темзе проплывали лодки, увешанные гирляндами цветов. Фонтаны где-то били, столы ломились от еды, вина и пива. Попрошайки монеты доставали из штанов, чтобы дневной улов пересчитать с усладой. Воришки кошелю трясли. Актеры в тавернах собирались, чтоб пошутить над зрителем своим наивным.

* * *

Театр Розы принадлежал Филиппу Хенсло и на самом деле находился на севере Лондона возле Темзы. Здание театра было отстроено не так давно, и хозяин, действительно, набирал в труппу актеров. Те, что уже состояли и группе, играли по две-три роли за спектакль, быстро переодеваясь за сценой.

Хенсло окинул пришедшего к нему Уильяма с головы до ног. Впечатление в принципе оставалось неплохое. Несмотря на потрепанную одежду, усталое лицо и тощую фигуру, что-то в его внешности притягивало взгляд.

— Давай-ка почитай что-нибудь, — скомандовал хозяин труппы, — посмотрим, на что ты годишься.

Уильям начал привычно выдавать строку за строкой. И школе они заучивали все произведения на латыни. Он прилежно декламировал отрывок из поэмы, пока Хенсло, не очень хорошо в свое время выучивший латынь, не остановил его.

— Достаточно, — замахал он рукой, — сейчас мы все больше ставим пьесы на английском. Я дам тебе несколько страниц текста. К завтрашнему дню заучи роль короля. Придешь, я послушаю снова. Да, кстати, ты сказал, что пишешь стихотворения и пьесы. Стихотворения нам не нужны, а вот пьесы требуются. Народ избалован, — Хенсло презрительно усмехнулся, — подавай им каждый день что-нибудь новенькое. Сама королева покровительствует театрам, так что мы при деле! Короче, неси свою пьесу. Я посмотрю.

— У меня, к сожалению, нет законченных пьес. Только наброски, — пробормотал Уил.

— Неси наброски. Публика не очень разборчива. Если сюжет пойдет, то остальное как-нибудь, — Хенсло помолчал, — как-нибудь уляжется.

Назад в типографию Филда Уильям шел, окрыленный надеждой. В тот день на небе сияло солнце, днем улицы Лондона не казались уже такими ужасными и грязными. Попрошайки и бездомные попрятались в свои норы, затаившись в них до наступления темноты.

Возле собора Святого Павла вовсю кипела жизнь: все книжные лавки были открыты, из типографий доносился шум станков, люди сновали туда-сюда, кто по делу, а кто и из праздного любопытства. Уильям

остановился и вдохнул свежий осенний воздух.

— Как дела? — пхнул его в бок Ричард, проходивший мимо с кипой свежееотпечатанных бумаг. — Приняли в труппу?

— Пока, нет. Но на завтра дали роль, которую надо выучить. Надеюсь, возьмут. А ты что несешь?

— Пошли, почитаем. Это то, что говорят звезды. Может, и про нашу судьбу прочтем, — Ричард засмеялся, — не стой тут столбом. Лучше помоги, — он отдал часть кипы Уильяму, и они вместе зашагали к дому.

— М-м-м, — закачала головой жена Филда, — давай говори, когда ты родился, — обратилась она к Уильяму, — сейчас мы прочтем, что тут про тебя пишут.

— Двадцать третьего апреля шестьдесят четвертого года, — ответил Уильям.

— Ага, вот здесь про тебя. «Люди, родившиеся под этим знаком, — начала она читать вслух, — бесспорно, наделены талантом. Но их ожидают два пути — либо прозябать в привычном окружении и похоронить свои таланты, либо вырваться из того мира, в котором жили до сих пор, развить свои таланты и стать знаменитыми».

— Смотри-ка, Уил, ты идешь по второму пути. И он гораздо более привлекателен, чем первый, — Ричард привычно хлопнул друга по спине.

— Надеюсь, твоя книжка не врет, — Уильям улыбнулся, — пойду, поучу роль. Завтра увидим, начинает ли сбываться сие пророчество.

— Не беспокойся, жена Филда игриво ему подмигнула, — сбудется. Я вот себе загадала такого мужа, как Ричард. И — пожалуйста. Так и ты — загадай, и сбудется. Главное, очень захотеть чего-то.

На следующий день он снова пешком прошел через весь город к северному мосту. Сердце билось сильнее — ведь сегодня должна была решиться его судьба. Всю дорогу он повторял строки из пьесы, представляя себя жестоким и коварным королем, подсыпающим яд собственному сыну.

— Ну что ж, — Хенсло послушал Уильяма и веско объявил: — Принят! Конечно, пообтесать тебя немного. Работать будешь первое время на износ. Платить буду мало. Способности есть, но для актера этого недостаточно. Учись, старайся, и из тебя будет толк.

— Спасибо, — Уил наклонил голову, боясь показать счастливую улыбку, появившуюся на его лице, — мне бы найти комнату где-нибудь поблизости.

— На адрес, — Хенсло быстро написал что-то на листке бумаги, — скажешь, от меня. У нас там живут некоторые члены труппы. Репетиция через два часа. Возвращайся обратно. Начнешь работать. Спектакль завтра.

— Завтра? — Уильям вздрогнул.

— Да-да. Спектакли выпускаем быстро. Забудешь слова, сымпровизируешь по ходу. Мы ставим новые пьесы, чуть ли не каждый день. Вот так, дружище.

Уильям вбежал в типографию и обнял друга:

— Ричард, меня взяли, и я нашел себе комнату недалеко от театра. Спасибо, что приютил.

— Не забывай земляка. Заходи, — Филду было немного жаль, что Уил так быстро съезжает из его дома, — мы всегда рады тебя видеть. И помни: я готов публиковать твои пьесы. Как только закончишь писать, неси мне.

— Конечно, — Уильям подхватил свой легкий мешок, не отягощенный ни одной лишней вещью, — но

скоро не обещаю. Мне надо учиться актерскому мастерству. Первое время посвящу театру. Актер пока из меня выходит неидеальный.

— Да ладно, — на спину привычно опустилась тяжелая рука Ричарда, — не переживай. У тебя все получится. Так что писать не бросай. Потомки запомнят тебя не как актера, Уильям, поверь. Актеров никто не запоминает. Они будут помнить тебя как поэта и автора пьес. Пиши!

— Спасибо, — еще раз поблагодарил Уильям друга и вышел на улицу.

Лондон не казался ему больше грязным и неприветливым. Он не замечал луж, выплескиваемых ему под ноги отходов и протянутых за милостыней рук. Он шел навстречу судьбе, которую ему предначертали звезды, повторяя снова и снова слова своей первой роли...

* * *

Армада испанских кораблей вышла в открытое море. Победа над Англией оставалась лишь делом времени. Огромная, внушающая страх и ужас флотилия с гордо веющими над парусами испанскими флагами шла наперекор волнам вперед, навстречу английскому флоту.

Английские корабли, отстроенные за годы правления Елизаветы, были многочисленны, но пугали своим внешним видом врага гораздо меньше. Легкие суденышки словно летели над морскими просторами, смеясь и дразня могущественного врага, бросающего им нешуточный вызов.

Буря. Потом говорили, что испанцев погубила буря. Англичанам лишь оставалось добить и так уже поверженные природной стихией корабли противника. Но Елизавета знала: ничего не происходит случайно. Судьба играет на стороне тех, кто этого более достоин. Она строила английский флот, продолжая дело своего отца. Когда пробили час, ее корабли были готовы к борьбе.

— Мы победили. Великая Армада разгромлена. — Дадли вошел к ней в спальню без стука. Он даже не вошел, ворвался, с трудом переводя дыхание. Его глаза сверкали даже ярче, чем драгоценные камни, которыми был расшит камзол, — Ваше Величество, лагерь, разбитый на Темзе, должен защитить Лондон от возможного вторжения испанцев, можно сворачивать!

— Роберт, спасибо за хорошие новости, — она прильнула к его груди, но быстро взяла себя в руки и сделала несколько шагов назад.

— Я не надеюсь на твою милость, Бэт, — печально произнес Дадли, — но ты могла бы быть ко мне более снисходительна.

— Граф, я достаточно снисходительна к вам. Вы принесли отличные новости. Теперь подождите за дверью. Мне надо одеться, а это не самое простое дело на свете, — Елизавета кивнула, показывая, что он может идти.

Каждый раз, когда он входил в ее покои, сердце королевы разрывалось на части. Она не переставала любить его все эти годы, несмотря на непонятную смерть первой жены и последовавшую через несколько лет женитьбу на леди Эссекс. Ни первая, ни вторая жена при дворе не бывали. И это все, что могла сделать Елизавета, чтобы уменьшить свои страдания.

Стоял июль, и во дворце установилась нестерпимая жара. Она велела накрывать стол к обеду на открытой веранде первого этажа, выходящей прямо на реку.

— Велите графу Лейстеру присутствовать на обеде, — приказала она передать Роберту.

«В конце концов единственная моя привилегия — это обедать с ним тогда, когда я того пожелаю. Стоило стать королевой хотя бы ради того, чтобы видеть любимого мужчину в любое время дня и ночи».

Елизавета посмотрела на себя в зеркало и взялась за пудреницу.

— Вам следует отдохнуть, — сказала она графу за обедом, — война окончена, не успев толком и начаться. Но вы проделали огромную работу. Мы благодарны вам за службу.

— Спасибо, Ваше Величество. Я планировал в начале сентября поехать в Бат на воды. Пока мне нужно закончить дела в Лондоне. — Дадли наклонил голову, но глаза его продолжали пристально смотреть на королеву.

— Значит, мы еще увидимся до вашего отъезда, — сказала она.

— Несомненно, — кивнул Роберт, — можете не сомневаться. Моя любовь к вам все так же сильна, как и прежде.

— Моя любовь — престол и Англия. Вам это хорошо известно, граф.

— Вы преуспели в своей любви. Я не соперник Англии, поверьте.

— Роберт, ты женат. Вот так ты, видимо, доказываешь свою любовь ко мне. Убедительный поступок, ничего не скажешь.

— Бэт, ты сама хотела, чтобы я женился. Разве не так? Разве не твою я волю исполнял?

— Не мою. — Елизавета положила вилку на стол и обернулась.

За ними следили. И королева, и граф знали, что все эти годы за ними ведут пристальное наблюдение. Один ложный шаг со стороны Елизаветы, и враги все как один накинута на нее в очередной попытке сместить с желаемого трона.

— Не будем ссориться, граф, — сказала она спокойно, — лучше развлеките меня сегодня вечером.

— С удовольствием. Все театры Лондона — к вашим ногам!

— То, что они обедают вдвоем, не является доказательством их связи, — мужчина говорил с явным французским акцентом, сильно коверкая английские слова, — французскому монарху требуется что-то более веское.

— Говорят, у королевы есть сын, рожденный от графа. Должно быть, ему около двадцати пяти лет или что-то вроде того.

— Вы не сумели найти его?

— Нет. Видимо, она его слишком хорошо спрятала.

— Двадцатипятилетнего мужчину нельзя слишком хорошо спрятать, — сердито возразил француз, — вы говорите чепуху.

— Можно. Если поменять этому мужчине фамилию и отправить подальше за пределы Англии, то можно.

— Ну, хорошо. Вопрос второй. Путь к сердцу королевы следует расчистить. Если вы не можете найти сына, попробуйте сделать что-нибудь другое.

Четвертого сентября в ее спальню робко постучали. Елизавета позволила войти.

— Граф Лейстер скончался по дороге в Бат, — объявил ей Сесил, — внезапная болезнь. Полагают, быть может, малярия.

— Он был здоров. О чем вы говорите? — королева бессильно опустилась на кровать. — О чем вы? Роберт был здоров.

— Ваше Величество, граф ехал на воды лечиться. Он прошел через много испытаний в последние годы. Голландия, проблемы с долгами, Армада. Бывают болезни, которые не видны глазу.

— Выйдите отсюда, — королева подошла к двери, — выйдите. Я хочу остаться одна.

Граф Сесил вышел из спальни. Дверь за ним захлопнулась, и он услышал звук запираемых замков.

Елизавета открыла шкатулку и достала оттуда последнее письмо Роберта. Оно было написано буквально пару дней назад.

«Самое главное мое беспокойство о том, как себя чувствуешь ты, Бэт. Я вспоминаю наш с тобой последний обед — это лучшее, что со мной случилось за последние дни. И помни: ты всегда можешь рассчитывать на меня и мою любовь к тебе. Роберт Дадли, граф Лейстер».

Она положила письмо обратно.

— Это все, что мне от тебя осталось, Роберт, — слезы покатались по ее бледному лицу, — как ты мог оставить меня? Оставить не ради другой женщины, нет. Оставить навеки, без всякой надежды когда-нибудь увидеть тебя. О, Роберт, разве ты мог так поступить со мной, — Елизавета раскачивалась из стороны в сторону, снова и снова повторяя слова, обращенные к тому, кто слышал их теперь уже только с небес.

Никто больше не будет врывать в ее спальню без стука, никто не будет обращаться к ней «Бэт», ни одному мужчине она не позволит себя обнять. Почему ей не подали знак, не дали почувствовать, что после того обеда она не увидит его никогда? Она была бы ласковее, нежнее. Она бы сказала ему то, что должна была сказать давно, но никак не решалась. Почему к этой новости она оказалась так не готова?

Елизавета то лежала в кровати, то заново просматривала шкатулку. Ей не хотелось есть, не хотелось никого видеть. Она забыла, кто она и зачем пришла в этот мир, потому что оставаться в нем более не имело смысла...

Дверь оставалась запертой несколько дней. Сесил время от времени подходил к покоям королевы и настойчиво стучал в дверь. Елизавета не открывала. Она продолжала разговаривать с Робертом, перечитывала его письма, свои стихи, посвященные ему, смотрела на маленький портрет графа, хранившийся в ее медальоне.

— Ломайте дверь, — наконец решился Сесил, — мы не имеем права оставить Англию без королевы. Это мой приказ.

— Простите, Ваше Величество, — произнес он, когда дверь открылась.

— Вы все сделали верно, граф, — еле слышно произнесла Елизавета, — Англия не должна страдать из-за смерти одного из моих подданных, — Она встала с кровати и, с трудом передвигая ноги, подошла к окну.

Ей всегда нравился этот вид: неспешные воды Темзы, лодки, огромные парки, раскинувшиеся по обоим берегам. Теперь все потеряло для нее привлекательность. Она провела рукой по стеклу, словно пытаясь стереть с него горькие воспоминания.

— Мне необходимо одеться, — сказала она, не оборачиваясь.

Сесил поклонился и вышел из комнаты. Он свое дело сделал. Королева возвратилась на трон.

— Моя опора — страна, которую я подняла с колен, — бормотала Елизавета как в бреду, снова оставшись одна, — о чем мне плакать? О несбывшейся любви? Любовь трагична. Чем меньше любишь, тем спокойнее на душе. — Она снова открыла шкатулку.

Глава 2

Меж двух огней. 1592 год

Весной в театре стояла суматоха. То говорили, что их к себе во дворец вызывает сама королева, то вдруг выяснялось, что королева приедет в театр собственной персоной, потому как взяла в привычку лично осматривать лондонские театры. Потом на спектакль неожиданно приходил кто-нибудь из приближенных королевы, а от нее ни слуху, ни духу.

Актеры передавали друг другу слухи, Хенсло мрачно расхаживал по зданию театра, отдавая распоряжения, порой полностью взаимоисключающие. Пьес категорически не хватало. Драматурги без зазрения совести воровали сюжеты у своих коллег, а также активно заимствовали их у тех, кто по понятным причинам возразить уже ничего не мог, потому как давно лежал в могиле.

Издатели, нагло пользуясь ситуацией, печатали наиболее шумевшие пьесы, не имея на то позволения авторов. Книжки разлетались как горячие пирожки: торговля возле собора Святого Павла шла полным ходом. Когда год назад у Ричарда Филда родился сын, лучшим подарком от Уильяма Шекспира стало официальное разрешение на издание «Генриха Шестого», все три части которого с бешеным успехом шли на сцене театра Розы.

От своих пьес Уильям имел сущие копейки. Платили драматургам негусто. А вот как актер он начал зарабатывать неплохо. Уильям исправно отсылал деньги семье в Стрэтфорд, писал жене пространные письма, не очень-то порываясь вызывать их к себе. Жизнь в Лондоне не располагала его к умиротворенному времяпрепровождению в кругу семьи. Даже Филд порой, встречая друга, с завистью качал головой:

— Эх, Уил! Бросил бы все и подался в актеры. Да Бог таланта не дал.

В последние дни марта по театру пробежала очередная волна слухов: сам молодой граф Саутгемптон изволит пожаловать на спектакль. Желает посмотреть пьесу «Генрих Шестой»: мол, слышан о молодом начинающем драматурге и трех его пьесах, описывающих жизнь несчастного короля. На сцене в главной роли блистал Джеймс Бербридж, одну из второстепенных исполнял Шекспир.

— Недурно, — произнес граф, подзвав после спектакля к себе Хенсло, — очень недурно. Приглашаю вас и вашу труппу к себе на ужин в эту пятницу. Я буду устраивать прием для нескольких театральных компаний. Обязательно приводите с собой и автора пьесы. Как, вы говорили, его зовут? Уильям?

— Да, Уильям Шекспир. Он сегодня играл Бедфорда.

— Уильям, потрясающий сцену!^[2] — быстро переименовал фамилию граф. — Великолепно. Обязательно приведите его с собой!

Генри Ризли, третьему графу Саутгемптону, было девятнадцать. Он успел снискать себе славу покровителя искусств и завсегдатая театральных представлений. Его литературная гостиная была известна на весь Лондон. Сама королева оказывала ему знаки внимания. Граф не был женат, но родственники активно искали ему невесту, пытались выгодно пристроить его в надежные, красивые, нежные женские руки...

Когда труппа Хенсло подошла к замку графа, их взору предстало поистине великолепное зрелище. Перед замком в лучах заходящего солнца блестело озеро. Через него был перекинут мост, по обе стороны которого прямо из воды возвышались колонны с изображениями различных мифологических персонажей.

На каждой колонне стояли огромные серебряные блюда с фруктами. В самом озере плавали русалка и дельфин. Стоявшие на них актеры по очереди декламировали стихи, посвященные графу.

Гости графа развлекали себя тем, что переплывали озеро на лодках, украшенных флагами и гирляндами. Один из фонтанов, расположенных неподалеку от озера, по дороге к замку, начинал неожиданно разбрызгивать воду. Так что проходившие мимо дамы визжали от восторга, если не успевали проскочить мимо и попадали под импровизированный душ.

Возле самого входа в замок в вырытых по такому случаю ямах сидели музыканты. Они практически не были заметны, и исполняемая ими музыка слышалась будто из-под земли.

Уильям ошалело смотрел на окружавшее его богатство. Даже надев свой лучший камзол, он чувствовал себя не в своей тарелке. Его жизнь в Лондоне ограничивалась ужинами у Филда и попойками в трактирах с друзьями из театральной труппы. Жил, как и прежде, в комнатке у моста через Темзу неподалеку от театра. Почти все деньги Уильям отправлял Анне и детям в Стрэтфорд.

— Вы тот самый автор пьесы о Генрихе Шестом? — Внезапно Уильям понял, что к нему подошел сам граф. — Очень неплохо, должен вам сказать. Учитывая низкое качество большинства предлагаемых вниманию зрителя пьес, эта выглядит вполне прилично.

— Спасибо. Я весьма польщен, граф. Но, мне кажется, вы преувеличиваете достоинства моего произведения. — Уильям переминался с ноги на ногу.

— Вовсе нет. И если вы не против, то я был бы рад пригласить вас лично завтра на обед. Приезжайте, пожалуй, к двенадцати, — не дождавшись ответа, граф развернулся и пошел к другим гостям.

Уильям остался стоять на месте, став похожим на одну из колонн, установленных на озере.

— Что он тебе сказал? — переводя дыхание, спросил его подбежавший Хенсло.

— Пригласил завтра на обед.

— Вот это да! Иметь такого покровителя, как граф, большая удача. Уильям, постарайся завтра. Если он будет давать нам деньги, мы сможем, наконец, обойти большинство театральных предприятий Лондона. Лучше может быть только покровительство самой королевы, — горячо шептал на ухо Уильяму Хенсло. Он и не предполагал, что интерес белокурого графа распространялся исключительно на одного Шекспира.

На следующий день обед у графа накрывали на двоих. Но, как и обычно, еды подавали столько, что хватило бы и на десяток гостей. На серебряных блюдах лежали куски баранины, телятины, гусь и кролики, а также лосось и белый хлеб. В бокалы слуги разливали сухое белое вино из Италии.

— Ешьте, мой друг, ешьте, — напутствовал граф артиста, — будет еще вторая смена блюд, но там вы не найдете ничего такого, чем можно было бы вдоволь набить живот, — Ризли улыбнулся. На его собственной тарелке красовались лишь крохотные кусочки мяса, которые он вовсе не спешил доедать.

На второе в столовую внесли также несколько блюд. Набить живот Уильям спокойно мог и этим: фазан, цыплята, голуби, сладкий крем из яиц и молока, фруктовый пирог и оладьи с маслом. Несмотря на то, что сам граф ел мало, Уильяму было неудобно не попробовать то, что клали ему на тарелку слуги, и в конце трапезы его нестерпимо стало клонить ко сну.

— Я бы хотел вам показать свою библиотеку, — предложил вместо крепкого послеобеденного сна граф, — мы сможем продолжить беседу там.

Усевшись в кресло в библиотеке, Генри Ризли продолжил:

— Вы неплохо пишете, Уильям. И вам надо развивать свой талант. Я был бы не прочь оказать посильную помощь.

— Театру? — переспросил помнивший о просьбе Хенсло Шекспир.

— Почему театру? — удивился граф. — Лично вам. Я бы хотел, чтобы кроме пьес вы попробовали писать и что-нибудь другое. Сонеты, поэмы — впрочем, мне ли вам давать советы.

— Я очень польщен вашим вниманием, граф. — Уильям поклонился.

Генри не сводил с него взгляда своих голубых глаз:

— Вы согласны?

— Да, — ответил Уильям, понимая, что полностью попал под обаяние молодого графа.

— Ну что ж, оставайтесь у меня до вечера. После ужина у меня собирается литературная гостиная. Придут известные люди. Вам, думаю, будет любопытно послушать то, что они говорят. Пока же можете погулять по парку или оставайтесь в замке. Если вам понадобится чистая бумага, — Генри начал вставать из кресла, — найдете ее вот в этом ящике. Пишите. Королей в истории Англии было много. Хватит не на одну пьесу. — Генри громко рассмеялся и вышел из библиотеки, оставив растерянного Уильяма стоять у многочисленных книжных полок.

Теперь в театре Шекспир появлялся редко. Все больше времени он проводил в замке у графа, порой, не выходя оттуда по нескольку дней. Обеды чередовались ужинами, гости сменяли друг друга. В парке разыгрывались целые представления: Генри любил шокировать своих друзей размахом разыгрываемых сцен, и Уил всегда помогал ему ставить грандиозные спектакли.

Они сдружились. Тот факт, что граф был младше Уила на девять лет, совершенно не мешал их взаимопониманию. Они проводили много времени вместе, разговаривая о литературе и театре. Генри получил прекрасное образование, окончив Кембридж и получив степень магистра искусств. Он прекрасно знал итальянский и часто бывал при дворе. Уильям окончил лишь обычную школу в Стрэтфорде. Конечно, он немного знал латынь и даже мог декламировать Овидия. Но пропасть, разделявшая двух молодых людей, казалась ему непреодолимой.

Что огорчало Уильяма больше всего, так это то, что, сближаясь с графом, он оставался так же далек от него, как и в начале их знакомства. С другой стороны, их беседы, общение с людьми другого круга отдаляло Уильяма и от друзей из театра, и от Ричарда Филда.

— И где же посвященное мне стихотворение? — спросил Генри ближе к лету. — Пока, я вижу, ты пишешь очередную пьесу про очередного короля. Я не против. Но некоторые из моих друзей уже давно имеют посвящения в свой адрес.

— Я помню о своем обещании, — Уильям кивнул, — и работаю над поэмой. Ты вскоре получишь то, чего так сильно желаешь.

— Поторопись. Я познакомился с чудесной женщиной. Скоро она приедет в Англию. Я хотел бы подарить твое посвящение ей, — граф помолчал, — как называется поэма?

— «Лукреция». Ты мне рассказывал историю итальянки, покончившей с собой, чтобы смыть бесчестье. Эту историю я и излагаю в поэме.

— Красивая легенда, — Генри вздохнул, — меня заставляют жениться, Уил. А я влюблен в другую женщину.

— Кто она, твоя возлюбленная? — поинтересовался Шекспир.

— Француженка. Я видел лишь ее портрет. Мы не знакомы. Но я очарован ею, я потерял голову, — граф встряхнул своими белокурыми волосами, — мне сказали, она будет здесь представлена ко двору

Елизаветы.

— Ты хорош собой, Генри. Ты обаятелен и образован. У тебя все шансы завоевать ее расположение, — попытался успокоить друга Уильям.

— Да, но моя невеста! Мне не дадут жениться на другой.

Граф достал из шкатулки небольшой портрет:

— Вот, посмотри.

Конечно, изображение не могло передать истинной красоты этой дамы. Но и то, что увидел Уильям, поразило его в самое сердце. Он постарался не выдать своих чувств, сухо сказав:

— Она хороша, граф. Несомненно.

В ту же ночь он закончил поэму. В посвящении значилось: «Любовь, которую я питаю к вам, беспредельна. И это скромное произведение выражает лишь скромную часть ее».

Граф оценил и поэму, и посвящение, не догадываясь о том, что на самом деле скрывали за собой написанные строки.

— Как тонко ты, Уильям, выразился, — признался он за ужином, — я понимаю, что посвящена поэма мне. Но я могу смело дарить ее женщине, которую люблю. И она будет думать, что посвящение адресовано ей.

«Посвящение на самом деле адресовано ей», — подумал Уил, но благоразумно промолчал.

— Что за пьесу ты готов поставить для моих гостей летом? — продолжал Генри. — Я бы хотел пригласить труппу Хенсло на один из обедов в ближайшее время. Неплохо бы увидеть что-то новое. Ты можешь им отдать свою пьесу.

— Я пишу о Ричарде Третьем, — ответил Уильям, — скоро закончу.

— Отлично! Очередной король, — усмехнулся граф, — я же говорил, их хватит на несчетное количество представлений. Передай Хенсло, что я бы хотел видеть на сцене именно эту пьесу.

Представление прошло с успехом. Уильям опять играл одну из главных ролей. Бербридж выступил в роли Ричарда. Когда Шекспир писал эту пьесу, то королем мог себе представить только его. Хенсло не возражал — Бербридж был лучшим актером труппы, одинаково хорошо игравшим как в комедиях, так и в трагедиях.

— Тебе стоило бы возвратиться в театр, — сказал Уильяму после спектакля Джеймс, — роль приживалы при графе тебе не к лицу. Ты пишешь прекрасные пьесы, ты отличный актер. Зачем тебе сытая, но совершенно никчемная жизнь у богатого покровителя?

— Мы с Генри друзья, — возразил Уильям, — я посвятил ему поэму и недавно написал несколько сонетов. Может быть, стоит попробовать заняться поэзией всерьез?

— Твое призвание — театр. Подумай об этом, Уильям. Мой отец собирается организовывать собственную театральную труппу. Я уйду от Хенсло. В любой момент ты можешь присоединиться к нам.

— Спасибо, Джеймс, — Уильям пожал руку друга и вернулся в изысканную гостиную графа.

Он понимал, что во многом Бербридж прав. Но теперь возле Генри его держало не только богатое содержание, но и женщина, чье изображение он однажды увидел на портрете. Она не выходила у него из головы, она жила в его сердце. И сонеты, написанные Уильямом, были, конечно, посвящены ей. Темноволосой, смуглой красавице, которую он и не надеялся покорить.

— О чем вы говорили с Джеймсом, — поинтересовался граф, заходя в комнату.

— Он зовет меня обратно в театр, — честно ответил Уильям.

— Тебе не стоит этого делать, — взгляд графа стал жестче, — здесь ты имеешь все, что нужно человеку искусства: деньги, возможность писать, признание, — он выразительно посмотрел на Уила, — и, конечно, мою дружбу.

— Я понимаю и всегда буду благодарен тебе за все, что ты для меня сделал, — Уильям не возражал графу, в душе признавая его правоту.

— Кстати, твои сонеты мне понравились. Мне посвящают стихи и другие поэты, Уильям. Не забывай про это. Пока то, что ты пишешь, превосходит все остальное. Но времена меняются. Твое место может занять и кто-то другой.

— Я же сказал, Генри, что не собираюсь бросать тебя, — возразил Уильям.

— Главное, чтобы ты так же думал, — граф внимательно посмотрел на своего друга, — в том, что ты умеешь красиво произносить пустые слова, я и не сомневался...

* * *

Обычно планы, мечты, надежды рушатся в одночасье. Ни один, ни другой и не предполагали, что их разговор не имел никакого смысла, потому что в жизни порой происходят события, которых не ожидает никто.

Все началось с того, что к Уильяму в Лондон приехала семья. Он редко бывал в своей комнате у берегов Темзы, практически все время, проводя у графа. Но письма шли из одного места в другое медленно. Да и делиться с женой новостями Уильям не спешил. Все, о чем он упоминал в письмах, касалось лишь приветов от Ричарда Филда да краткого описания того, что происходило в театре. На письмах стоял адрес дома, в котором находилась комната Уильяма, а вовсе не название замка Генри Ризли.

Анна приехала в Лондон с детьми, не предупредив Уильяма заранее. Да, пожалуй, и сложно было бы ее в таком внезапном приезде обвинять. Она долго не решалась написать ему письмо, а когда решилась, было件нятно, что, скорее всего, она доберется до Лондона быстрее.

Хозяйка дома открыла дверь и увидела перед собой полную, довольно красивую, высокую женщину, рядом с которой стояла девочка лет десяти и близнецы, мальчик и девочка, лет по восемь.

— У меня комнат свободных нет, — сразу заявила хозяйка, предпочитавшая сдавать комнаты актерам близлежащих театров.

— Я ищу Уильяма Шекспира. Я его жена, — пролепетала Анна, — он присылал мне письма, на которых был указан ваш адрес.

— Уил! — всплеснула руками женщина. — А я и не знала, что у него есть жена и дети. Проходите. Я провожу вас в его комнату. Но самого Уильяма нет. Он здесь в последнее время появляется редко. Впрочем, платит исправно. А больше меня ничего и не интересует.

— Как мне его найти? — спросила растерявшаяся еще больше Анна.

— Не знаю, — пожала плечами хозяйка, — попробуйте сходить в театр. Может, они что-то знают. Тут совсем недалеко. Пока располагайтесь в его комнате.

— Спасибо, — Анна устало опустилась на стул.

В театре сведения оказались столь же скупы.

— Уильям бывает здесь редко, — отводя глаза, отвечали его друзья, — он ставит спектакли графу Саутгемпτονу, поэтому проводит в замке много времени. Когда появится, не знаем.

И Анна решила просто ждать. Денег, которые она взяла с собой, должно было хватить на некоторое время. Она надеялась, что Уильям в какой-то момент все-таки появится у себя дома до того, как она потратит последний пенни.

В тот день Уильям зашел домой, чтобы заплатить за комнату.

— Вас ждут, — заговорчески прошептала ему хозяйка.

— Кто? — опешил Уил.

— Ваша жена и дети. Они уж недели две живут в вашей комнате и ждут, когда вы наконец объявитесь. Даже в театр ходили. Но, видимо, без особого успеха.

— Жена и дети? — С тех пор как Уильям большую часть времени стал проводить у графа, он начисто забыл об их существовании.

Быстро поднявшись по лестнице, он застыл у двери, не зная, что делать дальше. Больше всего хотелось сбежать обратно вниз и сделать вид, что его здесь и не бывало. Потом Уильям глубоко вздохнул, собрал волю в кулак и вошел в комнату.

— О боже! Уильям! — закричала Анна, бросаясь ему на шею. Дети стеснительно топтались рядом.

— Анна, зачем ты приехала? Да еще привезла с собой детей? — отстранился Уильям.

— Я думала, что прошло достаточно времени с тех пор, как ты уехал, — торопливо стала объяснять она, — эти четыре года ты исправно отправлял нам деньги, и я подумала, что раз у тебя все в порядке, то можно нам и ехать. Тут еще мой дядя собрался в Лондон на ярмарку. Он согласился взять нас с собой. Так, знаешь, мне показалось, будет безопаснее.

— Это точно, — подтвердил Уильям, — вот в этом ты права.

— Ты не рад нашему приезду? — глаза Анны наполнились слезами.

Уильям вспомнил, как это бывало раньше: он не мог выносить вида ее печальных глаз, в которых как по мановению волшебной палочки появлялись слезы. Если Анна начинала моргать, то они катились по ее лицу, и Уильям всегда в этот момент ей уступал.

— Хорошо, хорошо. Оставайтесь. Я не рассчитывал тебя увидеть. Понимаешь, неожиданно получилось. Я живу по большей части у графа Саутгемптона. Он мне дает заказы. Я пишу для него пьесы, поэмы, сонеты, — сбивчиво объяснял Уильям, — но коль вы приехали, то, конечно, оставайтесь. — Он понимал, что погибает, что рушится вся его жизнь, только недавно начавшая меняться к лучшему. — Надо снять квартиру побольше.

Здесь мы разместиться не сможем.

Анна оглядела небольшое помещение. Она спала вместе с детьми на кровати Уильяма. Но впятером им, на самом деле, не уместиться в комнате никак.

— Я отправлюсь на поиски квартиры прямо сейчас, — объявил он, — если сразу не найдется ничего подходящего, то поеду обратно к графу. А вы пока живите здесь.

Внизу Уильяма поджидала хозяйка.

— Представляю, как вы обрадовались приезду семьи, — сказала она, — но что вы будете делать

дальше?

— Иду искать квартиру, — ответил Уильям печально, — другого выхода нет.

— Возле городских ворот живет моя подруга. Она вам может сдать несколько комнат. До вашего театра оттуда даже чуть ближе.

— Могу я пойти к ней прямо сейчас?

— Конечно. Скажите, что от меня, и она вас устроит наилучшим образом, — заверила Уильяма хозяйка.

В тот же день семья Шекспира переехала в новое место. Анна бросилась обустроить свой новый дом, отмывая комнаты и раскладывая вещи по местам. Уильям отпросился к графу — рассказать про приезд семьи и невозможность более проводить много времени в замке.

— Жена и дети? — Генри в недоумении посмотрел на Уила. — Я и не знал, что они у тебя есть. Как ты умудрился от них сбежать?

— Анна меня в итоге отпустила сама. Но прошло четыре года, и она решила, что я вполне тут устроился. Генри, пойми, я вынужден буду хотя бы первое время пожить с ними. Я обещаю навещать тебя как можно чаще, ставить для тебя новые пьесы и писать стихи. Не сомневайся! — Уильям страдал от невозможности выразить все обуревавшие его чувства.

— Я понимаю, — снисходительно кивнул граф, — возвращайся к своей семье. Ты помнишь, что завтра турнир сонетов? Надеюсь, сможешь прийти. Я на тебя делал ставку.

— Конечно, — заверил его пылко Уильям, — я обязательно приду. И даже напишу что-то новое. Ты можешь на меня рассчитывать.

— Отлично, — хлопнул граф ладонью по столу, — ступай. Увидимся завтра.

Уильям понуро поплелся домой. Вместо грандиозного ужина у графа его ждало скромное застолье с женой и детьми.

— Завтра мы можем сходить в гости к Филду, — предложила Анна за ужином, — ты писал, что у него родился сын. И что дела в типографии идут неплохо.

— Да, он только что напечатал мою новую поэму, — Уильям откашлялся, — но завтра у графа состоится турнир сонетов. Я должен там присутствовать.

— Ты пишешь сонеты? — удивилась Анна.

— Немного пишу. Говорят, получается неплохо.

— Ты бросил театр? Мне сказали, что ты там и не появляешься, — спросила жена как бы, между прочим.

— Ты ходила в театр?

— Да, в день, когда приехала, я пыталась разыскать тебя. Но они сказали, что ты туда редко приходишь, — оправдывалась Анна.

— Я не бросил театр, — начал объяснять Уильям со вздохом, — я пишу пьесы. Но играю в основном для графа и его гостей.

— Что ж, наверное, ты прав, — Анна начала убирать со стола, — у твоего покровителя бывают в гостях красивые дамы? — неожиданно поинтересовалась она.

— Бывают. Но у тебя нет повода для ревности. Для них я — никто. Фаворит графа, актер и сочинитель

пьес. Дамы из высшего общества не обращают никакого внимания на подобных людей.

— Тебя это обижает?

— Пожалуй, нет, Анна. Поверь, — Уильям посмотрел на жену, — уехав из Стрэтфорда, я нашел то, что хотел. Я стал играть в театре и писать. Иногда меня даже издает Филд, и мои книги раскупают! Но я не собирался искать себе другую женщину.

Анна подошла к нему и крепко обняла:

— Надеюсь, теперь мы сможем быть вместе.

Уильям поблагодарил жену за ужин и пошел в другую комнату. Он достал исписанные листки бумаги, прочел то, что уже успел написать, и продолжил работу над новой пьесой. Он планировал отдать комедию в новый театр, который открывал отец Джеймса Бербриджа, и старался успеть дописать ее как можно скорее.

Что женская любовь, что преданность слепая? Они мужчине преграждают путь. Не видеть глаз, наполненных печалью, не слышать слов, что нежности полны, не чувствовать руки ласкающей движенья, и алых губ не пробовать, увы. На всем поставить крест, похоронить, оставить в прошлом. Пусть плачет Анна верная моя.

По дороге на турнир графа Уильям заскочил к Филду.

— Ричард, ко мне приехала жена, — сообщил он с порога.

— Конец разгульной жизни, — расхохотался Филд, — вспомнишь, как это бывает, жить с женой и детьми.

— Уже вспомнил. Мы можем зайти как-нибудь к вам в гости? Анна хочет познакомиться с твоей женой. Я подумал, что это может быть неплохой идеей. Она в Лондоне ведь никого не знает. Лишний раз боится на улицу выйти.

— Приходите. Наша жизнь — это тебе не приемы у графа, Уил. Мы будем рады вас видеть у себя. Ты-то теперь у нас не частый гость, — с укоризной сказал Ричард.

— Прости и постарайся не обижаться. У меня много работы. И этим нужно пользоваться. Расположение графа сегодня есть, а завтра нет. Ладно, Ричард, я побегу. Вот и сегодня — турнир поэтов. И я не могу не участвовать.

— Беги, беги, — Филд похлопал друга по спине, — и приходите с Анной. Будем ждать.

Турнир у графа закончился далеко за полночь. Уильям выступил достойно, вырвав победу у своего старого соперника Роберта Грина. Когда гости разошлись, граф велел подать им с Уильямом вина.

— За тебя, мой друг, — провозгласил он тост, — равных тебе нет. Англия получила нового великого поэта.

Уильям отпил вина и вспомнил о том, что дома теперь его ждет Анна. Он обещал ей вернуться домой после ужина у графа.

— Генри, прости, но мне придется сейчас уйти. Меня ждет жена.

— Обычно ты оставался в замке, — проговорил сквозь зубы граф, — времена меняются, не так ли? Только в лучшую ли для тебя сторону, вот в чем вопрос.

— Генри, я приду завтра. Если хочешь, — предложил Уил.

— Приходи, пожалуй. Но я бы не хотел, чтобы ты куда-либо торопился. Либо не приходи вовсе.

— Конечно. Во сколько мне быть у тебя? — с готовностью спросил Уильям.

— К обеду. Как обычно в двенадцать. И не опаздывай. Даже если тебя будут задерживать дома три жены, — Генри рассмеялся собственной шутке, но смех его был неискренним.

Уильям вышел на темную улицу. Обычно граф давал ему свою карету, но в этот раз Уильяму предстояло проделать долгий путь пешком. Он шел, и тревога не покидала его. Что-то подсказывало: дружбе с графом вскоре настанет конец. И дело будет совсем не в Анне. Перед его взором снова всплыло лицо прекрасной незнакомки с портрета. Граф не терял надежды познакомиться с ней. А Уильям продолжал ей посвящать свои сонеты.

Прийти к графу на обед Уильяму было не суждено — в Лондон пришла чума.

На самом деле все началось гораздо раньше. Но люди склонны не замечать дурных предзнаменований, пока эти самые предзнаменования не превращаются в реальные факты, с настырностью лезущие в каждую щель. Вот так и чума потихоньку забирала жизнь за жизнью и, лишь когда пробралась практически во все дома, люди забили тревогу.

Район, в котором поселился Уильям с семьей, был перенаселенным. Рядом — ворота в город, мост через Темзу, неподалеку проводились многочисленные ярмарки, стрельбища, народные гулянья в праздники и выходные дни. Вокруг рассыпались таверны и постоялые дворы. Чуть дальше за чертой города располагалась большая часть театров. Порой, чтобы пройти к дому, Уильяму приходилось продираться через плотную толпу народа, снующего туда-сюда по делу и без.

Когда в город приходила чума, то судили о величине опасности по тому, работают театры или нет. Если театры были по-прежнему открыты, народ вздыхал спокойно. Власти заставляли прекращать представления, когда количество смертей переваливало за пятьдесят. До июня 1592 года Лондон продолжал жить прежней жизнью, не обращая внимания на то, что болезнь постепенно накрывает город.

В тот день Уильям пришел в театр Розы, чтобы повидаться с Джеймсом и рассказать ему, как продвигаются дела с новой пьесой. Театр был закрыт. Уильям покрутил головой и решил пройти до второго театра, расположенного неподалеку. Он подошел к зданию и увидел, как какой-то человек забивал досками входную дверь.

— Эй, что случилось? — окликнул его Уильям.

— Посмотри вокруг и увидишь, — огрызнулся мужчина, — чума. Театры закрыты, — он повернулся к Уильяму спиной, показывая, что беседа окончена.

Шекспир растерянно оглянулся и заметил, что народу на улице было крайне мало. Он медленно побрел в сторону дома. Двери большинства зданий, попадавшихся ему на пути, были заколочены, те редкие прохожие, которые проходили мимо, старались не смотреть на него и быстро исчезали из виду. На мосту скопились телеги: из города уезжали жители. Уильям пошел быстрее.

— Анна, нам всем нужно срочно уезжать, — сказал он жене с порога.

— Но мы только приехали, — испуганно захлопала она глазами, — мы хотели бы остаться с тобой подольше.

— В Лондоне чума. Собирай вещи. А я попробую найти телегу. Мы возвращаемся в Стрэтфорд.

Анна заплакала, но, понимая, что Уильям прав, молча начала собирать вещи. К вечеру они выехали из окутанного паникой города. Те, кто успел, уже были далеко. Оставшиеся либо старались не выходить на улицу, либо, напротив, кутили в тех немногих кабаках, которые оставались открыты.

Телегу подбрасывало на ухабах. Уставшие дети спали на коленях у матери. Уильям подстегивал клячу, с трудом тянущую их повозку. На дорогах, несмотря на эпидемию, орудовали разбойники, не боявшиеся ни черта, ни бога, поэтому добраться до ближайшего постоянного двора желательно было побыстрее.

Спать все же пришлось в телеге: на постоянных дворах либо не было свободных комнат, либо они стояли заколоченными. Уильям устроился на ночлег возле таких же, как и они, бежавших из Лондона горожан. Кто-то шел пешком и поэтому спал прямо на земле, кто-то пристроился в повозке. Ночную тишину время от времени нарушали плач маленьких детей, чей-то храп, негромкие стоны и крик стариков.

Утром, собираясь продолжить свой путь, Уильям услышал свое имя:

— Уил, друг! Ты ли это? — Он посмотрел по сторонам и увидел, как к нему идет Бербридж.

— Джеймс?! Ты как тут? — Уильям искренне обрадовался, увидев исполнителя всех главных ролей в своих пьесах.

— Мы с отцом и его новой труппой вынуждены были покинуть Лондон. Будем давать представления, где придется. Пока иного выхода нет. Отец не хочет распускать актеров. Присоединяйся к нам. Предложение остается в силе. Отличный актер и прекрасный драматург в одном лице еще никому не помешал.

— Спасибо, Джеймс, — Уильям не верил в свою удачу, — конечно, я с вами, — тут он вспомнил об Анне и детях, которых надо было доставить в Стрэтфорд, — м-м-м, со мной моя семья. Сначала я должен отвезти их домой.

— Подожди минуту, не уезжай, — попросил его Бербридж, — я поговорю с отцом. Какая нам разница, куда ехать. Может, мы сможем вместе доехать до Стрэтфорда, дать там пару спектаклей, а затем двигаться дальше, забрав тебя с собой.

Джеймс побежал к стоявшей неподалеку телеге. Там сидело человек пять, свесив ноги, весело болтая и попивая крепкое пиво. Джеймс начал им что-то быстро говорить, показывая в сторону Уильяма. Они приветливо замахали ему руками.

— Порядок, — вернулся запыхавшийся от предпринятых усилий актер, — мы едем с вами.

* * *

Раньше она любила посмотреть на себя лишний раз в зеркало. Даже, несмотря на перенесенную много лет назад оспу, наложившую свой отпечаток на ее лицо, Елизавета долгое время считала его красивым. Теперь все зеркала из спальни она велела убрать. Придворные рассыпались перед ней в любезностях, а она предпочитала принимать лесть за истинные проявления их чувств. Если не смотреться в зеркало, то вполне можно было убедить себя в том, что ее красота с годами не увядает.

Самыми печальными были одинокие ночи в спальне, когда ей никак не удавалось уснуть. Она начинала перебирать бумаги в своих шкатулках, перечитывала последнее письмо Дадли, свои стихотворения, крутила в руках подарки Роберта, вспоминая, когда он их преподносил и что говорил при этом.

Старая внешне, Елизавета не переставала быть молодой в душе. Сердце жаждало любви, ее переполняли желания, а здоровье позволяло предаваться любимым увлечениям. Королеве нравилось объезжать свои владения, путешествуя по Англии с огромной свитой, растягивающейся впечатляющим, многомильным кортежем по раздолбанной дороге. Она обожала неожиданно нагрянуть к какому-нибудь графу, а то и простому фермеру, пугав последнего до смерти своим появлением. Елизавету и ее свиту размещали в лучших комнатах, ради них на столы ставили все имевшиеся в доме запасы еды. А после ее

отъезда долго еще вспоминали, как принимали у себя саму королеву Англии.

Ей было пятьдесят девять лет, но периодически к ней, как и раньше, отправляли сватов. Елизавета стойко отстаивала свой незамужний статус, предпочитая окружать себя молодыми фаворитами. Графу Саутгемптону было всего девятнадцать, Джону Харрингтону — тридцать один. Харрингтон напоминал Елизавете молодого Дадли. Он увлекался искусством, писал стихи и памфлеты, а также занимался переводами с итальянского и латыни.

Дворец Ричмонд, как и Тауэр, когда-то успел послужить королеве тюрьмой. Но выглядел он совсем не так, как мрачная лондонская темница. И детские воспоминания о проведенном здесь времени заставляли Елизавету любить это место и возвращаться сюда снова и снова. Прекрасный вид на Темзу и на окружающие дворец парки, множество окон, которые, казалось, просто покрывали все стены дворца одним большим витражом, башенки, просторная открытая галерея — все это придавало Ричмонду непередаваемую красоту и изысканность.

Зимой Елизавета любила устраивать во дворце рождественские празднования, которые обычно длились по нескольку дней; летом там устраивались театральные представления на свежем воздухе и катания на лодках по Темзе.

— Ричмонд. Он так же великолепен, как и много лет назад, — Елизавета возлежала на диване в тени векового разлапистого дерева, — здесь никогда не бывало так холодно, как в Тауэре. И Темза почему-то возле башни выглядит гораздо грязнее.

— Здания построены по-разному, — пустился в объяснения Харрингтон, облокотившись о спинку дивана, — во дворце протопить помещения чуть проще. Река же за чертой города всегда чище, — последние слова крестный сын королевы уже практически шептал ей на ухо, — и в Тауэре нет таких садов и парков.

— Да, это так, — Елизавета согласно кивнула в ответ.

Вечером Елизавета стояла у окна своей спальни и смотрела на раскинувшиеся перед ней парки и на реку, что текла прямо за ними. Ей отчего-то всегда нравилось смотреть в окна. То ли оттого, что виды из окон большинства королевских дворцов и замков открывались на самом деле удивительные, то ли, проведя все свои юные годы в заточении, Елизавета привыкла к тому, что смотреть вдаль на безграничные просторы ей запретить никто не мог.

— Итак, мы ничего не добиваемся. Дискредитировать Елизавету не удалось. Дадли умер, но она отклоняет предложение за предложением. Все наши проекты проваливаются. За что французский двор вам платит деньги? — ворчал пожилой месье, продираясь сквозь чащу леса.

— Позвольте предположить, что еще не все потеряно. Нам достоверно известно, что у королевы был сын. Наши шпионы допрашивали его на корабле, тайно следующем из Англии в Испанию.

— Вы мне уже рассказывали эти сказки. Но сына доставить к французскому двору не могли. Где доказательства того, что это все не очередная попытка оправдать свое бездействие, бесплодность предпринимаемых усилий? — француз остановился и внимательно посмотрел в глаза собеседнику.

— Артуру Дадли удалось бежать. Он скрылся с захваченного корабля и исчез в неизвестном направлении.

— Черт с ним, оставьте уже эту тему! Разыскивайте другие факты. Вокруг Елизаветы полно молодых фаворитов. Следите за ними, платите деньги, в конце концов. Кто-то ведь должен затащить ее в постель.

Старушка и по сей день, не так уж плоха. Продолжает блистать нарядами и дорогими украшениями. Кокетничает напропалую. Пользуйтесь возможностью. Найдите фаворита, который займет в ее сердце место графа Лейстера.

— Мы делаем все, что возможно. Нам слегка мешают испанские шпионы. Не исключено, что именно они помогли бежать сыну королевы.

— Что вы заладили? Сын королевы! Пока я не увижу его воочию, не морочьте мне этой байкой голову.

— Да, еще есть тайная шкатулка.

— Очередной миф! — Француз рубанул шпагой по веткам деревьев.

— Я лично видел шкатулку в спальне Елизаветы.

— И что там внутри? Зачем нам так надо ее заполучить?

— Говорят, внутри подарки Дадли, его письма, еще какие-то бумаги, которые королева прячет от посторонних глаз. Никто не видел содержимого шкатулки, но, судя по тому, как она ее укрывает в своей спальне, ее стоило бы, м-м-м, выкрасть.

— Подарки, письма. Возможно. Если там есть что-то кроме романтической чепухи, которую так любят хранить женщины, то игра стоит свеч.

— Она их посвящает конкретным мужчинам. Если там стоят их имена, то неоспоримые доказательства ее чувств в наших руках.

— Не бог весть что, — пробормотал француз, — но на безрыбье и шкатулка — рыба, — он усмехнулся, — тащите шкатулку, коль больше нечего. Мы хоть что-то сможем представить вниманию человека, который оплачивает наши услуги. Услуги, заметьте, которые мы и так и оказали в полной мере.

— Пожалуй, организуем рыцарский турнир, — объявила Елизавета, — граф Эссекс, будьте добры сделать все, что для этого необходимо. Прошу быть на турнире всех моих приближенных.

— В Лондоне свирепствует чума, Ваше Величество. Многие разъехались, кто куда, — отвечал молодой красавчик граф.

— Меня это не должно волновать, не правда ли? — королева встала, шурша платьем. — Постарайтесь, мой юный друг, и вы будете вознаграждены по заслугам.

За несколько дней Ричмонд заполнился людьми: отказать королеве не посмел ни один ее фаворит, ни один состоящий при дворе поданный.

— Хорошая работа, граф, — похвалила Эссекса Елизавета.

Неподалеку стоял, кусая губы, Джон Харрингтон. Он становился старше и с годами явно уступал свое место возле королевы более юным. Эссекс гордо прошествовал мимо, сделав вид, что не заметил противника. Он был уверен, что турнир будет за ним.

Всадники с разных сторон по очереди выезжали на площадку, расположенную прямо перед шатром королевы. Они отдавали ей честь и удалялись с поля боя. Наконец турнир начался: Елизавета встала со своего трона и махнула платком. Облаченные в тяжелые доспехи рыцари с копьем наперевес готовились к бою.

Раз за разом Эссекс, направив своего коня прямо на противника, сваливал его с лошади и победоносно приставлял копье к его груди. Последним против него выступал Чарльз Блаунт, появившийся в свите королевы совсем недавно. Из-под шлема сверкнули темно-карие глаза молодого выскочки.

«Сейчас и ты будешь валяться в пыли», — пообещал Эссекс, пришпорив коня. Неожиданно он почувствовал сильный удар, конь под ним пошатнулся, и граф с удивлением осознал, что падает.

Елизавета лично поздравила победителя. Блаунт с поклоном получил из ее рук маленькую золотую брошь с изображением королевы и тут же прикрепил ценный подарок себе на рукав.

Харрингтон наблюдал за сценой со стороны. Он с удовольствием увидел, как взбесившийся Эссекс удалился, хромя, с поля боя.

«С королевой никогда не можешь быть уверенным в завтрашнем дне, — подумал он, — один фаворит сменяет другого. Ты планировал занять мое место, граф? Посмотрим, кто кого. Иногда молодость играет с нами злую шутку, потому что не позволяет терпеть и ждать. Осталось понаблюдать за тем, как Елизавете надоеет очередной заносчивый юнец».

Внезапно Джон почувствовал, что за ним тоже кто-то наблюдает. Он оглянулся, но никого поблизости не заметил.

В тот вечер за ужином королева была в ударе. Она шутила, улыбалась шуткам фаворитов, собравшихся вокруг нее и старавшихся наперебой угодить своей госпоже. Елизавета не вспоминала про зеркала, она снова представляла себя двадцатипятилетней. Рыжий парик и толстый слой пудры совершенно не мешали ей мечтать. А комплименты, которыми ее забрасывали молодые люди, сладкой патокой растекались в ее сердце...

Глава 3

Искушение. 1594 год

К концу 1592 года вспышка чумы пошла было на спад, но не успели театры вернуться в город и снова начать давать спектакли, как к лету следующего года страшная болезнь вновь заставила их уйти из Лондона. Уильям путешествовал по стране с театром Бербриджа, вместе со всей труппой проведя зиму в столице. Он опять сблизился с графом, но дружба их не была уже такой теплой, как раньше.

Анна безропотно оставалась в Стрэтфорде, понимая, что не имеет права подвергать детей опасности, которую таило в себе пребывание в Лондоне. Несколько раз Уильям заезжал навестить семью, но оставался в родном городе ненадолго, буквально через пару дней начиная тосковать по вольной жизни, по театру и своим друзьям.

Бывало, из-под пера Уила выходили сонеты, посвященные одной и той же женщине, царившей в его воображении безраздельно. Красотка, напуганная вспышками чумы, приехала в Лондон лишь однажды, была представлена Елизавете, но быстро уехала обратно во Францию. Граф успел с ней сблизиться. Они писали друг другу пылкие письма. Уильям, наверное, сошел бы с ума от ревности. И только то, что виделись они с Генри редко, спасало его сердце и душу от мучительных переживаний.

— Мой друг, на днях в Англию приезжает та, чей образ не покидает меня последние два года, — сообщил граф Уильяму в начале осени.

К тому времени Лондон ожил — всюду давали представления театры, в тавернах было полно народу, активно организовывались праздники на Темзе, с фейерверками, прогулками на лодках, музыкой и танцами. По улицам прохаживались дамы в великолепных платьях из бархата, парчи, расшитые серебром и золотом. Шляпы поражали воображение прохожих вышивкой и украшениями. Молодые вельможи порой могли перещеголять нарядами дам: расшитые золотом пояса, огромные гофрированные воротники, камзолы, усыпанные драгоценными камнями, сверкали в солнечных лучах.

Уильям все чаще посещал собрания у графа Саутгемптона, охлаждение между ними потихоньку проходило, уступая место прежним близким отношениям двух одинаково сильно влюбленных в искусство людей. Уильям по-прежнему посвящал свои сонеты графу, не решаясь признаться в том, что они посвящены женщине.

— Я хотел бы, чтобы вы встретились, — продолжал Генри, — ты считаешь сонеты, а может быть, даже и напишешь пьесу к ее приезду, которую разыграют твои друзья из нового театра.

Уильям, молча, кивнул.

— Ты чем-то расстроен? — заметил граф.

— Нет, я просто подумал, что вряд ли успею дописать пьесу, которую задумал, — Уильям не мог откровенно рассказать графу о том, что чувствовал в тот момент. Его сердце разрывалось на части. Он страстно желал увидеть возлюбленную Генри, но в то же время понимал, что у него нет никаких шансов на взаимность. Увидев ее воочию, он будет страдать еще больше. Шекспир был уверен: в жизни она окажется куда красивее, чем на том портрете, который ему показал когда-то граф.

— Ее зовут Элизабет Верной, она будет фрейлиной королевы, — рассказывал граф, не замечая страдания Уильяма, — граф Эссекс является ее кузеном.

— Ты можешь, наконец, на ней жениться? — спросил еле слышно Уильям.

— К сожалению, к тому слишком много препятствий, — вздохнул граф, — во-первых, я обручен с другой. Тебе, мой друг, об этом хорошо известно. Во-вторых, я один из фаворитов королевы. А она не любит, когда ее любимчикам начинают нравиться другие женщины, особенно фрейлины. Если бы не покровительство Эссекса, то Элизабет навряд ли бы взяли ко двору. Она слишком хороша, чтобы находиться при королеве, не терпящей подобного соперничества.

День, когда к графу в гости приехала Верной, запомнился Уильяму навсегда. С утра он не находил себе места, перечитывая отобранные для нее сонеты. В конце концов, когда он явился к графу, казалось, что у него трясется каждая поджилка, а сердце стучит на весь замок.

Уильям никогда не выезжал за пределы Англии, и смуглые, темноволосые женщины ему, как и большинству англичан, были в диковинку. В моде на острове присутствовал рыжий цвет волос и бледный цвет лица. Сама королева задавала тон этой моде, меняя один рыжий парик на другой и сильно напудривая лицо. Те из англичанок, кто обладал более темными волосами, старались красить их всеми сподручными средствами.

Элизабет Верной олицетворяла своим внешним видом полную противоположность идеальной английской внешности. Да и одета она была по французской моде, что также отличало ее от окружающих женщин. Граф не отходил от нее ни на шаг. В какой-то момент он подозвал к себе Уильяма и представил их друг другу:

— Уильям Шекспир — выдающийся поэт и прекрасный драматург. Элизабет Верной — самая красивая из всех женщин, которых я когда-либо встречал.

Верной засмеялась, дотронувшись кончиками пальцев до руки Уильяма. По его телу пробежала дрожь. Он поклонился, не осмелившись ничего сказать в ответ. Уильям и предположить не мог, что обратил на себя внимание красавицы Элизабет. За годы, прожитые в Лондоне, играя в театре и вращаясь в высшем обществе, в который ввел его граф, Уильям сильно изменился и совсем не был похож на приехавшего когда-то покорять столицу молодого человека.

Перед Элизабет стоял высокий, стройный мужчина с высоким лбом, тонкими чертами лица, обрамленного вьющимися темными полосами до плеч, аккуратными усами и бородкой. Он был одет изысканно, но не вызывающе. Его умные глаза словно видели ее насквозь, словно читали самые потаенные мысли, словно умели заглядывать в дальние уголки ее души.

Молодой, щеголеватый, белокурый граф рядом с Уильямом выглядел мальчишкой, впрочем, не лишенным обаяния. Элизабет перевела взгляд с одного мужчины на другого и все же остановилась на Уильяме.

— Почитайте что-нибудь, пожалуйста, — попросила она, и Уильяму показалось, что с ним говорит божество, не иначе.

— К вашим услугам, — промолвил он и откашлялся.

— Да что с тобой, Уильям? — спросил насмешливо граф. — Ты теряешься перед красивой женщиной? Не стоит! Расслабься. Элизабет обладает снисходительным характером. Так что не будет ругать твои сонеты, даже если они ей не понравятся, — и он привычно расхохотался собственной шутке.

Шекспир начал читать. Строчку за строчкой, сонет за сонетом. Когда он закончил, Верной внимательно посмотрела на него и спросила:

— Кому вы посвятили эти замечательные стихи?

— Мне, — встрял граф, — все сонеты посвящены мне.

— Граф, но они явно посвящены женщине, а не мужчине, — возразила Элизабет, — кто эта женщина, которая пробудила в вас такие сильные чувства? — обратилась она снова к Уильяму.

«Вы», — чуть у него не слетело с языка, но он поймал местоимение на лету.

— Я не думал о конкретной женщине, когда писал сонеты, — заговорил он, — иной раз, видишь чей-то портрет или перед тобой мелькает и исчезает лицо в толпе, и после нереальный образ витает у тебя в воображении. Когда я пишу, я представляю себе этот образ, не имеющий ничего общего с определенной дамой. В этом сила искусства. Если посвящать стихи какому-то вымышленному образу, то каждая конкретная женщина будет видеть в нем себя.

— Bravo! — захлопала в ладоши Элизабет, — Как тонко вы выразились, Уильям.

— Думаю, у вас будет еще возможность встретиться, — раздался голос графа, — Уильям готовит к постановке новую пьесу. Специально к вашему приезду, мадам.

— О чем вы пишете? — спросила она.

— О любви, — просто ответил Шекспир, — о чем я могу еще писать в честь вашего приезда?

Вернувшись, домой в тот вечер, Уильям долго не мог уснуть. Он ходил из угла в угол и думал о прекрасной француженке. К утру, Уильям чувствовал себя разбитым, усталым и по уши влюбленным. До этого дня образ Элизабет был размытым и обретал реальные черты лишь силой буйной фантазии. Теперь портрет вышел из рамы — перед его взором стояла женщина из плоти и крови, которая была гораздо красивее любой воображаемой картинке.

Уильям достал из ящика стола начатую пьесу, посмотрел на листки бумаги и засунул их обратно в стол.

— Не годится. Совсем не годится, — пробурчал он и вынул пачку чистой бумаги.

Он не выходил из дома в течение нескольких дней, исписывая страницу за страницей. Первую часть пьесы он задумал как комедию, во второй части комедия уступала место настоящей трагедии, смех зрителей должен был смениться слезами. То, что вначале казалось беззаботным приключением двух влюбленных друг в друга молодых людей, в конце оборачивалось нелепой смертью обоих.

В театр Бербриджа Уильям пришел, шатаясь от усталости.

— Вот пьеса, — кинул он отцу Джеймса стопку страниц на стол, — граф Саутгемптон просит ее поставить и сыграть для его гостей в ближайшее время.

— Хороший заработок! — весело отозвался старший Бербридж. — Спасибо, сынок. Ты, как всегда, вовремя. Пьес не хватает, а зритель каждый день требует чего-нибудь новенького. Сначала сыграем для графа, потом настанет черед и простой публики.

Перед замком была сооружена сцена, актеры усиленно гримировались в выделенной для них комнате. Особенно усердствовали те, кому предстояло играть женские роли. В передних рядах сидели граф и Элизабет Верной. Неподалеку примостился и сам автор пьесы. Остальные гости беспорядочно расселись по всему саду, переговариваясь и по ходу дела просматривая программку.

«Ромео и Джульетта» — значилось в заглавии, автор — Уильям Шекспир, исполнители — актеры театра «Глобус». Пьеса в двух действиях.

Уильям не написал, будет ли это комедия или трагедия, и хранил стойкое молчание по этому поводу. Как он и рассчитывал, в первом действии актеры веселили публику на славу. Конфликт между двумя итальянскими семьями, не дававший нормально встречаться двум влюбленным, вначале совсем не предполагал трагической развязки. Молодые люди тайно встречались, им помогали друзья и слуги, как это

чаще всего и бывало в пьесах такого рода.

В перерыве Элизабет приветливо помахала рукой Уильяму. Граф оставил ее ненадолго и подошел к своему другу.

— Я думал, ты напишешь что-то более романтическое. Более трагическое, что ли, — с укоризной произнес он, — я не предполагал, что ты будешь писать комедию. Уильям, мне хотелось заставить Элизабет рыдать в моих объятиях после спектакля. А она смеется и радуется каждой сцене, как ребенок.

— Не торопись, — грустно ответил Шекспир, — все еще впереди. Будет тебе и трагедия, и слезы.

В конце второго действия публика прикладывала платки к глазам. Как и обещал Уильям графу, трагедия началась практически сразу. Нелепые совпадения, которые довели влюбленных до могилы, вызвали в зрителях такую бурю эмоций, что в самом конце некоторые дамы даже упали в обморок.

Элизабет не сдерживала слез.

— Как это ужасно, — повторяла она, проходя в замок к накрытому столу, — как ужасно. После такого совсем не хочется даже притрагиваться к еде.

Несмотря на весь трагизм разыгравшейся перед ними сцены, гости не без аппетита приступили к трапезе. Уильям с удовольствием ловил на себе время от времени заинтересованные взгляды француженки. Отбить Элизабет у графа ему и в голову не приходило, но успех его пьесы окрылял и давал надежду хоть на каплю взаимности с ее стороны.

В последующие дни Уильям все больше проводил времени дома или в театре. Возвращаться к графу не хотелось. Он боялся выдать ненароком свои чувства, посмотреть неподобающим образом в сторону возлюбленной Генри Ризли, сказать что-то, выдающее его с головой. Но вскоре ему принесли записку, дурманяще пахнущую духами:

— «Вы давно не появлялись у графа. Я скучаю. Элизабет».

— Уильям перечитывал несколько слов, написанных маленькой женской ручкой, и не знал, как ему поступить в сложившейся ситуации. Конечно, граф не был ему другом в полном смысле этого слова. Конечно, он не давал ему клятвы верности. Тем более он не брал на себя обязательство не влюбляться в Элизабет Верной. Но стать соперником графа? Уильям даже представить себе не мог, как он осмелится ухаживать за женщиной, которую так любил граф.

Тем удивительнее было событие, произошедшее сразу после этого. За запиской Элизабет последовала записка от Генри:

«Мой друг, извольте все-таки явиться ко мне в замок. У меня в гостях бывает известная вам особа, которая все более скучает по вам. Каждый раз, появляясь в моем замке, она спрашивает, как поживает драматург и поэт Уильям Шекспир. Чтобы наиболее точно ответить на ее вопрос, лучше будет, если это сделаете вы лично. Генри Ризли, граф Саутгемптон».

Ну что ж, мосты были сожжены. Уильям облачился в свой лучший камзол, нацепил шпагу, надел шитую по последней моде шляпу и выехал в сторону замка. По дороге он репетировал различные фразы, с помощью которых он будет оправдывать свое отсутствие у графа. Так, не переставая что-то бормотать себе под нос, он и въехал во владения своего высокопоставленного друга.

— Боже мой! Вы явились, наконец! — ему навстречу чуть не бежала самая обожаемая из женщин. Ее чудные темные локоны развевались на ветру, карие глаза блестели, а изысканное платье облегло тонкий стан. Уильям спешил, но не осмелился подойти ближе.

— Без вас тут было скучно, — продолжала говорить Элизабет, — граф обещал еще спектакли, но вы

так и не явились. И ваш театр пропал совсем из виду! Уильям, так нечестно! Вы очаровали меня своими сонетами, пьесой, в которой все главные герои, к сожалению, умирают в самом конце, не обретая счастья. Но вы не спешите очаровывать меня дальше!

— Я не смел, являться сюда, — попытался найти себе оправдание Уильям, — я думал, вы захотите больше проводить времени с графом. Я лишь актер и весьма посредственный драматург...

— Не смейте говорить так о себе! — воскликнула Элизабет. — Вы гений! Вам нет равных! Поверьте. Я приехала из Парижа, где полно поэтов, пытающихся писать в честь возлюбленных возвышенные оды. Им не сравниться с вами.

— Вы мне льстите, — Уильям прикоснулся губами к ее руке, — но я готов слушать вашу лесть сколь угодно долго.

— Лучше прочтите что-нибудь, — потребовала Элизабет, — у вас есть новые сонеты? Вы написали что-нибудь новое за эти дни? Или бездельничали, ожидая от меня письма?

— Бездельничал, — Уильям посмотрел ей в глаза смелее, — но я дождался того, чего хотел, не правда ли?

— А вы опасны, — Верной не стала отводить взгляд.

И если бы не граф, появившийся в начале аллеи, Уильям совсем не был уверен, смог бы он сдержаться от того, чтобы не поцеловать Элизабет.

— Представьте, Генри, он ничего не писал все эти дни, — она кокетливо улыбнулась графу.

— Так бывает у людей искусства. Тем более что новая пьеса потребовала от Уильяма больших усилий, — граф посмотрел в сторону Шекспира, — чем же ты был занят все эти дни, что не писал, но и не радовал нас своим присутствием?

— Я размышлял о превратностях судьбы. — Уильям понимал, что одно лишнее слово и Генри догадается о его чувствах, которые и так было сложно скрывать. — Жизнь порой сталкивает с такими людьми, которых и представить не мог рядом с собой. Например, мое знакомство с графом — разве я помышлял, что буду удостоен его дружбы?

— Уильям прав, — обратился Генри к Элизабет, — увидев впервые ваш портрет, я тоже не мог не только мечтать о взаимности, но просто о знакомстве с такой женщиной.

Верной обратилась к Уильяму:

— А что же вы? Считаете ли вы наше знакомство счастливым поворотом судьбы? Лично я никогда не мечтала о знакомстве с драматургом и поэтом, да еще таким талантливым, как вы.

— Ваша благосклонность, ваши слова — это наивысшее счастье. Мой скромный талант я готов целиком и полностью посвятить вам, — Уильям поклонился, — если вы не против, я осмелюсь написать несколько сонетов специально для вас.

Беседа начала графу надоедать. Он чувствовал, что Уильяма и Элизабет странным образом влечет друг к другу. Он видел, как они обмениваются взглядами, как Уильям то краснеет, то бледнеет в ее присутствии. Вечером, оставшись вдвоем со своим другом, Генри спросил его:

— Скажи честно, ты влюблен в Элизабет?

Уильям смутился, но решил быть честным с графом:

— Да, к сожалению, это истинная правда, и я не в силах скрывать от тебя моих чувств. Если ты запретишь мне появляться в твоём доме, то будешь прав.

— Зачем же? — усмехнулся граф. — Пусть жизнь рассудит. Ты сам тут размышлял сегодня о превратностях судьбы. Я вижу, что мы оба нравимся красоте Верной. Что ж, она сделает свой выбор.

— Разве я могу быть соперником графу? Может быть, я нравлюсь Элизабет, но говорит ли это о чем-то? Пожалуй, нет. В любом случае мы не сможем быть вместе.

— Уильям, ты сам знаешь, что любовь непредсказуема. И если женщина влюблена, то бывает, способна на многое. Мне казалось, Элизабет проявляет ко мне благосклонность. Мы писали друг другу пылкие письма, хотели увидеться и так оба ждали ее приезда в Лондон. Но женщины ветрены. Я вижу взгляды, которые она кидает в твою сторону. Я чувствую, что она стала чуть более холодна ко мне. Мы будем ухаживать за ней оба, и я не собираюсь запрещать тебе здесь появляться.

— Ты очень благороден, Генри, — Уильям смутился, — не знаю, чем я заслужил твое расположение.

— Не обольщайся, мой друг. Это не благородство, а простое желание одного мужчины доказать свое превосходство над другим. Это вызов. А с другой стороны, женщина не должна лишать меня твоего общества. Надеюсь увидеть еще не одну твою пьесу, поставленную на моей сцене. Да, между прочим, Элизабет теперь много времени будет проводить при дворе — она стала фрейлиной королевы. И мне надо быть очень осторожным, ухаживая за ней, чтобы не потерять расположения Елизаветы. Мы с тобой находимся практически в одинаковых условиях.

— И, тем не менее, спасибо, граф. Я искренне благодарен вам за дружбу.

В полном смятении от обуревавших его чувств Уильям отправился домой. Он искренне любил Генри и был благодарен ему за то, что обаятельный граф делал для него. Но эта дружба порой начинала его тяготить. Уильям понимал, что в только что разыгранной как по нотам сцене Генри лишь хотел казаться открытым и честным. Он был слишком уверен в своей победе в любовной схватке, поэтому и был так снисходителен к Уильяму. Сын перчаточника из Стрэтфорда, пусть даже и ставший известным драматургом, никогда не сможет составить достойную конкуренцию богатому графу, фавориту самой королевы.

Уильям, в который раз подумал о возвращении в театр. Джеймс Бербридж всегда был рад видеть его и продолжал звать в «Глобус». Не то чтобы Уильям больше не имел к театру никакого отношения, по, проводя массу времени в литературной гостиной графа и участвуя в постановке пьес для него и его гостей, он не мог постоянно работать у Бербриджа. А если вернуться к постоянной актерской работе, то он будет реже бывать у графа, меньше видется с Элизабет. И, может быть, даже сумеет совсем выбросить ее из головы...

— Ты снова с нами, и это здорово! — Джеймс был искренне рад возвращению Уильяма в «Глобус». Они сидели вместе с другими актерами в таверне и обсуждали новые постановки.

— Пьесы, как и раньше, театры нагло друг у друга крадут, — продолжил Бербридж, — поэтому все, что ты для нас пишешь, имеет огромную ценность. Ты знаешь, «Ромео и Джульетта» идет с огромным успехом, но не бросай, пожалуйста, исторические драмы. Публика на них ревет от восторга.

— То, что замешано на крови и связано с любовью и смертью, всегда будет иметь успех, — пробормотал Уильям, — в целом жизнь человеческая скучна. Она лишена всех этих жутких драм...

— И, слава богу! — встрял Джеймс.

— Да, но мы жаждем страстей, которые бы разрывали нам сердце. Посмотри, как мало сейчас на сцене разыгрывается комедий. Из десяти пьес, что я написал, всего четыре — комедии. И часто ли театр их ставит?

— Ты прав, гораздо реже, чем трагедии, — Джеймс почесал в голове. — Уильям, с тобой что-то происходит. Ты как-то странно выглядишь в последнее время. Вот и сейчас — ты рассуждаешь о том, что хочет видеть зритель, а сам явно думаешь о другом. Да и твое возвращение в театр — это скорее просто бегство от графа. Вы в ссоре?

— Нет, пожалуй, нет. Я сбежал от Генри, потому что влюбился в его даму сердца.

— Вот так дела! — воскликнул Джеймс и заказал еще эля. — А попроще никого не нашлось? Только дама графа?

— Я же не нарочно! Признаюсь честно: я увидел ее изображение еще два года назад. Все мои сонеты посвящены Элизабет, а не графу, — Уильям вздохнул.

— Можно было догадаться, что ты писал их женщине. Но, я полагал, она — вымышленный образ. И что теперь?

— Теперь я здесь с тобой и снова работаю в театре. Я ей нравлюсь. Граф видит, что происходит. Он предложил честный поединок: мол, ты можешь приходить в мой дом, как и прежде. Пусть Элизабет сама сделает свой выбор. Но слышал бы ты, как он это говорил! Генри уверен в своем превосходстве. Фрейлина королевы никогда не выберет актера.

— Не забывай, Уильям, ты к тому же женат. А граф кроме своего положения и денег вполне может предложить ей руку и сердце. Любая женщина сделала бы выбор в его пользу, — Джеймс хлопнул друга по плечу, — не расстраивайся. Куда удобнее любить изображение на портрете, чем реальную женщину. Портрет молчалив, предан тебе, у него не меняется каждую минуту настроение.

— Портрет не дышит, не смотрит тебе в глаза, не дотрагивается до твоей руки, не смеется и не плачет. Если бы не увидел настоящую, живую Элизабет, я бы довольствовался портретом. Но, увидев ее, я не смогу держать в памяти изображение. Я всегда буду помнить реальную женщину.

На улице стало совсем темно.

— Пожалуй, пойдем по домам, — предложил Джеймс, — завтра днем спектакль. Надо выспаться, чтобы бодрее играть в любовь. Уильям, если она тебя так вдохновляет, люби. Главное, чтобы от этого не пострадали твои отношения с графом. Все-таки он покровительствует тебе и театру. Не надо разрушать из-за женщины то, чего ты добился своим талантом.

— Спасибо за совет, друг, — Уильям кивнул, в душе будучи, тем не менее, уверен, что готов бросить к ногам Элизабет все.

В спектаклях ему редко доставались главные роли. Вот и на сей раз Уильям то и дело переодевался, изображая на сцене три разных второстепенных персонажа. В главной роли, как обычно, блистал Джеймс Бербридж. Уильям с удовольствием писал пьесы специально под него: талант Джеймса был бесспорным.

Зал взрывался аплодисментами. «Как хорошо, что я вернулся, — подумал Уил, — я и не думал, что так соскучился по обычной публике, которая готова стоять на ногах два часа подряд ради написанных тобой строк, ради игры Джеймса». Он вернулся на сцену, чтобы сказать очередные реплики, и вдруг увидел ее.

Элизабет сидела в ложе слева от сцены. На голове у нее красовалась прекрасная шляпа, украшенная яркими цветами. Из-под шляпы выбивались темные локоны. Уильям словно во сне произнес свои слова и остался стоять у края сцены, не в силах отвести взгляд от Элизабет.

После спектакля ему передали пахнущую духами записку: «Я вас жду у моста». Уильям вдыхал дурманящий аромат, исходивший от бумаги, и не мог тронуться с места. Наконец он стряхнул оцепенение и, выйдя из театра, пошел в сторону ближайшего моста через Темзу. Из-за расположенной неподалеку

ярмарки движение через мост было затруднено: телеги, экипажи, кареты, лошади и люди, передвигавшиеся на своих двоих, бурным потоком двигались и в ту и в другую сторону. Уильям растерянно оглядывался, не понимая, как он сможет увидеть Элизабет в такой толпе.

— Садитесь, — раздался где-то рядом знакомый голос, — садитесь же быстрее.

Дверца остановившейся возле него кареты раскрылась, и маленькая, изящная, женская ручка замахала ему, приглашая незамедлительно влезть внутрь.

— Почему я перестала вас видеть у графа? — Элизабет незамедлительно перешла к делу. — Я вам наскучила? Вам надоело мое общество?

— Ну что вы, что вы говорите! — попытался обороняться Уильям. — Я играю в театре, пишу пьесы. Мне просто стало некогда.

— Неправда, — громко шептала Элизабет, — вы все врете. Раньше у вас хватало времени. Просто теперь вы не хотите со мной встречаться.

— Вы не понимаете, Элизабет. Я вернулся в театр и даже вошел в долю, став пайщиком нашего театрального предприятия.

— Поздравляю, — сказала девушка, поджав губы.

— Вас любит граф. Я не смею с ним соперничать.

— А зря, — Элизабет посмотрела на Уильяма, — вы очень даже привлекательный мужчина. И пишете такие красивые сонеты! Неужели вы хотите сказать, что мы больше не будем видеться? Вы не можете соперничать с графом, а я не могу соперничать с деньгами, которые вы тут, оказывается, вовсе зарабатываете вместо того, чтобы встречаться со мной, — она рассерженно топнула ножкой.

— Я обещаю появляться у графа, — заверил ее Уильям, — реже, чем раньше, но обещаю приходить.

— Мне и самой сложнее будет бывать у него. Я вам хотела и об этом сказать, — призналась Элизабет, — теперь я при дворе. В качестве фрейлины королевы приходить в гости к графу я смогу не так часто, как хотелось бы. Я приехала сюда убедиться, что не разонравилась вам.

— Элизабет, вы не разонравитесь мне до конца моих дней, — пылко заверил ее Уильям.

— Прекрасно, — рассмеялась Элизабет. — Тогда я буду присылать вам записки, чтобы вы знали, когда точно можете меня видеть.

— Спасибо, — произнес Уил, — и я не смел надеяться вновь видеть вас.

— Как видите, зря, — Элизабет снова засмеялась, — ну а сейчас выходите. Мне надо ехать, а как видите, это будет непросто, — она махнула в сторону запруженного народом моста.

Уильям прикоснулся губами к ее руке и вновь оказался на улице. Его тут же оглушил шум толпы. Проходившие мимо люди толкались, пытаясь проложить себе путь, лошади неожиданно начинали ржать прямо у него над ухом, из-под ног с лаем выскакивали собаки, во всю глотку кричали петухи. Но Уильям слышал только голос Элизабет, который чудной мелодией звучал у него в голове...

С тех пор пахнущие духами записки, написанные впопыхах или, напротив, продуманные и нежные, стали частью его жизни. Он ждал их появления везде — в театре, дома и даже у графа, где, как и обещал, Уильям снова начал бывать. Кто только не приносил ему письма: служанки, грязные бродяги, посыльные. А в замке Генри их тайно ему подсовывала в карман сама Элизабет.

Конец 1594 года запомнился Уильяму чередой спектаклей в «Глобусе», огромным количеством гастрольных спектаклей при дворе и постоянным ожиданием встреч с Элизабет. За этот год он написал три

пьесы, которые с успехом шли в театре. Единственным человеком, портящим всю картину, был Джеймс, проводящий время от времени занудные, душеспасительные беседы с Уилом.

— Ты все-таки пытаешься играть с графом, а игра эта заведомо тобой проиграна, — твердил он, — Элизабет интересно с тобой, но лишь потому, что ты человек не ее круга. Ты отличаешься от тех, кто ее окружает. Но когда она привыкнет к тебе, то тут же перестанет тобой интересоваться.

— Я готов видаться с ней ровно столько, сколько она пожелает, — упрямо отвечал Уильям, — как только Элизабет надоеет вся эта игра, я уйду в сторону и не буду настаивать на продолжении встреч.

— Это ты так сейчас говоришь, — спорил с ним Джеймс, — а стоит Элизабет исчезнуть из твоей жизни, как ты начнешь страдать и пытаться снова ее увидеть.

Уильям понимал, что его друг во многом прав, но не мог ни разлюбить ее, ни заставить себя с ней не видаться. Его тревожили собственные мысли и чувства. В худшие моменты он садился писать сонеты, изливая в них свою душу. После он отправлял их Элизабет, которая неизменно хвалила Уильяма, отправляя ему в ответ очередную нежную записку.

Прямо перед Новым годом поздно вечером в дверь Уильяма раздался стук. Он не удивился, но сердце застучало сильнее — обычно по эту пору ему приносили записки от Элизабет Верной. Он сбежал вниз по лестнице и открыл дверь. Перед ним стояла сама Элизабет. Несмотря на то, что ее лицо было закрыто маской, Уильям сразу ее узнал.

Девушка вбежала в дом, с трудом переводя дыхание.

— Я не стала подъезжать близко к вашему дому, — пробормотала она, снимая маску, — но я не знала точно, где вы живете, пришлось идти довольно долго.

— Это опасно, Элизабет. Вам нельзя было так делать, — Уильям не верил своим глазам и думал, что все это ему снится, — по Лондону ходить одному в такое время опасно даже для мужчины.

— Мне было все равно, — она прижалась к нему, дрожа всем телом, — теперь неизвестно когда мы в следующий раз увидимся. Королева уезжает на праздники из города. Я должна ехать с ней. Граф тоже будет ее сопровождать. Елизавета любит спектакли. Я постараюсь уговорить ее пригласить вас дать представление во дворце. Но не знаю, не уверена, что у меня получится.

— Я готов ждать столько, сколько понадобится, — Уильям целовал ее волосы, вдыхая их аромат и пытаясь запомнить каждое мгновение этой неожиданной встречи, — я буду ждать вас, вашу записку, что угодно. Главное, знать, что я по-прежнему вам безразличен.

Они стояли, обнявшись, не смея оторваться друг от друга. Впереди маячила разлука. Мысль о том, сколько она может продлиться, была невыносима для обоих. Даже если театр приедет давать спектакль лично для королевы, они смогут лишь обменяться взглядами, и только...

В те дни Лондон выглядел по-праздничному ярко и нарядно. Уильям потерянно бродил среди толпы, произвольно выискивая взглядом Элизабет. Утром в театре были репетиции, затем днем они давали спектакль. А вечером, отказываясь присоединиться к друзьям в любимой таверне, он упорно шел на те чистые, красивые улицы, по которым предпочитала прогуливаться знать.

Иногда Уильям заходил к Филду, чтобы послушать рассказы друга о том, как идут дела в типографии.

— К тебе не собирается приехать Анна? — как-то спросил его Ричард. — Ей тогда не очень повезло: из-за чумы тебе пришлось отвезти их обратно в Стрэтфорд. Но сейчас в городе все в порядке.

— Я не уверен, что Анна вернется в Лондон, — покачал головой Уильям, — слишком это трудно — путешествовать с детьми по Англии остается пренеприятным занятием.

— Просто, Уил, тебе бы не повредило, если бы с тобой жила семья. Посмотри на себя. Вот и моя жена говорит: «Слушай, Ричард, Уил совсем осунулся и сильно похудел. Ему нужна женщина, которая бы за ним смотрела».

— Спасибо за заботу. Но у меня все в порядке. Много работы в конце года, вот и не бывает времени нормально поесть и отдохнуть.

— Смотри, конечно, сам. А выглядишь ты все-таки не лучшим образом, — заключил Филд.

Возвращаясь домой, Уильям думал о разговоре с Ричардом. Друг напомнил ему о том, о чем вспоминать вовсе не хотелось. Уильям предпочитал поменьше размышлять о своей семье, оставшейся в Стрэтфорде. Изредка он получал весточки от жены, еще реже писал сам. Он считал, что, регулярно передавая им деньги, поступает честно и благородно.

Внезапная любовь к Элизабет занимала все его мысли, не давая думать ни о чем другом. Анна была далеко. Те чувства, которые он испытывал к ней в первые месяцы их знакомства, давно угасли. Анна была старше его на восемь лет, ровно на столько же Элизабет была его младше. Жена была пышногрудой, полной блондинкой, Элизабет была маленького роста, стройной и, вопреки тогдашней моде, смуглой брюнеткой. Они отличались друг от друга, как земля от солнца.

«При этом, пожалуй, солнцем является Элизабет, — печально подумал Уильям, — нет, приезд Анны только усложнит мою жизнь». Ему нестерпимо захотелось увидеть Элизабет. «Ни одно стихотворение не может передать полностью моих чувств. Ни один сонет ее недостойн», — он продолжал идти к дому сквозь разряженную толпу, готовящуюся праздновать Рождество...

* * *

Она не любила окружать себя женщинами в принципе. Незамужнюю королеву должны были окружать мужчины. Разделить их можно было на две группы: умные — в первой, молодые и красивые — во второй. Вторая группа составляла большинство фаворитов, крутившихся при дворе. Первые помогали вершить государственные дела.

Совсем обойтись без женского окружения, тем не менее, было невозможно.

— Если бы не все эти платья, юбки, крючки, ленты, — вздыхала Елизавета, — конечно, я справлялась бы и сама.

Но платья, юбки, крючки и ленты портили жизнь и заставляли брать ко двору фрейлин и камеристок. С одной стороны, королева предпочла бы отбирать более страшеньких девушек, с другой стороны, природный вкус и тяга ко всему красивому брали свое, и при дворе Елизаветы преобладало хоть и не большое количество, но все-таки хороших собой женщин.

Фаворитам категорически запрещалось ухаживать за фрейлинами королевы. Нарушения этого правила изредка случались. Нарушителей в лучшем случае удаляли со двора, в худшем сажали на некоторое время в тюрьму.

Элизабет Верной королеве представил ее кузен граф Эссекс. Если бы не протекция Эссекса, королева, пожалуй, не стала бы брать такую красотку в свою свиту.

— Слушать надо свой внутренний голос, а не лестные слова мужчины, — говорила она позже о своей ошибке, — мужчина говорит то, что хочет слышать женщина. И редко когда он произносит то, что на самом деле думает, не понимая, что его поступки все равно будут говорить сами за себя, — камень летел в огород графа, который сам был не прочь приударить за кузиной и чаще видеть ее при дворе.

Даже в шестьдесят один год королева и мысли не допускала о том, что кто-то из женщин может превосходить ее внешне. Любые попытки как-то выделиться строжайше наказывались: фрейлины должны были быть одеты в неброские темные платья, чтобы яркие наряды королевы резко выделялись на их фоне. Они также должны были постоянно заниматься чем-то полезным, например рукоделием, и не сновать по дворцу без дела, кокетничая с мужчинами.

Сама Елизавета скрывала редкие седеющие волосы под многочисленными париками и сильно пудрила лицо, чтобы скрыть все больше проявлявшиеся на нем приметы времени. Несмотря на собственный постулат о том, что мужчин слушать нельзя, они только и делают, что льстят, ее придворные постоянно говорили ей комплименты. Это являлось обязательным ритуалом, который нельзя было нарушать. Порой казалось: Елизавета настолько уверена в своей неувядающей красоте, что воспринимала эти слова как правду.

— Итак, чего мы добились за это время? Елизавета, несмотря на фаворитов, засыпающих ее лестью, не приблизила к себе никого настолько же близко, как Дадли. Он давно умер, но его тень стоит рядом с английской королевой, отваживая всех ухажеров.

— Наши шпионы следят за каждым ее шагом.

— И что? Сын Елизаветы, о котором вы мне твердили два года назад, исчез, будто его и не было, — в голосе появились угрожающие нотки, — таинственная шкатулка как стояла в спальне королевы, так и стоит. Словно ее невозможно выкрасть, словно ее охраняет вся королевская стража. Мы упускаем время. У королевы нет наследника. Но если после ее смерти всплывет загадочный сын и будет претендовать на трон?

— Я не думаю...

— Вы не думаете, и в этом вся проблема. Королеву надо заставить выйти замуж, притом за того, кого мы ей подберем, чтобы учесть полностью интересы французского трона. Жених будет молод и переживет свою английскую жену, оставшись безраздельно править Англией. И никакой внебрачный сын графа Лейстера этому помешать уже не сможет.

— Мы стараемся...

— Вы не стараетесь! Документов, порочащих королеву, нет. У нас нет ничего, что помогло бы заставить ее действовать так, как нужно нам.

— В шкатулке точно что-то есть. Она все время возит ее с собой. В спальне шкатулка тщательно прячется. Я уже говорил вам, что доподлинно известно: в ней бумаги, касаемые связи королевы с Робертом Дадли, графом Лейстером. Королева никогда никому не показывала ее содержимое.

— Откуда тогда вы знаете, что там за бумаги?

— Одна из подкупленных мной фрейлин сумела случайно туда заглянуть. Но все бумаги перебрать не удалось. Выкрасть их она тоже не успела.

— Кстати, а кто у нее сейчас в фаворитах?

— Эссекс и Саутгемптон. Эти — на первых ролях. Еще есть ее крестный сын — Джон Харрингтон. Его она тоже держит возле себя. Королева с ними кокетничает, они засыпают ее комплиментами. Но это лишь игра. Такие отношения, как с Дадли, у нее не складываются ни с кем.

— Таких нам и не надо. Было бы неплохо, чтобы кто-то проник к ней в спальню. Тот, кому бы она доверяла. Добыть шкатулку можно только таким путем. Это должна быть не глупая фрейлина, а мужчина

из ее ближайшего окружения. Посмотрите, с кем можно договориться. Иногда люди способны на многое ради своих личных интересов. К сожалению, интересы страны тут могут не сыграть большой роли, — он усмехнулся.

Вокруг нее всегда были враги. С тех самых пор, как она попала девочкой в Тауэр. Доверия были достойны единицы. А точнее, из всех мужчин Елизавета доверяла лишь Дадли. После того как он умер, поддерживать незамужний статус ей было несложно. Крутившиеся вокруг фавориты не стоили даже упоминания.

— Вы сегодня как-то особенно хорошо выглядите, Ваше Величество, — граф Саутгемптон склонился к ее руке. Елизавета заметила, как за всей сценой со стороны наблюдает Эссекс. Она снисходительно улыбнулась Генри.

— Прогуляйтесь со мной по парку, граф, — позволила она ему, — погода сегодня тоже как-то особенно хороша.

— С удовольствием, — кивнул граф.

Кроме Эссекса за ними наблюдала еще одна пара глаз. Королева взгляд заметила и решила, что, пожалуй, будет выделять из толпы фаворитов графа Саутгемптона еще несколько дней. Ей доставляла удовольствие эта игра. Елизавете нравилось вызывать ревность. И по сей день ради ее расположения скрещивались шпаги — уж кому-кому, а Эссексу это очень хорошо известно.

Королева и граф пошли в сторону парка, оставив позади толпу придворных.

«Если я женюсь на Элизабет Верной, я точно потеряю расположение королевы, — подумал Генри, — и при дворе мне больше не бывать. Хотя Эссексу удалось и жениться, и остаться при Елизавете».

Глава 4

Гамлет. 1596 год

После он думал: все, что произошло, случилось по его вине. Он фактически бросил семью, влюбился в Элизабет, и сам Господь Бог решил очень наглядно показать Уильяму, как он не прав. Если грешишь, то изволь платить за свой грех. И цену назначаешь не ты, и торговаться не с кем, да и поздно. Вне зависимости от твоего желания у тебя забирают самое ценное, что имеешь, не спрашивая на то разрешения и не предупреждая заранее.

Последние два года Уильям считал, что самым ценным для него является Элизабет. Каждая разлука с ней, даже если она длилась всего один день, давалась мучительно тяжело. Уильям мало ел, плохо спал и, как говорил его друг Джеймс, олицетворял собой несчастную любовь.

А Элизабет Верной блистала при дворе. Конечно, ровно настолько, насколько было вообще позволительно блистать рядом с королевой. Граф Саутгемптон умудрялся ухаживать за двумя Елизаветами сразу: молодая Элизабет, как и раньше, кружила ему голову и жила в его сердце, покровительство королевы Елизаветы терять было бы слишком глупо, поэтому Генри продолжал говорить ей комплименты и сопровождать в длительных прогулках по дворцовым паркам.

Уильям слишком хорошо видел игру графа и не мог не замечать перемен в своей возлюбленной. Она, как и все, кто много времени проводил при дворе, становилась расчетливее в своих поступках, стараясь не обращать внимания на поведение Генри. Уильяма Элизабет тоже не отпускала от себя. Ей было приятно слышать сонеты, слагаемые в ее честь, видеть страдание в его глазах. Редкие свидания были наполнены страстью, подогреваемой наличием сильного соперника.

Ни Уильям, ни граф больше не возвращались к болезненной теме борьбы за сердце Элизабет. Каждый из них предпочитал думать, что выигрывает именно он. А Элизабет старалась их в этом не разубедить.

Так, Уильям, постоянно находясь в состоянии любовной лихорадки, неожиданно столкнулся с тем, что в его жизни присутствуют люди не менее, а, говоря честно, и более важные, чем Элизабет. В конце весны Анна попросила его приехать в Стрэтфорд в связи с тем, что их сын Гамлет тяжело заболел.

Уильям был уверен, что уезжает ненадолго — лишь до тех пор, пока сын не пойдет на поправку. Выздоровление ему представлялось делом времени. Так или иначе, но Гамлету станет лучше, и Уильям сможет вернуться обратно в Лондон. Он договорился в театре, предупредил Элизабет о своем отъезде и без всяких дурных предчувствий двинулся в путь.

— Ему очень плохо, — встретила его, рыдая, Анна. Она кинулась мужу на шею. Он неловко обнял ее, словно перед ним была чужая женщина.

— Что случилось? Когда он заболел? — Уильям попытался хоть что-то узнать о болезни сына, но Анна не могла больше произнести ни слова. Она слегка покачивалась из стороны в сторону и все сильнее прижималась к мужу.

Когда Уильям, наконец, вошел в дом, в спальне он увидел лежащего на кровати бледного и исхудавшего Гамлета. В комнате было темно: врачи советовали держать шторы закрытыми.

— Месяц назад он простудился. Врач говорил, что он поправится, — бормотала Анна, — но с тех пор Гамлет не вставал. Он почти ничего не ест и не встает с кровати, потому что ужасно слаб.

Уильям присел на край кровати. Сын спал, но его дыхание было прерывистым, а на лбу выступили капельки пота. Уильям легонько провел рукой по влажным волосам мальчика и с тяжелым вздохом вышел из комнаты.

— Все будет хорошо, — попытался он успокоить жену, — Гамлет выздоровеет.

— Теперь, когда ты здесь, я уверена в этом, — Анна немного успокоилась и начала накрывать стол к ужину, — завтра навестим девочек. Они пока живут у твоих родителей. Мы боимся, что они могут заразиться от Гамлета. Да и мне так полегче: за ним нужен уход.

Уильям посмотрел внимательно на жену. «А ей ведь уже сорок, — подумал он, — как, должно быть, ей тяжело одной». Возле уголков рта у Анны пролегли две морщины, придававшие ее лицу печальное и даже скорбное выражение. Из прически больше не выбивались задорные светлые локоны — волосы были тщательно убраны под чепец. Анна еще больше расплнела и поэтому уже не бегала по дому, как раньше, а передвигалась медленно и величаво.

Анна и одета была гораздо проще, чем лондонские модницы. Даже жена владельца типографии Филда и та выглядела куда изысканнее. Не говоря уж о дамах из высшего света. Элизабет вечно меняла наряды, шляпки и украшения, никогда не появляясь в одном и том же платье дважды.

— Почему ты так на меня смотришь? — Анна заметила его взгляд. — Я старею, Уильям.

— Что ты! — Уильям стряхнул напавшее на него оцепенение. — Нет, конечно. Я тебя давно не видел. Вот и люблюсь. Давай пойдем завтра в магазин и выберем какой-нибудь наряд. Может, ты захочешь купить себе шляпку или новое платье.

— Куда мне в этом ходить! — Анна улыбнулась. — Мне вполне хватает того, что есть. Лучше купи подарки детям.

Уильяму стало стыдно: собираясь впопыхах в Стрэтфорд, он и забыл о том, чтобы привезти им сувениры.

— Ты права, — Уильям кивнул, — прямо с утра пойду, поищу им что-нибудь.

Из спальни послышались стоны. Анна побежала в комнату к сыну.

— Ему становится хуже. Уильям, сходи за врачом, — попросила она, вернувшись.

Врач пустил мальчику кровь и велел давать ему побольше молока. Также он прописал Гамлету отвар из медуницы, в который следовало добавлять немного порошка, самолично приготовленного врачом.

Жар немного спал, но Уильям видел, что болезнь не отступает. Сын снова уснул.

— Может, следует позвать другого врача? — спросил Уильям Анну.

— Этот — лучший в Стрэтфорде. Я не думаю, что кто-то будет лечить Гамлета лучше, — ответила Анна и пошла делать прописанный отвар.

Уильям остался в комнате сына. Он вспоминал первые годы жизни сына, как тот бегал по дому за сестрой, как играл во дворе с деревянными игрушками, которые ему вырезал Уил. А после он и не знал, как рос мальчик, чем увлекался, о чем думал. Был ли Гамлет похож на него? Также хотел удрать куда-нибудь, когда вырастет? Что думал о своем отце?

Он никогда не узнает, чем жил его сын все эти годы. Да, Уильям стал известен, его пьесы идут с большим успехом в одном из лучших театров Лондона. Ему аплодирует придворная публика, а покровительствует граф Саутгемптон. Он влюблен во фрейлину королевы, а она пишет ему записки и даже иногда прибегает к нему на свидания.

Сидя у постели сына, Уильям вдруг понял, что все это ничего не значит по сравнению с жизнью маленького мальчика, лежащего сейчас на постели. И если бы он мог повернуть время вспять, то готов был бы остаться прозябать в Стрэтфорде в обмен на здоровье сына.

— Когда ты уезжаешь обратно? — спросила его на следующий день Анна.

— Я остаюсь здесь, — твердо ответил Уильям, — по крайней мере, пока мальчик не выздоровеет. А там, может, вы все-таки все вместе переедете ко мне.

— А как же твоя работа в театре? — удивилась Анна.

— Работа подождет, никуда не денется. Не волнуйся. А пьесу я могу писать и в Стрэтфорде. Сейчас главное, чтобы Гамлету стало лучше.

Прошло три месяца. Тем летом в Стрэтфорде было нестерпимо жарко. Анна постоянно протирала сына влажным полотенцем, но облегчения это не приносило. Он мучился, то проваливаясь в беспокойный сон, то ненадолго приходя в себя. Когда Гамлет узнавал отца, слабая улыбка озаряла его осунувшееся лицо. Уильям сжимал в своей руке тоненькие, испещренные венами пальчики сына и старался ободряюще улыбнуться ему в ответ. Он все реже уходил из комнаты, понимая, что проводит с ним последние дни его жизни.

— Прости меня, малыш, — как-то заговорил Уильям, — я помню, как ты родился практически одно временно со своей сестрой. Как вы плакали по очереди, не давая нам с матерью уснуть ни на минуту. Я помню, как ты начал ходить и пытался забираться наверх по лестнице. Как ты начал говорить, смешно копируя интонации сестры. А дальше я удрал в Лондон, — Уильяму казалось, что сын слышит каждое его слово, несмотря на то что глаза его были закрыты, — я забыл обо всех вас, наслаждаясь свободной жизнью, словно у меня и не было семьи. Когда вы ненадолго приехали в Лондон, я мало проводил с вами времени. Мне было куда интереснее болтать с моими друзьями в таверне. Я не боялся потерять тебя. Я думал, у меня все впереди: я успею пообщаться с тобой, увидеть, как ты становишься взрослым. Я даже подумывал взять тебя к себе в Лондон, когда ты закончишь школу.

В комнате стояла звенящая тишина. Из-за задернутых штор было непонятно, светит ли на улице солнце или давно уж наступил вечер. Уильям, сгорбившись, сидел, глядя на умирающего сына.

— Прости, если сможешь, — прошептал он, — поверь, я люблю тебя и никогда не переставал любить. Но совершенные нами в жизни ошибки уже не исправить. Нам не вернуть упущенное время. Но я обещаю, Гамлет, я увековечу твое имя. Я не дам себе забыть о том, что совершил. И ты всегда будешь жить в моем сердце...

Ты посмотреть заставил в глубь души,
А там — лишь пятна черные повсюду,
Которым никогда не стать светлее![\[3\]](#)

Похоронив сына, Уильям еще некоторое время оставался в Стрэтфорде. Он начал писать новую пьесу, редко выходил из дома, общаясь только с женой и дочерьми. Из Лондона ему пришло письмо от Элизабет. Она выражала надежду, что его сын поправится, и писала, как сильно скучает без Уильяма. Он ответил кратко, написав лишь о том, что сын умер и что не знает, когда вернется.

Мир будто перевернулся. То, что казалось важным когда-то, перестало иметь значение. Ушли в прошлое званные обеды и ужины, стихли аплодисменты, начал стираться в памяти образ Элизабет. Уильям сидел в своей комнате на втором этаже, даже не ощущая, что прошло несколько лет с того момента, как он на раздолбанной телеге бежал из Стрэтфорда. Спокойная, размеренная жизнь дома не раздражала. Он

играл с дочерьми, сидел вечерами с Анной на кухне, не произнося порой ни слова. Мир застыл, превратившись в одну большую декорацию на сцене.

— Уильям, что ты собираешься делать дальше? — спросила его как-то жена. — Наверное, тебе следует вернуться в Лондон.

— Зачем? — Он устало провел ладонью по лицу. — Я останусь с вами. Я и так потерял слишком многое.

— Но ты здесь несчастлив, — возразила Анна, — я вижу, что такая жизнь не для тебя. Ты талантливый актер, известный драматург. Тебя ждут друзья. Поезжай. Я всегда буду тебе благодарна за то, что ты провел эти тяжелые месяцы вместе с нами. Самое страшное позади. Гамлета не вернешь. Поезжай.

— Ты и в самом деле так думаешь? — Уильям с удивлением посмотрел на жену. — Я бы хотел остаться здесь, потому что больше не хочу терять годы общения с тобой и детьми.

— Но ты можешь приезжать к нам чаще. Ничего не мешает тебе общаться с дочерьми. И со мной, — добавила Анна, помолчав немного, — но долго в Стрэтфорде ты не выдержишь. Я вижу, что тебя тяготит вынужденное пребывание здесь.

— Это неправда. Я искренне сожалею о том, что не виделся с сыном все эти годы. Мне тяжело осознавать, что мог бы общаться с ним больше, — Уильям не очень активно пытался спорить с Анной, но в глубине души был рад, что она готова отпустить его назад.

— Уильям, если ты на самом деле хочешь остаться, то я буду рада. Ты знаешь. Но я вижу, что ты хочешь вернуться в Лондон. Здесь ты, как в тюрьме, лишь отбываешь наказание, которое несешь за смерть сына. Но ты не виноват. Так распорядилась судьба. Не надо себя винить.

В Лондон Уильям вернулся в начале осени. В театре его ждали и, как всегда, радостно приняли обратно. Друзья понимали, как тяжела потеря, которую перенес Уильям, и постарались, как могли, его поддержать.

— Лучшее лекарство — работа, — сказал ему Джеймс, — ты пишешь что-нибудь?

— Да, — Уильям кивнул, — у меня почти готова новая драма. Скоро смогу тебе ее показать.

— Давай. Мы сразу ее поставим. Публика по-прежнему требует от нас новых спектаклей. Между прочим, приходила пару раз твоя возлюбленная.

— Элизабет? — Уильям вдруг понял, как по ней соскучился.

— Да, она. Спрашивала, когда ты возвращаешься. Я ответил, что не знаю. Ты и в самом деле вернулся неожиданно. Мы уж даже решили, что ты остался в Стрэтфорде навсегда.

— Так я и хотел сделать, — сознался Уильям, — как ни странно, Анна убедила меня уехать. И сейчас я вижу, что она была права. Я соскучился по работе.

— У тебя мудрая жена. Ты не должен зарывать свой талант в землю.

Казалось бы, все потекло, как и прежде. Но Уильям был уверен: как прежде, больше не будет. В его памяти навсегда останется его умирающий мальчик, для которого он ничего не смог сделать. Семья неожиданно стала для него важной частью жизни. И ничто не сможет теперь это изменить.

Вскоре они увиделись и с Элизабет. Она была еще красивее, чем до его отъезда. Любовь к ней не угасла, но Уильям чувствовал себя спокойнее и увереннее. Он понял, что для него является главным. И этим главным Элизабет больше быть не могла.

Побывав в гостях у графа, Уильям увидел, что Генри, как и прежде, всю ухаживает за Элизабет, а

она благосклонно принимает эти ухаживания. То, что прежде сильно ранило душу, теперь было похоже на укус комара. Уильям чувствовал укол и даже помнил о нем некоторое время, но, поняв однажды, что есть настоящая боль, страдал не сильно, словно наблюдая за происходящим со стороны.

Вскоре его новая пьеса была поставлена в «Глобусе». На первом спектакле присутствовали граф Саутгемптон и Элизабет. Они были в восторге, и граф пригласил театр со спектаклем к себе в замок.

— Отлично, Уильям! — говорил Генри. — Ты превзошел самого себя! Эта пьеса не похожа на то, что ты писал до сих пор. Публика рыдала от нахлынувших чувств. Не каждому дано увидеть такую реакцию зрителей.

Элизабет, как всегда, прижимала платочек к глазам:

— Я говорила о тебе королеве. Думаю, она согласится посмотреть твой спектакль. Генри прав, это гениально и не похоже ни на что другое.

Уильям, молча, поклонился и отошел в сторону — туда, где толпились его друзья-актеры.

— Смерть сына изменила его, — пробормотал граф, — Уильям уж не тот, что был. Но пьеса действительно хороша.

— Он стал более замкнутым, совсем не улыбается и не шутит, как прежде, — согласилась Элизабет, — не будем его упрекать за это. Пройдет время, и наш Уильям снова изменится и будет веселить нас, как и раньше.

«Я выполнил свое обещание, мой мальчик, — думал в этот момент Шекспир, — я не дам твоему имени исчезнуть в веках. Навсегда оно останется в памяти людей как символ яркой и короткой жизни, оборвавшейся по нелепой случайности. Порой не нужно никакого яда, чтобы отравить того, кого ты так любишь. Прости еще раз и прими этот скромный дар, который я обещал вручить тебе».

— Ты идешь с нами в таверну отметить премьеру? — прервал его мысли Джеймс. — Даже не смей отказываться! Ты — автор. Спектакль имел оглушительный успех, и кому как не тебе мы им обязаны. Пошли, и забудь все, что тебя печалит.

Уильям кивнул и, не оборачиваясь в сторону графа, пошел к выходу из театра. Он еще раз посмотрел на обклеенные афишами столбы. Большими черными буквами на них было написано: «Гамлет. Принц Датский. Трагедия».

Улицы Лондона, как всегда, были заполнены людьми. Вдали виднелся мрачный Тауэр, возле которого, как и много лет назад, совершались казни.

— Осознают ли люди когда-нибудь ценность человеческой жизни? — думал Уильям, глядя вокруг. — Или смерть так и останется ее неотъемлемой частью? Смерть, которую вершим мы сами, поступая наперекор тому, что предначертано свыше...

* * *

Известия об осаде Кале испанцами не застали ее врасплох. Город на севере Франции со страхом ожидал своей участи. Просто так отдать его испанцам Елизавета и не помышляла. Появился отличный шанс вернуть его в свои владения. На выручку осужденным был отправлен граф Эссекс. Он понимал, что это прекрасная возможность в очередной раз возвыситься в глазах королевы.

Соперников при дворе было немало. В первую очередь собственный друг Эссекса — граф Саутгемптон, флиртовавший одновременно и с королевой, и с его кузиной Элизабет. Отстоять Кале означало отстоять статус фаворита. А главное, таким образом можно было проложить путь к короне.

Роберт Эссекс в глубине души, конечно, претендовал именно на трон, не более и не менее.

Возле Кале грохотали артиллерийские орудия испанского короля. Елизавета торопила Эссекса. Роберт собирал войско, готовясь переплыть через канал.

Будучи более расторопным, Филипп Второй бросил все силы на взятие города и опередил Эссекса, который даже не успел начать переправу. Елизавета в ярости велела распускать войско.

Роберт Эссекс вернулся в Лондон ни с чем. Его твердым намерением оставалось желание доказать Англии, что он чего-то стоит. Агрессивный настрой Испании играл ему на руку. Елизавета согласилась направить войска в сторону своего давнего противника. Но только в пару Эссексу на сей раз давался старый вояка адмирал Хоуард. Он должен был нападать на испанцев с моря, Эссекс — с суши.

— Ваше Величество, — одна из фрейлин подошла поближе, — не желаете ли отвлечься от мучающих вас государственных проблем.

— Отвлечься? — Елизавета надменно посмотрела на девушку. — Отвлечься от государственных дел невозможно, дорогая. Но тебе этого не понять. Хотя, впрочем, что бы ты мне предложила? Какое развлечение?

— Посмотреть спектакль. В Лондоне с большим успехом идут пьесы некоего Уильяма Шекспира. Исторические драмы особенно хороши. И особенно актуальны в настоящий момент.

Елизавета вдруг вспомнила, кто стоит перед ней. Элизабет Верной, кузина Эссекса. Неудивительно, что она пытается выгораживать брата. Провалив операцию по спасению Кале, он нынче старался реабилитироваться на территории Испании. Королева была уверена, что успех на сей раз ей обеспечит старый адмирал, а не молодой граф-выскочка, которого она и так не до конца простила после его тайной женитьбы.

— Актуальны? — переспросила королева. — Восхваляют твоего кузена? Или что?

— Нет, что вы. Я не имела в виду Роберта, — фрейлина густо покраснела.

— А кого ты имела в виду? — Елизавета посмотрела прямо в глаза девушки.

— Шекспира, автора пьес. Театр, в котором он играет, давал представления во многих домах. Например, у графа Саутгемптона. Все были в восторге.

— Хорошо, — Елизавета задумалась. Она всегда любила искусство. Музыка, театр, стихи — все это отвлекало от ежедневных забот и тревог. Почему бы и нет? Почему бы и не прислушаться к совету фрейлины, явно симпатизирующей некоему драматургу? — Пусть приезжают со своим спектаклем. Мне действительно не мешает развлечься.

Элизабет тут же отправила записку Уильяму: «Королева хочет вас видеть при дворе». Театр всполошился и начал готовиться к великой премьере. Специально в честь Эссекса Уильям дописал новую пьесу, которую начал незадолго до этого. «Король Джон» должен был восхвалять и королеву, и Эссекса одновременно. Шекспир, который не отошел еще от смерти сына, не стал долго думать над сюжетом, воздав должное и тому, и другому.

Пьеса прошла с успехом. Королева осталась довольна. После спектакля она велела привести к ней автора. Уильям, не веря в происходящее, подошел к Елизавете. Перед ним сидела пожилая женщина с высоким лбом, близорукими глазами и ярко-рыжими волосами, убранными в высокую прическу. Она была по-девичьи стройна и изящна.

«Если смотреть на королеву издали, то она выглядит намного моложе своих лет», — подумал Уильям.

— Значит, это вы автор пьесы? — спросила королева немного усталым голосом, который, тем не менее, звучал громко и четко. — Неплохо. Что вы еще успели написать?

— Кроме пьес я пишу сонеты, — произнес Уильям внезапно севшим от волнения голосом, — несколько пьес и сонетов. Это, пожалуй, все.

— А вы скромны, — заметила королева, и ей понравилась стеснительность молодого драматурга, — прочтите ваши сонеты. Один-два хотя бы.

Уильям сосредоточился. Он пытался выбрать что-то достойное королевы, но от волнения память не выдавала ничего особенного или выдающегося. «Прочту то, что помню, — подумал он, — раз не могу быстро решить, что выбрать, прочту то, что первое приходит на ум».

Он откашлялся и начал читать. Недалеко от них стояла Элизабет. Уильям, читая, думал о ней, и эти мысли придавали строкам, которые он произносил, больше страсти и любви, чем было изначально в них вложено.

— Достаточно, — кивнула Елизавета, — пройдемте со мной, — и королева встала со своего кресла, махнув Уильяму рукой.

Он пошел за ней. Десятки глаз следили за его передвижением с завистью и непониманием. Драматург-выскачка, какой-то актеришка удостоился внимания самой королевы. Присутствовавших съедало любопытство: зачем королева позвала его за собой. Уильям и сам не знал, куда ведет его Елизавета. Он послушно шел за ней, не смея верить в происходящее.

— Проходите сюда. — Елизавета открыла дверь и вошла в спальню.

Уильям, едва держась на ногах от волнения, прошел вслед за ней.

— Мне понравились ваши сонеты, — произнесла Елизавета, обернувшись к Шекспиру, — вы могли бы посмотреть на мои стихотворения, поправить немного. То есть привести их в надлежащий вид. Я ведь королева, а не поэт. Мои стихи неидеальны.

— Что вы, — попытался, было возражать Уильям, — все, за что берется Ваше Величество, не может быть неидеальным.

— Не льстите, — перебила его Елизавета, — поправьте, что сочтете нужным. И прошу, не показывайте их никому. Я доверяю вам, уж не знаю почему. Но будьте достойны этого доверия.

— Конечно. Можете не сомневаться, — заверил ее горячо Уильям, — я сделаю все, что в моих силах. И ни одна живая душа не увидит ни строчки.

— Когда вы закончите работать над ними? — спросила Елизавета, доставая большую, покрытую золотом шкатулку.

— Мне достаточно и недели, — заверил Шекспир, — я начну читать прямо сегодня. Уверяю вас, это не займет много времени. Я искренне считаю, что если ваши стихи и требуют исправлений, то совсем немного.

— Ну что ж, держите все это у себя, — королева протянула ему пачку листков, испещренных мелким, аккуратным почерком, — я сама вызову вас снова к себе. Может быть, вы даже напишите специально для меня пьесу.

— О чем Ваше Величество хотело бы, чтобы я написал? — с громко бьющимся сердцем спросил Уильям.

Елизавета задумалась.

— Пусть это будет комедия о любви. В жизни любовь не бывает смешной, — заметила она, — любовь по своей сути трагична. А вы напишите что-нибудь забавное.

— Я постараюсь как можно скорее выполнить вашу просьбу, — заверил королеву Уильям.

— Не торопитесь. Сейчас у меня другие заботы. Но не исключено, что к осени наши проблемы разрешатся. Так что пишите, не торопитесь, но будьте готовы представить свое сочинение. Спрячьте то, что я вам дала получше. Когда вас будут спрашивать, что вы тут делали, скажите: мы с королевой беседовали об искусстве, — она усмехнулась, — все знают, что я люблю театр. Скажите, что вы рассказывали мне содержание своих пьес и читали сонеты.

— Да, Ваше Величество, — ответил Уильям и засунул листки со стихотворениями под камзол.

— Я никогда и никому не показывала то, что пишу. Впрочем, я давно уже ничего не писала. Для того чтобы слагать стихи, надо сильно любить достойного этой любви человека, не так ли?

— Совершенно с вами согласен, — кивнул Уильям.

— Ведь и ваши сонеты, я уверена, посвящены определенной женщине.

— Да, это так.

— Можно ей только позавидовать. Такие красивые стихи должны быть посвящены не менее красивой даме сердца, — Елизавета вздохнула.

— Самая красивая дама в Англии это вы, Ваше Величество, — заметил Уильям, — но нет стихов, которые бы отражали вашу красоту в полной мере.

— Довольно, — Елизавета устало махнула рукой, — идите.

Уильям вышел из спальни королевы и медленно пошел по коридорам дворца, забыв точно, куда ему надо направляться. Навстречу ему вышел один из подданных королевы.

— Мне велено вас сопровождать, — пояснил он, указывая дорогу к выходу.

На улице Уильям понял, что все его друзья по театру давно разошлись по домам.

«Ну что ж, пойду исполнять указание королевы, — подумал он, — интересно, насколько хороши ее стихи. Но даже если они нехороши совсем, думаю, что с поставленной передо мной задачей я справлюсь».

Вдруг, проходя по узкой, пустынной улице неподалеку от дворца, Уильям почувствовал себя неуютно. Странная тревога охватила его, и он ускорил шаг. Было поздно — из-за угла навстречу ему выскочил человек в маске. Уильям обернулся. Сзади проход был закрыт. И с той стороны тоже к нему приближался незнакомый мужчина.

— Тебе придется отдать нам то, что тебе дала в своей спальне королева, — сквозь зубы сказал один из них, — и лучше по-хорошему, — он вынул шпагу и помахал ею в воздухе.

Уильям выхватил свою шпагу, которая почти всегда была при нем. Вечерами в Лондоне на многих улицах было опасно ходить без оружия, но нападали на Уильяма впервые. Он понимал, что владеет шпагой плохо. Весь его опыт фехтования сводился к игре на сцене, где он больше старался произвести впечатление на зрителя, чем провести серию правильных выпадов.

— Ты решил драться, — усмехнулся нападавший, — зря. Этак только испачкаешь бумаги, которые дала тебе королева, собственной кровью.

Но Уильям решил драться до последнего. Королева просила его никому ее стихи не то что не отдавать, но даже не давать читать. Стоили они его жизни? Уильям не знал — он ведь не успел взглянуть на них. Тем не менее, делом чести было сражаться за то, что ему доверила сама королева, до конца.

Нападавшие подступали к нему все ближе. Они держали шпаги наготове, из-под масок враждебно блестели темные глаза. Уильям встал так, чтобы за спиной у него оказалась стена ближайшего дома, а оба мужчины были по бокам. Особенного преимущества такая позиция ему не давала. Но, по крайней мере, он мог видеть действия обоих. Уильям лихорадочно смотрел налево и направо, пытаясь решить, на кого ему нападать первым.

Мужчины не торопились. Они медленно накручивали плащи на руку, продолжая с усмешкой приближаться к Уильяму, так что вскоре он уже мог слышать их тяжелое дыхание. Он с силой рассек воздух шпагой и быстро отпрыгнул чуть вправо. Нападавшие оказались слева друг возле друга. Они явно не ожидали от Уильяма таких резких действий, но его поступок только разозлил их еще больше.

Позже Уильям не мог толком вспомнить, как все происходило. Наплевав на возможные обвинения в трусости, он просто-напросто кинулся бежать, воспользовавшись открывшимся пространством справа. Навстречу ему выехал всадник. Уильям не знал, друг это или враг, но продолжал бежать, чувствуя позади дыхание нападавших.

— Двое на одного! — вскричал мужчина, ехавший на лошади. — Что бы там ни было, но теперь вам придется иметь дело еще и со мной.

Он спешил и набросился на преследователей Уильяма. Те не стали обороняться и быстро скрылись, открыв неприметную дверь одного из домов. Спаситель Уильяма попытался последовать вслед за ними. Но оказалось, что дверь вела не в дом, а в узкий проход, соединявший две параллельные улицы.

— Исчезли, — вздохнул он, — бежать за ними бесполезно. Обычно в таких лабиринтах уже никого не найти.

Голос показался Уильяму знакомым.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил он с поклоном, — Уильям Шекспир, актер, к вашим услугам.

— Уильям! Черт возьми! Вот это да! — голос принадлежал не кому-нибудь, а самому графу Саутгемптону.

— Генри! — Уильям не верил своим ушам. — Ты спас меня от верной гибели.

— Что произошло? — спросил граф. — Ты наткнулся на грабителей? Что-то они рано вышли на охоту.

— Я и сам удивился. Мы давали спектакль для самой королевы. Она немного задержала меня, пожелав узнать мое мнение о поэзии, — неожиданно для самого себя начал врать Уил, — на улицу я вышел один, и вот видишь, что произошло. Я плохо владею шпагой, поэтому попросту трусливо бросился бежать.

— И правильно сделал, — похвалил граф, — если не умеешь как следует драться, лучше уносить ноги. Тем более это не дуэль, когда поединок представляется делом чести. Пойдем, вернемся во дворец. Я дам тебе свою карету, чтобы ты мог нормально добраться до дома.

— Еще раз благодарю тебя, Генри, за помощь, — признательно произнес Уильям.

В карете он просмотрел стихотворения королевы. В них чувствовалась любовь и страсть к человеку, которому она их посвящала. Стихи не требовали больших исправлений. Она написала их талантливо и под влиянием сильных эмоций. Дома Уильям взял несколько страниц с собственными сонетами, перемешал их с бумагами королевы и отправился к Ричарду Филду.

— Я хотел бы оставить кое-что у тебя на хранение, — объяснил он другу, — может быть, ты даже однажды напечатаешь то, что я тебе дал. Но пока я хотел бы внести немного исправлений в написанное. Поэтому буду иногда приходить к тебе и работать над текстом.

— Почему ты не можешь хранить его дома? — удивился Ричард.

— Издатели крадут тексты, ты знаешь. Мне кажется, у меня дома их могут выкрасть. Старые пьесы — ладно. Но новое я не хотел бы хранить у себя, — путано объяснил Уил.

— У тебя мания преследования, друг, — засмеялся Филд, — конечно, сейчас столько выходит пиратских изданий, что страшно представить. Тут ты прав. Но чтобы залезать к тебе домой?! Хотя всякое бывает. Если хочешь, оставляй что нужно здесь. В типографии много разных бумаг. Я припрячу твои бумаги так, что найти их среди всего прочего будет невозможно.

Уильям поблагодарил друга. Вернувшись домой, он понял, как был прав. Все его комнаты были перевернуты вверх дном. Листы бумаги с написанным текстом, вытряхнутые из шкафа, беспорядочно валялись на полу. Уильям начал складывать их на стол, пытаясь привести написанное в порядок. Через некоторое время он увидел, что некоторых страниц не хватало.

— Может, действительно орудуют издатели-пираты? — задал он себе вопрос. — Но почему тогда они не забрали все, а только отдельные страницы из разных пьес?

Уставший от свалившихся на его голову приключений, Уильям лег спать.

— Что за бумажки вы мне принесли?

— Это все, что удалось найти у него дома.

— Но это отрывки из каких-то пьес!

— Мои люди не очень разбираются в искусстве. Они взяли то, что было похоже на тайные бумаги королевы. Тут и отравления, и заговоры, и интриги против королей.

— Идиоты! — Он вздохнул и кинул бумагу в камин...

Глава 5

Измена. 1598–1599 годы

Несмотря на то, что Уильям после смерти сына частенько навещал семью в Стрэтфорд, его связь с Элизабет в какой-то момент возобновилась с прежней силой. Королева не посылала за ним, не требовала постановки заказанной пьесы. И Уильям подумал, что она забыла о своей просьбе, занимаясь куда более важными государственными делами. От Элизабет он слышал, что королева увлечена графом Эссексом, который после удачного похода на испанский порт Кадис снова стал ее фаворитом. Саутгемптон при этом оставался в дружеских отношениях с Эссексом и старался не терять расположения королевы. Элизабет ревновала, но пыталась скрывать свои чувства и все чаще встречалась с Уильямом.

Сонеты по-прежнему лежали вместе со стихотворениями королевы. Уильям переписал их, исправив кое-какие шероховатости, и на всякий случай так и хранил их у Филда. К нему домой навещали еще пару раз, опять выкидывали все бумаги на пол. Но куски пьес больше не пропадали. Уильям уверил себя в том, что это орудуют пиратские издательства. Тем более что пьесы все чаще выходили то в искаженном, то в сокращенном виде без его разрешения.

Элизабет лежала на кровати. Ее шикарные темные волосы рассыпались по подушке.

— Уильям, — растягивая гласные, протянула она, — мне пора идти. Тебе придется помочь мне одеться.

Ему совсем не хотелось помогать ей одеваться: так она была хороша без одежды. Идеальная фигура, смуглая кожа, отличающая Элизабет от большинства англичанок, небольшая грудь, не испорченная родами и кормлением ребенка. Она потянулась:

— Хорошо! И не спешить бы никуда, — произнесла Элизабет томно, — опять дворец, сошедшая с ума старуха-королева в своем кошмарном рыжем парике. Ей надо говорить комплименты с утра до вечера. И Генри — туда же! При ней. Смотрит преданно в глаза. А сам затевает с Эссексом интриги. Как это ужасно — притворяться, лгать, быть тем, кем ты на самом деле не являешься.

— Я говорил, оставайся со мной, — Уильям начал собирать разбросанную по комнате одежду Элизабет, — я готов бросить ради тебя семью.

— Развод возможен только для королев. Но не для нас. Что ты мне предлагаешь? Жить с тобой, имея статус любовницы автора нашумевших пьес? — она расхохоталась, но ее смех не был веселым и искренним.

— Я никогда не смогу дать тебе того, что ты хочешь, — Уильям вздохнул, — а хочешь ты сохранить положение в обществе и свое место при дворе. Дело не в том, что я женат, а в том, что я никто — не дворянин и не богат.

— Уильям, ты опять затеваешь этот разговор, — Элизабет встала и начала одеваться, — он не имеет смысла, пойми. Я люблю тебя, но не могу взять и остаться жить с тобой. И ты сам все прекрасно понимаешь.

— Зачем тогда мы встречаемся? — Уильям сердился.

— Потому что любим друг друга, но разве за этим следует что-то? — Элизабет надела нижнюю юбку и потянулась за корсетом. — Помоги лучше зашнуровать корсет, — попросила она и повернулась к Уильяму

спиной.

— По-моему, любовь значит многое для человека. Порой он готов ради нее на большие жертвы. И даже может лишиться жизни из-за любимой, — высокопарно заявил Уильям.

— Все это твои пьесы. Ты не живешь, ты придумываешь, — она протянула руку за второй юбкой, на сей раз с кринолином, — смерть, любовь, страсти — герои сонетов и пьес живут именно так. Иначе кому будет интересно смотреть на сцену, если на ней не проливается кровь влюбленных, — Элизабет усмехнулась, — в настоящей жизни все гораздо менее возвышенно.

— Жаль, что ты так думаешь, — Уильям был удручен. Он и сам понимал, что Элизабет права, но ему не хотелось признаваться себе в этом.

Она закончила одеваться, кое-как привела волосы в порядок и выбежала из дома. Уильям остался в одиночестве, глядя с грустью на разобранную постель. Он все чаще задумывался о том, куда ведет его судьба. Но никак не мог понять смысл, заложенный в пути, по которому он следует. Жизнь в Лондоне уже не так его радовала, как раньше. Гораздо спокойнее порой бывало в Стрэтфорде. Анна, молча, радовалась его присутствию дома, не задавая лишних вопросов и не пытаясь требовать большего.

Уильям привычно писал по две-три пьесы в год. Они имели успех, дела в театре шли в гору. Отец Бербриджа подумывал о строительстве нового здания и искал подходящий участок в черте города.

В мае Элизабет неожиданно сообщила, что уезжает в Париж. Она неважно себя чувствовала в последнее время, и королева позволила ей покинуть на лето двор.

— Мне очень жаль покидать тебя, — Элизабет и в самом деле была очень печальна, — не знаю, когда мы сможем увидеться вновь.

— Почему ты так говоришь? — Уильяму стало не по себе. — Ты действительно серьезно больна? Я готов сопровождать тебя во Францию.

— Не нужно, — Элизабет грустно покачала головой, — надеюсь, туда сможет подъехать граф. Генри обещал позаботиться обо мне.

— Опять граф Саутгемптон! — Шекспир не мог скрыть охватившую его ярость. — Ты пытаешься играть с нами обоими. Не пора ли сделать выбор? — он говорил эти слова, но понимал, что если выбор будет сделан не в его пользу, то вряд ли будет готов принять его.

— Я сделала выбор, но не могу сейчас об этом говорить, — Элизабет старалась не смотреть на Уильяма, — не уверена, что мой выбор правильный. Но я вынуждена поступить именно так.

— Ты выбрала графа? Я так и знал. Этим все и должно было кончиться!

— Не сердись, Уильям, — Элизабет ласково провела по его щеке, — еще ничего точно неизвестно. Я уезжаю, и прошу тебя постараться меня забыть. Как бы ни складывались наши отношения с Генри, я, скорее всего, не вернусь в Англию.

* * *

— Граф, я устроил вашу поездку в Париж с секретарем королевы, — Эссекс говорил надменно, стараясь всем видом показать свое неудовольствие. — Елизавета не доверяет мне, и ваш поступок не добавит мне в ее глазах доблести.

— Я несказанно благодарен вам за то, что вы сделали, — Генри склонил голову.

— Я делаю это не для вас, и вы прекрасно понимаете, в чем дело, — Эссекс не скрывал обуревавших

его чувств, — ваш поступок низок. Я не ожидал такого от собственного друга.

— Роберт, прости, — Генри сделал шаг навстречу Эссексу, — я знаю, что поступил неблагородно, но готов исправить свою ошибку.

— Ваше возвращение в Англию будет иметь не самые лучшие последствия, — сказал Эссекс чуть мягче, — подумайте, как представить дело в лучшем свете. Хотя, как его ни представь, а ничего хорошего в сложившейся ситуации от королевы не ждите.

— Знаю, — кивнул граф Саутгемптон, — но я люблю вашу кузину и готов голову сложить ради нее. Честь Элизабет не пострадает.

— Надеюсь, что так. Жду от вас новостей. Элизабет уже месяц скрывается в Париже. Вам стоит поторопиться, — Эссекс кивнул и подошел к графу совсем близко, — все должно быть сделано в кратчайшие сроки. У вас нет другого выхода.

— Не беспокойтесь. Смею вас заверить, у меня и мысли нет отказываться от Элизабет.

— Повторяю: вы лишитесь милости королевы. Помните об этом, возвращаясь назад, и не пытайтесь стать снова ее фаворитом.

— Я готов пожертвовать всем, — Генри посмотрел прямо в глаза Эссексу, — даже вашим расположением.

— Им вы уже пожертвовали, к сожалению, — граф скривил губы в усмешке, — любовь играет с нами в злые игры, не так ли? Ваш друг Уильям Шекспир так хорошо описал это в своих пьесах. Или вам так не кажется?

— Вы правы, — Генри нахмурился, — но дружбе с Шекспиром пришел конец.

— Отчего же?

— Мы все-таки не сошлись в наших взглядах на любовь, — граф Саутгемптон отвел взгляд в сторону, — нас слишком многое разделяет. Тем более что он перестал писать в мою честь сонеты, — Генри улыбнулся, — для чего еще его оставлять при себе?

* * *

Известие о тайной женитьбе графа Саутгемптона и Элизабет Верной привело королеву в состояние страшного гнева. Сначала фрейлина попросила королеву отпустить ее в Париж якобы поправить пошатнувшееся здоровье. Потом Эссекс хлопочет о том, чтобы в Париж с посольской миссией вместе с секретарем королевы отправили графа Саутгемптона. И что в итоге? Эти двое тайно женятся в Париже!

— Вот так вы устраиваете судьбу своей кузины? — вызвав к себе Эссекса, спросила Елизавета. — И уверены, что такая сделка сойдет вам с рук.

— Простите, Ваше Величество, я и сам не знал о готовящейся свадьбе, — оправдывался граф, — поверьте, я вовсе не был заинтересован в их браке.

— Ложь! Все ложь! — вскричала королева. — Вы также тайно женились, и я вас простила. У вас богатый опыт в подобных мероприятиях. Но в этот раз все будет иначе. И не надейтесь, что ваша кузина и Саутгемптон смогут спокойно вернуться в Англию, не страшась моего гнева.

— Они готовы склонить перед вами головы, я уверен, — Эссекс, и сам осознававший все последствия отчаянного поступка кузины, надеялся умилостивить королеву, — боюсь, у них не было другого выхода.

— Меня не интересует, был у них выход или нет, — королева сжала побледневшие губы, — ни мои

фрейлины, ни приближенные не могут так поступать со мной.

Елизавета вышла из комнаты, оставив Эссекса раздумывать над создавшейся ситуацией. Ей было больно. Очередное предательство. Генри расточал комплименты, клялся в верности и преданности. И вот — женитьба. В Верной королева никогда не была уверена. Привлекательная кузина Эссекса была слишком хитра, чтобы хранить верность своей королеве. Да и вообще кому бы то ни было. Елизавету больше ранил поступок молодого фаворита.

— Все они предают меня, — она опять смотрела в окно на простирившуюся перед дворцом Темзу, — предадут и не чувствуют никаких угрызений совести. Начиная с Дадли, дважды женившегося за моей спиной, и кончая Саутгемптоном. Эссексу женитьба на руку. Он устраняет соперника и одновременно пристраивает кузину. Неплохой ход, — Елизавета усмехнулась, — пусть только вернуться. Если они думают, что добьются от меня снисхождения, то глубоко ошибаются. Все трое.

По возвращении в Лондон в начале сентября граф Саутгемптон и его беременная жена были заключены в Тауэр. Эссекс обещал свое покровительство, но королева была тверда в своем решении.

— Не было выхода, — ответила Елизавета Эссексу, — меньше надо было грешить. Граф проявил себя, конечно, с лучшей стороны. Согласился жениться на забеременевшей любовнице. Что ж, молодец. Я его не осуждаю. Но пусть подумает о том, что все наши поступки имеют последствия. А подумать в Тауэре у него будет время. Тауэр в принципе помогает в раздумьях. Мне ли этого не знать?

— Элизабет в ноябре должна родить, — попытался он выручить из тюрьмы хотя бы кузину.

— В Тауэре для этого созданы все условия, — королева рассмеялась, — не волнуйтесь, граф. Ваша кузина должна была думать о том, где ей рожать, раньше. Или вы со мной не согласны?

— Вы, как всегда, правы, Ваше Величество, — Эссекс поклонился.

Он знал, что гнев королевы обрушится на головы молодоженов, как только они пересекут Ла-Манш. И помочь им избежать наказания было невозможно. Их разлучили сразу же по прибытии в Англию. Оставалось надеяться на милость королевы, которая, бывало, через некоторое время прощала совершившего роковую ошибку фаворита. Вот только надеяться на то, что, как и Эссекса, она снова после этого приблизит к себе, Генри не следовало.

* * *

Уильям скучал по Элизабет и волновался за ее здоровье. Она упорно не говорила ему, что с ней случилось, и он переживал, вспоминая последние дни жизни своего сына. Когда Элизабет, наконец, уехала в Париж, Уильям понял, что впервые она стала так далека от него, что никакие силы не могут помочь ее увидеть.

Вскоре граф тоже уехал во Францию по поручению королевы. Уильям не мог не ревновать, представляя, как Генри воспользуется отсутствием соперника.

— Тебе бы радоваться, что ее нет рядом, — давал советы Джеймс Бербридж за кружкой пива в их любимой таверне, — выброси фрейлину королевы из головы. Она никогда бы не стала твоей, и ты это прекрасно понимаешь. Ты женат, а она не твоего круга. Неужели ты всерьез подумал, что Элизабет может остаться с тобой?

— Нет. Не думал. Но надеялся, — Уильям грустно покачал головой, — она обожала слушать мои сонеты, смеялась над моими шутками. Я читал ей отрывки из новых пьес. Элизабет была частью моей жизни на протяжении шести лет! Джеймс, я любил ее шесть лет!

— Сначала ты любил портрет, потом возлюбленную графа. Ты должен был сразу догадаться, что эта связь обречена, — Джеймс понимал, что не может убедить друга, но отчаянно призывал все свое красноречие на помощь, — ладно, подожди, когда она вернется. Время расставит все по местам. Если граф добьется взаимности, то, значит, она на самом деле не любила тебя.

Уильям страдал и мучался в неведении. Дни проходили за днями, а от Элизабет не приходило новостей. Вместо того чтобы летом поехать к семье в Стрэтфорд, Уильям сидел в Лондоне, боясь пропустить весточку от Верной. В свободное время он отшлифовывал стихотворения королевы, которые в какой-то момент стали похожи на его собственные сонеты.

«И пусть, — подумал он, — меня не просили придерживаться определенного стиля. Да и забыла о своей просьбе королева».

Он переписал все сонеты еще раз и сложил их вместе в одну стопку, которая по-прежнему хранилась у Филда. Сонеты были пронумерованы. Свои собственные Уильям скромно поставил в конец. Он помнил о просьбе королевы никому не показывать ее произведения, поэтому не стал их подписывать, поставив возле каждого лишь номер.

В конце лета по Лондону прошли слухи: граф Саутгемптон, вернувшись в Англию, по приказу Елизаветы был заключен в Тауэр. Уильям сразу подумал о Элизабет. Осталась ли она во Франции? Или тоже вернулась в Лондон? Где она и что с ней?

— Мне очень жаль сообщать тебе это известие, — Филд встретил его в типографии, — но я точно выяснил следующее: граф тайно женился на Элизабет Верной в Париже. Говорят, его жена беременна. Они оба находятся в Тауэре.

Потом Уильям повторял себе многократно: так и должно было случиться. Элизабет не осталась бы с ним. Он был ее забавой, игрушкой, интересным собеседником, талантливым поэтом, слагавшим в ее честь стихи. Ей было интересно находиться меж двух огней, заигрывая и с графом, и с Уильямом одновременно. Уильям помнил, как граф всегда был уверен в своем преимуществе перед соперником. Наивно было предполагать, что победа достанется драматургу. Даже в пьесах счастливый конец в таких историях был невозможен.

Ребенок у Элизабет родился в ноябре. Королева смилостивилась и выпустила молодую пару из тюрьмы. Она категорически запретила им появляться при дворе и не желала о них ничего слышать.

Уильяму оставалось смириться с потерей возлюбленной. Но одна мысль никак не давала ему покоя: а не его ли ребенка носила все это время под сердцем Элизабет? И что-то подсказывало, что это вполне вероятно. Боль от возможной потери сразу двоих дорогих ему людей не давала покоя. Надеяться на встречу с женой графа теперь не представлялось возможным.

Однажды вечером Уильям пришел к своему земляку, Ричарду Филду, и принес ему очередную страницу с сонетом.

— Это последний сонет, который я написал, — сказал он, помещая листок в самый низ стопки, — у меня нет больше возлюбленной, в честь которой я мог бы их слагать.

— Могу я напечатать твои сонеты? — поинтересовался Филд. — Книжка имела бы успех. Представь: последние сонеты Шекспира!

— Нет, не надо. Я не готов представить их публике, — Уильям замолчал. Он не стал говорить о том, что собственных сонетов среди тех, что хранились у Филда, было всего около тридцати. Теперь это не имело никакого значения...

В конце года Уильям вернулся в Стрэтфорд. В кругу семьи он надеялся окончательно забыть Элизабет. «Быть может, — думал он, — она и сама не знает, чей ребенок у нее родился. К чему ворошить прошлое. Оно пусть прошлым и остается». Но, несмотря на старательные попытки выбросить Элизабет из головы, он время от времени вспоминал ее, мучаясь от того, что неспособен окончательно с ней порвать.

Уильям вспоминал, как впервые граф показал ему ее портрет. Он тогда написал один из своих первых сонетов. Генри был уверен, что сонет посвящен ему. Уильям не стал разуверять графа, но с тех пор каждая строчка была овеяна его любовью к Элизабет. Он вспоминал, как впервые увидел ее, и образ ожил, оказавшись гораздо прекраснее изображения на портрете. Он помнил ее первую записку, как боялся, что не найдет в толпе карету, как она смотрела на него тогда.

Он снова и снова представлял Элизабет, лежащую перед ним на постели. Он скучал по их разговорам. По ее смеху и слезам, по голосу, дрожащему от страсти. С каждым днем Уильям все больше погружался в воспоминания. В конце концов, он перестал сомневаться в том, что ребенок, которого родила в ноябре Элизабет, был от него.

Однажды вечером он зашел в спальню. Анна сидела на кровати и тихонько плакала над портретом сына. Уильям сел рядом. Он вдруг ясно представил себе то, что происходило в этой комнате два года назад. «Даже если этот ребенок — мой, то самое главное — он жив и здоров. Он будет жить в прекрасных условиях, и не важно, что я его никогда не увижу», — Уильям обнял жену и долго они вместе смотрели на портрет.

— Нам нужен новый дом, — на следующий день объявил Уильям Анне, — этот маленький и старый. Да и воспоминания нам не дадут в нем быть счастливыми.

— У нас есть деньги, чтобы купить новый дом? — удивилась Анна.

— Есть, — Уильям кивнул, — я займусь поисками сразу после Нового года. Найдем что-нибудь побольше.

Как и обещал, Уильям сразу после рождественских праздников принялся искать новое жилье. В Лондоне в это время Бербридж нашел землю под строительство нового помещения под театр. Уильям воспринял такое совпадение как хороший знак. Ему, конечно, не хватало былого энтузиазма — уезжая когда-то в Лондон, он чувствовал в себе гораздо больше сил и оптимизма. Теперь оставалось лишь стараться не смотреть назад. Слишком сильна была горечь от потерь. Уильям пытался преодолеть боль от смерти сына и забыть женщину, которую так любил.

— Какое красивое место! — Анна посмотрела на участок, привлечший внимание Уильяма. — Дом совсем старый, но уж очень красиво вокруг.

— Вот и я подумал так же. Дом мы сможем отремонтировать. Я найму работников и прослежу, чтобы они все сделали, как надо. Так что принимай хозяйство, — Уильям подмигнул жене.

Она впервые за долгие годы оживилась и даже как-то похорошела. Анна занялась обустройством нового дома и запущенного сада вокруг. Ей казалось, что жизнь начинается заново. Ее Уильям вернулся домой, и, если он опять уедет в Лондон, Анна была уверена: он приедет обратно. Она старалась не замечать печального выражения его лица, грустной улыбки и потухшего взгляда. Лишь изредка в ее памяти всплывал образ задорного молодого человека, настойчиво ухаживавшего за ней, а после женитьбы упорно пытавшегося сбежать в Лондон.

Работы по ремонту дома шли медленно, но Уильям и не торопился. Каждый день он проверял, как идут дела, обсуждая каждую деталь и каждую мелочь с работниками. Однако в какой-то момент Уильям понял, что соскучился по театру. Ему захотелось вернуться в столицу.

— Пожалуй, съезжу в Лондон, — сообщил он Анне вечером, ожидая услышать в ответ уговоры остаться.

— Конечно, поезжай, — улыбнулась она, — ты и так тут засиделся. Твой друг, наверное, и не знает, кого вместо тебя выпускать на сцену.

— Ты не возражаешь? — Уильяма, как и прежде, удивляла такая спокойная реакция жены.

— Нет. В городе меня уже не считают несчастной, брошенной мужем женщиной. Ты стал известным актером, пишешь пьесы и зарабатываешь много денег. А теперь мы еще и дом купили! Мне начали завидовать! Ведь каменных домов в Стрэтфорде — раз-два и обчелся, — Анна гордо посмотрела на мужа, — ты был прав тогда, уезжая отсюда, Уильям, и добился много. Я тобой горжусь.

— Спасибо, — отчего-то ему стало неловко перед женой, — я буду часто приезжать, чтобы следить за ремонтом дома. Хотелось бы его к лету закончить.

Вернувшись в Лондон, Уильям загрузил себя работой. Мыслями он возвращался к Элизабет, но, как он сам себе и обещал, больше из-под его пера не вышло ни одного сонета. Он знал, что и граф Саутгемптон, и его жена были выпущены из Тауэра, но приглашения навестить их ему не поступало. Уильям хотел было написать Элизабет письмо и просить ее о встрече. Мысль эта промелькнула в голове и так и осталась неосуществленной мечтой. Он понимал, что статус замужней женщины вряд ли позволит его возлюбленной вновь встретиться с ним.

Сердечную боль заглушали дела. Строительство нового помещения для театра шло полным ходом, пока представления давали во дворе гостиницы «Два ключа». Уильям закончил новую пьесу, и театр получил для постановки очередную историческую драму «Генрих Пятый». Чтобы еще больше упрочить свое положение в обществе, Уильям начал хлопотать о присвоении ему дворянского звания. Доход, который он получал, позволял ему оплатить услуги, оказываемые клерками, а приобретенная земля в Стрэтфорде добавляла поданным документам вес.

— Ты становишься большим человеком, Уильям, — как-то сказал ему Филд, — все реже навещаешь нас, видимо, считая нашу дружбу более тебя недостойной.

— Не говори так, Ричард, — Уильям видел, что его друг обижен, — ты много помогал мне в первые годы моей жизни в Лондоне. Ты был первым, к кому я пришел в тот день, когда попал в столицу. И я всегда буду благодарен тебе. Но в жизни порой происходят перемены независимо от наших желаний. После смерти сына мне все чаще хочется побыть одному. Да и разлука с Элизабет заставляет искать занятия, которые бы меня отвлекли от мыслей о ней.

— Ты не можешь забыть ее? — спросил Ричард участливо. — Но ты не мог не знать, что она предпочтет графа актеру. Ты поэтому хлопочешь о присвоении тебе дворянского звания? Чтобы как-то уравниваться с Саутгемптоном?

— Конечно, я понимал, что она бросит меня, — Уильям кивнул, — но, когда это случилось, все равно оказался не готов ее потерять навсегда. А что касается дворянства, отец постоянно говорил об этом и пытался сам выхлопотать его. Даже герб нарисовал, — Уильям улыбнулся, — я решил, что пришла пора ему стать дворянином...

По дороге домой Уильям думал о своем разговоре с другом. Действительно, он многого добился. Приехав в Лондон никому не известным молодым человеком, не имевшим толком никакого образования, кроме стрэтфордской школы, он стал довольно-таки богатым актером и драматургом, да еще и дворянином. Но Уильям не чувствовал себя счастливым. Он медленно брел вдоль Темзы, не зная, зачем продолжает жить дальше. У него не осталось цели, не осталось желаний. Даже искусство не привлекало

его так, как раньше. Уильям понимал, что без проблем напишет еще несколько пьес, сыграет на сцене. Может быть, даже королева вспомнит о своей просьбе и вновь вызовет его к себе. Все это не заставляло биться сильнее сердце, не опьяняло и не кружило голову. В тридцать пять лет Уильям был уверен: лучшее осталось позади...

* * *

В последнее время Эссексу не везло. Единственной военной победой было взятие Кадикса, когда, ограбив богатый испанский порт, он вернулся в Англию с почестями. Следовало вернуть себе расположение королевы. Свадьба кузины с Саутгемптоном этому помочь никак не могла. Елизавета, которая и так постоянно подозревала Эссекса в изменах и интригах, стала еще меньше к нему расположена. Роберт безуспешно пытался заменить ей Дадли. Королева то отдаляла, то приближала его к себе, но никогда полностью не доверяла.

— Красивым ходом было бы раскрытие заговора, — делился Эссекс со своим другом графом Саутгемптоном, недавно выпущенным из тюрьмы, — вокруг королевы снуют шпионы испанского и французского королей. Разоблачить кого-то из них и отправить на виселицу — неплохой ход.

Генри задумался:

— Шпионов полно, но не так просто поймать их с поличным. Нужны доказательства измены или заговора против королевы. Ты помнишь слухи о таинственной шкатулке королевы?

— Да, любимая тема французов — королева грешна и вовсе не девственница. Порочащие ее документы — в той самой шкатулке. Интересно, что они там хотят обнаружить? — Эссекс пожал плечами.

— Эта тема становится все более интересной, потому что Елизавета стоит одной ногой в могиле...

— Каждому бы из нас так стоять одной ногой в могиле, — перебил его граф, — королева здорова и переживет многих из своих врагов!

— Тем не менее, ей уже шестьдесят шесть! Кто займет престол после ее смерти? Французов и испанцев очень волнует этот вопрос. Они были бы рады, и сейчас выдать ее замуж, — Генри начал горячиться, — в таком случае муж Елизаветы стал бы королем Англии.

— А учитывая ее любовь к молодым фаворитам, — откашлялся Эссекс, — почему бы на это место не претендовать кому-то из нас?

— Потому что мы женаты, — напомнил Генри, — мы вычеркнуты из списка. Я не про женитьбу на королеве.

— А про что? — Эссекс задумчиво посмотрел на Саутгемптона.

— Про заговор, — Генри терпеливо напомнил тему разговора, — королеву хотят скомпрометировать. Но кроме этого существует еще одна возможность избавиться от престарелой королевы.

— Ускорить ее смерть? — догадался Эссекс.

— Конечно, — кивнул Генри, — куда приведет развернувшаяся борьба за трон неизвестно. Важно убрать Елизавету с пути. Она и так слишком долго занимает трон. Не в пример французским королям, умирающим один за другим. Кто — от яда, кто — от странных болезней, — он расхохотался, — французам не везет.

— Верно, — улыбнулся в ответ граф, — значит, нужно найти тех, кто хочет убрать королеву?

— Да, например, отравить ее. Почему бы нет?

— Кто легко может это сделать, — начал размышлять Эссекс, — только близкие к ней люди. И те, кому она доверяет.

— Врач? — предположил Генри. — Португалец, чьи советы она так любит слушать.

— Точно. Плохо только, что он португалец, а не испанец или француз. Так было бы гораздо проще доказать его причастность к заговору.

— Значит, будем искать шпиона, который подкупает врача, — сделал вывод Саутгемптон.

Эссекс постарался вспомнить про лекаря королевы все что мог. Во-первых, он был португальцем, во-вторых, евреем. Пожилой человек невысокого роста, постоянно крутившийся вокруг Елизаветы. С кем у него могут быть связи? Скорее португалец должен быть связан с испанцами, — сделал казавшийся ему логичным вывод Эссекс, основываясь на территориальной близости Португалии и Испании.

— Кстати, — заговорил снова Генри, — в Тауэр недавно попал по подозрению в шпионаже некий Тиноко, испанец.

— В чем его обвиняют? — заинтересовался Эссекс.

— Вел себя крайне подозрительно. Расспрашивал, вынюхивал. Умудрился лично прийти к советнику королевы, чтобы узнать подробности о военных приготовлениях Англии. Его посадили в тюрьму, но пока им никто не занимался.

— А если я лично попробую вытрясти из него нужные нам сведения? — Эссекс провел рукой по бороде. — Задам те вопросы, на которые нам необходимо получить определенные ответы? Есть средства, которые могут заставить человека говорить.

Через два дня граф лично взял врача королевы под стражу.

— Ваше Величество, мной раскрыт заговор. Под угрозой была ваша жизнь, — доложил он Елизавете.

— Да что вы, граф, — Елизавета нахмурилась, — и кто же угрожал моей жизни?

— Ваш личный врач. Он арестован.

— Вы уверены? — королева высказывала свое недовольство все больше. — Я не сомневаюсь в этом человеке.

— Пойманный испанский шпион Тиноко рассказал всю правду, — Эссекс подошел к королеве ближе и практически шептал ей на ухо, — буквально вчера в Тауэре мы услышали правду. Ваш личный врач был нанят испанцами, чтобы отравить вас.

— Я хочу лично поговорить с ним, — Елизавета встала, — приведите его ко мне.

«Странно, — королева, сощурившись, внимательно посмотрела близорукими глазами на графа, — не нравится мне эта пруть. Эссекс явно ведет какую-то игру».

Вскоре в комнату, где находилась Елизавета, привели пожилого врача. На нем была разорванная одежда, он сильно хромал, а на лице явно виднелись следы запекшейся крови.

— Я предан Вашему Величеству, — с трудом проговорил он, — и не участвовал ни в каком заговоре.

— Пойманный недавно испанский шпион Тиноко рассказал, что ты состоял с ним в заговоре против королевы, — прорычал Эссекс — ты обещал отравить ее, пользуясь бесконечным к себе доверием.

Елизавета встала с трона. Она прошла по комнате, сжав тонкие бескровные губы.

— Необходимо произвести дополнительное расследование всех обстоятельств, — наконец произнесла она, — пока, граф, в качестве доказательства мы имеем лишь слова испанского шпиона. А он

может пытаться переложить вину на другого.

— Я не виновен, — произнес еле слышно врач, — я не знаю человека по имени Тиноко.

— Мы разберемся, — обратилась к нему королева, — и тебе не о чем беспокоиться. Если ты не замышлял ничего худого, тебя оправдают.

Затем она обратила свой взгляд на графа:

— Продолжите расследование. Я благодарна вам за беспокойство по поводу моего здоровья, но вы не должны заходить в поисках виновного слишком далеко, — и с этими словами королева вышла из комнаты.

— Она слушает врача, который, несмотря на пытки, настаивает на своей невинности. — Эссекс сидел в гостиной у Саутгемптона и рассказывал ему последние новости. — Тиноко признался сразу. Он надеется на то, что его оставят за это в живых.

— Ты же не будешь этого делать? — уточнил Генри.

— Нет, конечно. Но пока он нам нужен в качестве основного свидетеля.

— Постарайся выбить из врача признание. Иначе Елизавета сумеет его оправдать.

— Лекарь оказался непрост, — вздохнул граф, — но у меня появилась еще одна идея. Сейчас мои люди ищут второго шпиона. Если против врача будут давать показания двое, то наша задача упростится. У королевы не будет выбора.

— Что мы имеем? — голос становился все более глухим, французский акцент — все более отчетливым. — Нас торопят.

— Двор напуган. Граф Эссекс озаботился поиском шпионов. Хочет выделиться перед королевой не военными подвигами, а заботой о ее безопасности.

— Я слышал. Они заключили личного лекаря Елизаветы в Тауэр.

— Говорят, будто его наняли испанцы, чтобы отравить королеву.

— Какого черта им это нужно? — старик нахмурился. — Если испанцы хотят отравить королеву, значит, они нашли кого-то, кто может в случае ее смерти занять трон. Плохо. Нас опережают. Французский король нам этого не простит. Похоже, испанцы знают больше, чем мы. Неужели они раздобыли доказательства? Ведь тот человек, который выдавал себя за сына королевы и графа Лейстера, скрылся с корабля с помощью испанцев. Филипп хочет посадить его на английский трон.

— Не исключено. Только откуда взялись доказательства? Мы их ищем много лет...

— Вот именно. Мы ищем, а находят испанцы! Что там с драматургом?

— Ничего. Наверное, королева не передавала ему секретные бумаги. Все, что мы обнаружили в его доме и доме его друга, были пьесы или стихотворения самого Шекспира.

— Хм, — старик откашлялся, — предположим. Вам придется лично проверить бумаги в шкафу. Проникните в спальню Елизаветы под любым предлогом. Вы же с ней достаточно близки для того, чтобы это сделать?

— Она никому не доверяет. А я не так уж молод, как остальные фавориты.

— Бросьте! Елизавета падка на сладкие комплименты. Она стареет, и ваше внимание будет ей лестно. У нас нет другого выхода. Нужно просмотреть бумаги, а лучше их выкрасть. Потрачено непростительно

много времени.

Казнь была назначена на седьмое апреля. Елизавета не верила в виновность собственного врача. Попытки Эссекса разоблачить заговор и вновь завоевать признательность королевы большого успеха не имели. Елизавета сидела в своей спальне и раздумывала над происходящим.

— Два шпиона, и оба показывают против Лопеса.

Врач, которому я доверяла много лет, вдруг оказывается предателем. Да если бы он хотел меня отравить, то сделал бы это давно. Эссекс плетет интриги, — она посмотрела вокруг, — тишина и одиночество. Не с кем поговорить, некому довериться. Вокруг трона одни только завистники и желающие занять мое место любым путем. Им придется подождать. Так легко я не сдамся.

Елизавета устало вздохнула.

— Казнь нужно отменить. Пускай еще раз проверят все показания. пытками можно добиться многого. А мне нужна правда.

На следующий день королева действительно отменила казнь врача и двух испанских шпионов. Эссекс в негодовании ворвался в ее комнату.

— Вы делаете из меня посмешище! — воскликнул он. — Я раскрываю страшный заговор, затеянный против вас испанским королем. Близкий к вам человек, ваш врач, пытается вас отравить, чтобы испанцы могли посадить на английский трон нужного им человека. И что? Вы отменяете казнь, словно ничего страшного не произошло. Разве я заслужил такое недоверие? Мои поступки ничего не значат для вас? Поимка двух шпионов, предотвращение убийства — все это ничто?

— Вы ведете себя, как вздорный мальчишка, Роберт, — холодно произнесла королева, — я всего-навсего требую провести дополнительное расследование. Вы считаете, что имеете какое-то право врывать ко мне в спальню и оспаривать мои решения? — Елизавета встала и показала пальцем на дверь. — Идите и подумайте над тем, что вы делаете. Если у вас есть намерение испортить отношения с королевой, то продолжайте поступать, как прежде.

— Она отменила казнь! — Эссекс бушевал в доме Саутгемптона. — Обозвала меня вздорным мальчишкой, а сама поступает бездумно и опрометчиво!

— Роберт, ты организовал это дело, а Елизавета просто чувствует, что здесь не все чисто. Ее врач отрицает связь с испанскими шпионами. Ей хочется ему верить. Поэтому, несмотря на представленные тобой факты, она откладывает казнь, желая докопаться до истины, — возразил Генри.

— На чьей ты стороне? Ты защищаешь Елизавету? — возмутился граф.

— Нет, я пытаюсь объяснить тебе, что происходит. Королева стара, но не глупа. Тебе не удалось ее обыграть.

— Посмотрим. Слишком многим непонятно ее решение. На моей стороне доказательства, и не важно, каким способом они получены, — Эссекс ударил кулаком по столу, — я добьюсь казни, чего бы это мне ни стоило. Сейчас поздно отступить назад...

Через два месяца казнь все-таки состоялась. За это время Эссекс предпринял все меры, чтобы уговорить королеву отправить врача на виселицу. Вместе с ним казнили и двух шпионов, которые давали показания против лекаря. Они надеялись, что ложь будет для них спасением и они останутся в живых. Но граф посчитал их слишком опасными свидетелями его игры против Лопеса, и все трое были казнены в один

день.

— Клянусь всем святым, я был предан королеве и никогда ничего не замышлял против нее плохого, — прокричал перед казнью врач, но толпа над его словами лишь посмеялась.

Елизавета наблюдала за казнью из своего окна. Тоска сжала ей сердце. Люди, которые окружали ее, уходили один за другим. И порой не по доброй воле. Оставшийся рядом Эссекс слишком настойчиво расчищал себе дорогу к сердцу королевы. Ей хотелось любви и преданности, спокойствия и стабильности. А вокруг становилось все больше врагов.

— Они ждут моей смерти, — проговорила она, глядя из окна на свершавшуюся несправедливость, — чтобы тут же начать драться за власть. А может быть, они хотят и раньше решить эту проблему. Вот уж чего они не дождутся — пока я жива, трон останется за мной.

Королева вспомнила об очередном предложении руки и сердца, поступившем совсем недавно в который раз из Франции.

— Как наивны мужчины. Как они примитивны в своих поступках, — она засмеялась, но смех ее был не весел, — какого ответа они ожидают от меня? Неужели всерьез рассчитывают на согласие? — Елизавета отошла в глубь комнаты. — Только сам Господь Бог, посадивший меня на этот трон, может меня с него сместить. И никто другой!

В дверь раздался настойчивый стук.

— Ваше Величество справедливость восторжествовала, — объявил Эссекс, заходя в комнату, — ваше окончательное решение показывает, что вы признали мои доказательства убедительными. Я благодарю вас за оказанное доверие.

— Я более никому не доверяю, граф. Это вы напрасно, — ответила Елизавета холодно, — но враги наши должны видеть, как мы будем поступать с каждым, кто хоть на минуту заставит нас усомниться в их верности, — она пристально посмотрела на Эссекса, — и запомните, граф, вас это тоже касается. В той же степени, что и других.

— Клянусь, в моей верности вам не придется сомневаться, — графу стало не по себе от слов королевы, но он постарался взять себя в руки и не показать ей своих чувств, — разве я вам это не доказывал?

— Пожалуй. Но также вы доказывали и обратное.

Иногда Елизавета вспоминала о стихотворениях, которые отдала Шекспиру. Ей хотелось посмотреть на то, что у него получилось с ними сделать, но более важные дела все откладывали и откладывали его визит во дворец. Кому-то показывать стихи она не собиралась. Они были памятью о ее любви к Дадли, ее личной тайной, доверенной Уильяму. Отчего-то королева доверяла сочинителю пьес и сонетов, совершенно не опасаясь, что он сделает стихотворения достоянием гласности.

Елизавете становилось все сложнее удерживать власть. Многочисленные фавориты плели интриги за ее спиной. Да и постоянная угроза со стороны Испании и Франции не давала ей спокойно встретить старость. Каждый день королева надевала свой рыжий парик, сильно пудрилась и выходила навстречу новому вызову, который ей бросала судьба.

Очередным вызовом стала новая экспедиция Эссекса. Он продолжал пользоваться расположением к нему королевы. А она не могла противиться его обаянию.

— Ваше Величество, доход от кампании превзойдет все ваши ожидания, — обещал граф, — я возьму

на себя командование флотом. Только велите снарядить в путь корабли. Я планирую идти в сторону Азорских островов. Угрозы для Англии сейчас нет. Поэтому можно было бы воспользоваться затишьем у берегов королевства.

Королева согласилась: уж больно заманчивым казалось ей предложение Эссекса. Она нуждалась в деньгах, а морские вояжи обычно приносили в казну немалый доход.

Тем не менее, шпионы при английском дворе по-прежнему не дремали. Воспользовавшись отсутствием большей части королевского флота, испанцы снарядили новую армаду к берегам Англии.

— Граф должен срочно вернуться, — требовала Елизавета, понимая, однако, что Эссекс никак не успевает на выручку. Его враги злорадствовали: план графа по захвату добычи у Азорских островов провалился. Испанцы чудом не высадились у берегов Англии — им во второй раз помешала буря, разметавшая их корабли по морю.

Возвратившегося Эссекса во дворце приняли холодно. Королева не желала его видеть, проводя большую часть времени со своим крестным сыном Джоном Харрингтоном, который за время отсутствия графа снова приблизился к Елизавете.

— И что мне остается? — спрашивал Эссекс Саутгемптона. — Сидеть в своем поместье. Я не буду больше унижаться перед королевой. Пока я пытался раздобыть для нее деньги, все эти мельтешащие при дворе люди чернили меня в ее глазах. Она им раздавала титулы и награды, а я обвинен в том, что, забрав с собой большую часть флота, поставил безопасность Англии под угрозу.

Генри нечем было утешить друга: он сам, давно отлученный от двора, прозябал в фамильном замке. Елизабет снова ожидала ребенка, и ему оставалось довольствоваться скромными семейными радостями.

— У меня много сторонников, Генри. Я думаю воспользоваться своей популярностью в народе и устроить переворот. Ты со мной? — неожиданное предложение застало Саутгемптона врасплох. Одно дело — плести интриги против врача королевы, совсем другое — против нее самой.

— Ты уверен в своей победе? — осторожно спросил он. — Если ты проиграешь, королева никогда тебе не простит измены.

— Ты трусишь, мой друг, — усмехнулся Эссекс, — все, на что ты был способен, — это устраивать спектакли и представления.

— Я верен тебе. Напрасно ты пытаешься оскорбить меня, — возразил Генри, — я просто призываю подождать немного. Быть может, у тебя будет еще возможность вернуть расположение Елизаветы другим путем.

Глава 6

Заговор. 1601 год

Заказы сыпались один за другим — театр пользовался высоким спросом. Уильям едва успевал съездить к семье в Стрэтфорд, как снова оказывался на сцене. Несмотря на удрученное состояние, к удивлению его друзей, из-под пера Уильяма выходили в основном комедии. Актеры не возражали: публика сменила свои предпочтения и вместо кровавых исторических драм требовала что-нибудь посмешнее. Тем более что жизнь в последние годы и сама предлагала их вниманию одну сплошную историческую драму, и довольно кровавую.

Относительно спокойные годы правления Елизаветы к концу ее жизни превратились в клубок постоянно раскрываемых заговоров, измен и неудачных пиратских набегов английского флота. Бедность соседствовала с роскошью, так же как в театре комедии следовали за трагедиями. Уильям пытался найти себя в новых обстоятельствах, в которые ставила его жизнь, но былого удовлетворения от своих успехов не получал.

Однажды вечером вернувшись домой, Уильям обнаружил на столе записку: «Уильяму Шекспиру» было выведено сверху знакомым почерком. Сердце забилось быстрее. Он открыл листок. Письмо было от Элизабет. Она писала, что на следующий день будет ждать его после спектакля на том самом месте, где она впервые назначила ему свидание, — у Бишопского моста.

Остаток дня Уильям провел в прекрасном настроении. «На что я надеюсь? — спрашивал он себя, примеряя одну рубашку за другой. — Наверняка Элизабет хочет меня видеть по какому-нибудь пустячному делу. Может, пригласит театр в чей-то замок или поместье. Или просто узнает, как у меня дела, и спокойно уедет обратно к мужу». Но, несмотря на мысли, призванные охладить его пыл, Уильям не мог сдерживать радость. Он снова увидит ее — героиню своих сонетов, невысокую, хрупкую, красивую темноволосую женщину, навсегда привязавшую его к себе.

Уильям слышал, что графиня Саутгемптон родила второго ребенка.

— Как она теперь выглядит? Наверное, уже не так тонка ее талия, как прежде. Изменилась форма груди, лицо потеряло выражение беззаботной юности, свойственное лишь незамужним, бездетным девушкам, — он вспомнил Анну, — да, женщина меняется, выйдя замуж и родив детей. Быть может, я увижу Элизабет и разлюблю ее? Надеюсь, она мне разонравится. — Уильям понимал, что пытается убедить самого себя в том, что на деле вряд ли случится. Но он упорно размышлял о ее внешности так, что в итоге в его воображении Элизабет стала похожа на Анну, превратившись в высокую, дородную женщину с убранными под чепец волосами.

Спектакль он отыграл, не помня ни одного произнесенного слова. В тот день они давали «Гамлета». Уильям играл призрака. Собственную пьесу он знал назубок, поэтому напрягать память ему не приходилось. На протяжении всего спектакля он думал только об Элизабет и о предстоящей встрече.

— Ты сегодня играл великолепно! С таким вдохновением! — похвалил его Джеймс после того, как в зале стихли аплодисменты. Сам Джеймс стоял в костюме главного героя, опираясь на шпагу. — Все-таки мы тебя недооцениваем в качестве актера.

«Вот так и бывает, — подумал Уильям, — чем больше я стараюсь сыграть роль убедительно, тем меньше у меня это получается. Чем меньше я думаю о том, что произношу со сцены, тем громче аплодисменты в мой адрес».

Он вышел из театра и пошел к мосту. Народу было так же много, как и несколько лет назад. Но он сразу увидел карету с гербом графа. Уильям остановился на минуту, чтобы перевести дыхание. Он снова видел все вокруг живым и ярким: распустившиеся цветы, теплое солнце, безоблачное небо. И даже город будто стал чище, а неприятные запахи перестали мучить обаяние. Люди не толкались — толпа, словно обтекала его со всех сторон. Уильям улыбнулся и направился к ожидавшей его карете.

Дверца распахнулась — внутри по сравнению с залитой солнцем улицей царил полумрак. Напротив него сидела Элизабет, рядом с ней примостилась симпатичная маленькая девочка лет трех.

— Я рада, что ты смог прийти, — проговорила Элизабет, — мне так хотелось тебя увидеть.

Ее голос стал более глубоким, но черты лица остались прежними. И волосы вовсе не прятались под чепцом, а, как и раньше, задорно выбивались из-под шляпки. «Корсет», — подумал Уильям, глядя на осиную талию Элизабет, но ему было плевать. Она была хороша. Она была даже красивее, чем прежде.

— Почему ты молчишь? — снова обратилась к нему Элизабет. — Расскажи, что ты делал все это время, что писал. Генри сказал, ты получил дворянский титул.

— Да, — пробормотал Уильям. Все, что он делал эти годы, проведенные без Элизабет, теперь казалось ему никчемным, неважным и недостойным того, чтобы тратить время попусту, рассказывая об этом.

— Как твоя семья? Ты часто бываешь в Стрэтфорде? — продолжала задавать вопросы Элизабет.

— Стараюсь почаще. Ты знаешь, после смерти сына я пообещал себе навещать детей. Я купил для семьи большой дом с садом, — Уильям говорил, не меняя интонации, запоминая каждую минуту этой встречи.

Элизабет кивнула. Она тоже замолчала.

— Ты счастлива с Генри? — вдруг спросил Уильям. — Тогда ты так неожиданно вышла замуж. Тайно. В Париже.

— У меня не было другого выхода, — глаза Элизабет стали грустными, — я ждала ребенка, Уильям.

— Я знаю, — у него вертелся на языке вопрос, который не давал ему покоя, но он промолчал.

— Ты хочешь знать, чей это ребенок? — Элизабет сама произнесла это вслух. — Если бы даже я знала точно, то это ничего бы не изменило. Генри хотел на мне жениться, несмотря на недовольство королевы. А она была не просто недовольна, Уильям. Когда мы вернулись, она посадила нас в Тауэр. Я была на последних сроках беременности. Меня разлучили с мужем, и я сидела в тюрьме.

— Я знаю, — повторил он. Уильям видел слезы в ее глазах, но понимал, что успокоить Элизабет не может ничем.

— Королева смилостивилась, и нас выпустили. Но мы не появляемся при дворе: ни я, ни граф.

— Ты счастлива с ним? — повторил вопрос Уильям.

— Разве это имеет для тебя значение? Все трое мы были счастливее когда-то. Только не понимали до конца насколько. Вот ты. Ты счастлив? — она посмотрела прямо ему в глаза.

— Нет. Без тебя и без сына я не счастлив, — Уильям отвел взгляд в сторону, — я живу по привычке, делаю что-то, пишу. Но ничего не делает меня более счастливым. Я умираю без тебя, Элизабет. Весь мой путь — это медленная дорога в могилу.

— Не говори так, — Элизабет коснулась его руки кончиками тонких пальцев, затянутых в перчатку, — у тебя все впереди. Ты напишешь новые пьесы, которые будут иметь успех, будешь играть в театре,

навещать семью, наблюдать, как взрослеют твои дочери.

— Все лучшее позади, — Уильям покачал головой.

Девочка поерзала на своем сиденье.

— Мне скучно, мама, — произнесла она, дергая Элизабет за рукав платья.

— Мы скоро поедем.

Уильям понимал, что ему следует попрощаться и выйти из кареты. Но он не мог этого сделать. Он смотрел на Элизабет, вдыхал аромат ее духов и вслушивался в каждую интонацию ее голоса.

— Мы увидимся еще раз? — спросил он с надеждой.

— Не уверена. Мне и раньше было сложно с тобой встречаться, а теперь тем более. Если смогу, то пришлю тебе записку. Нам надо ехать. Извини.

На улице Уильям долго смотрел им вслед. Карета пробиралась через толпу на мосту, и это давало ему возможность не терять их из виду. На другой стороне Темзы она ехала какое-то время по узким улицам, и Уильям следовал за ней. Но постепенно расстояние стало увеличиваться, более широкие улицы позволяли ехать по ним быстрее, и вскоре карета скрылась из глаз, потерявшись где-то вдаль.

Вернувшись домой, Уильям весь оставшийся день вспоминал Элизабет, представляя себе снова и снова каждый ее жест, каждый взгляд, каждое слово. Он пытался определить, похожа ли на него девочка, и менял свое мнение ежеминутно. То ему казалось, что она вылитая копия графа, то, наоборот, он видел в ней лишь свои черты и вдобавок вспоминал, как выглядели его дочери в три года, убеждая себя в том, что они похожи.

Так Уильям и жил несколько последующих дней, витая в облаках, предаваясь мечтаниям о будущих встречах с Элизабет. А то и, наоборот, страдая, впадая в пессимизм, убеждая себя в том, что уж на сей раз они точно больше не увидятся.

— Ты хоть замечаешь, что происходит в театре? — спросил его Джеймс однажды после спектакля. — Что происходит в Лондоне?

Уильям встрепенулся:

— Что-то случилось? Нет, я был занят своими делами.

— Я заметил, — улыбнулся Джеймс, но тут же стал опять серьезным, — в театр приходили люди Эссекса и просили поставить в честь графа спектакль.

— Что в этом плохого? Поставим.

— В пьесе нужно говорить о возможной победе Эссекса в Ирландии, — уточнил Бербридж.

— Хорошо. Пусть будет так. Не пойму, что тебя тревожит? У меня есть новая пьеса — в ней Генрих Пятый возвращается в Англию после победы над французами.

— Ты хоть понимаешь, о чем я?

— Нет, — ответил Уильям ехидно, — не понимаю.

— Мы находимся меж двух огней. Королева не очень обрадуется, если ей донесут, что мы превозносим Эссекса. Театры грозят совсем закрыть, актеров распустить.

— Это лишь слухи.

— Слухи не рождаются на пустом месте. Нам придется и графу предречь победу, и королеву не обидеть. Она ревнива к чужому успеху.

— Почитай пьесу. Я могу дописать реплики, которые будут указывать на то, что граф — не король и что его ждут почести, которые все же не сродни королевским.

Вечером Уильяму пришлось ненадолго забыть о своих сердечных муках и немного переделать недавно написанную пьесу.

Джеймс был доволен — получилось неплохо.

— Уильям, новая пьеса, как обычно, хороша, — похвалил он автора, — но настроение твое мне не нравится. Ты по-прежнему страдаешь по своей возлюбленной? Пора уж было бы ее позабыть и завести себе новую даму сердца.

— Нет, Джеймс, не получится. Я никогда не смогу забыть Элизабет. Такие чувства нельзя повторить. Ни одна женщина не будет ее достойна.

— Вот увидишь, ничто не длится вечно. Просто постарайся меньше о ней думать.

— Спасибо за совет, мой друг, — Уильям кивнул, — обещаю стараться думать меньше. Но от этого жизнь не станет веселее.

— Пошли в таверну. Лучший способ отвлечься — это выпить несколько кружек крепкого пива. Заодно поговорим о делах в театре. Ты же такой же пайщик, как и я. Тебя должны интересовать деньги, которые мы выручаем за спектакли.

Разговоры о выручке всегда открывали Уильяму в самом себе какие-то неизведанные стороны его характера. Он с удовольствием подсчитывал прибыль и размышлял, куда мог бы ее вложить. Отец предлагал ему купить землю в Стрэтфорде, и Уильям подумывал о том, что неплохо было бы так и сделать. В таверне он рассказал Джеймсу о своих планах.

— Так и сделай, — посоветовал друг, — поезжай домой, посмотри, что да как. И покупай. Мы тут справимся без тебя. Пьеса готова, а писать новую необязательно в Лондоне.

Уильям кивнул. Но писать ему сейчас не хотелось. А вот заняться денежными вопросами не помешало бы.

— Ты прав. Поеду в Стрэтфорд. Отвлекусь. Лондон стал навевать на меня грустные мысли. Дома мне лучше. А ведь когда-то я бежал оттуда со всех ног, думая, что никогда больше не вернусь в Стрэтфорд. Я не понимал, как там могут люди жить всю жизнь. Я не понимал собственного отца, который даже не задумывался об отъезде.

— Лондон привлекает, лишь, когда видишь его издали, — заметил Джеймс, — вблизи это довольно-таки убогое зрелище. Кругом грязь, суета. Люди продолжают съезжаться сюда со всей страны в надежде, что здесь что-то для них изменится. А менять надо себя, а не окружающую обстановку. Вот и ты — бежишь теперь обратно.

— Там мой дом, Джеймс. Я не прижился в Лондоне.

— Но, если бы с тобой по-прежнему была Элизабет, ты бы так не рассуждал. Тебя тогда было не заманить в Стрэтфорд. Я ж говорю: ты смотришь вокруг, а не в свою душу.

— Моя душа — потемки. Там уж ничего не различить.

Но, когда пришла записка от Элизабет, Уильям понял, что различить кое-что в своей душе он может. Он тут же отложил свой отъезд в Стрэтфорд, предоставив отцу самому решать земельные вопросы. Он понимал, что его настроение теперь напрямую зависит от того, есть в его жизни Элизабет или нет. Она, как обычно, вела двойную игру, разделяя постель с ним и с Генри. Но отказаться от нее он не мог.

Она точно так же, как и раньше, вбежала к нему в комнату. Он улыбнулся и остался стоять истуканом, молча разглядывая ее лицо.

— Уильям! Что ты стоишь? — она смеялась. — Ты же знаешь, что раздеться я сама не смогу. И одеться тоже.

Он подошел ближе и начал медленно расстегивать и расшнуровывать многочисленные застёжки.

— Ох, уж эта женская одежда, — пробормотал он, — скоро я смогу наниматься к богатым дамам. Я приобретаю неоценимый опыт с твоей помощью.

— Вот уж нет! — Элизабет продолжала смеяться. — Этот опыт ты должен применять только со мной.

Как всегда, у нее не было много времени. Она прибежала и убежала из его жизни, но в ней снова было место для любви. Уильям жил от записки до записки, от свидания к свиданию. Так было лучше, чем просто существовать без надежды когда-нибудь увидеть Элизабет.

Он старался не обращать внимания на то, что происходило вокруг. О провале военной операции Эссекса в Ирландии стало ему известно от Элизабет: рядом с Эссексом находился и граф Саутгемптон.

— Ты поэтому видишься со мной так часто? — догадался Уильям. — Твой муж уехал.

— Да. И что? — она нахмурилась. — Ты бы чувствовал себя лучше, если бы он был в Лондоне?

— Нет, прости. Так что ты говоришь там происходит? — Уильям сделал вид, что его интересует ситуация, сложившаяся в Ирландии.

— Эссекс ехал туда за победой. Он теряет расположение королевы, поэтому ему было нужно вернуться героем. У них ничего не вышло. Муж пишет, что они возвращаются ни с чем. Королева в гневе.

— Тебе это чем-то грозит?

— Может быть, и грозит. Хотя мы и так не при дворе. Но то, что муж поддерживает Эссекса, конечно, наше положение не улучшит.

— Ты беспокоишься за него?

— За мужа или за Эссекса? — Элизабет продолжала шутить. — Я переживаю за обоих.

Порой происходят события, которые на время заставляют героя перестать постоянно, думать о любви. Несмотря на то, что Уильям писал пьесы, был уверен, что с ним-то такое не случится. Он жил лишь во время свиданий с Элизабет — остальное представлялось ему длинным, нескончаемым спектаклем, переходящим из театра на улицу и обратно. Собственная квартира была средоточием страсти и любви, грусти и печали, тоски и боли — это для Уильяма и являлось жизнью.

Тем не менее, отвлечься пришлось. Вокруг постоянно что-то делают второстепенные герои: они и выходят иногда на сцену, чтобы убедить главного персонажа отвлечься.

— Уил! — он услышал свое имя, выходя из театра.

На улице стоял Ричард Филд собственной персоной.

— Ты решил наконец-то посмотреть мой спектакль? — удивился Уильям. — Странно. Раньше ты проявлял интерес только к рукописям пьес, а не к их воплощению на сцене.

— Мне не до шуток. Прости, Уильям, — Филд выглядел потерянно.

— Что-то стряслось?

— К сожалению, да. Ту рукопись, что ты хранил у меня, не позволял печатать и показывать кому-либо, украли.

— Украла? Из твоей типографии? Но как? — Уильям не верил своим ушам. Сонеты королевы вместе с его собственными пропали.

— Не все так плохо, — кое-как ободрил друга Филд, — украли второй экземпляр. Первый так и лежит на месте. Это полностью моя вина, Уильям. И я не знаю, как смогу ее загладить.

— Ладно, Рич. Пошли, поговорим у тебя дома. Там все и расскажешь. Не стоять же нам теперь на улице.

Дома их встретила жена Ричарда, выглядевшая хуже, чем на похоронах. Она теребила в руках край передника и бормотала:

— Уил, это моя вина. Полностью моя вина. Ну и дети. Дети мешались тут под ногами. У нас их трое — ты знаешь, все хулиганы. Моя вина.

— Подожди, пожалуйста, Марта, — остановил ее Уильям, — Ричард, говори, и по порядку.

— Первый экземпляр, твои черновые записи, хранил я в потайном месте — там, где держу деньги. Ты был так серьезен, когда просил оставить у себя эти бумаги, что я проникся всей важностью порученной мне миссии. Позже ты принес второй экземпляр — сонеты, переписанные набело. Я уж, честно сказать, подумал, ты их хочешь опубликовать. Но ты опять просил их спрятать и никому не показывать.

— Это я помню, Ричард, — кивнул Уильям, — давай дальше.

— Так вот. Тут вокруг народ, конечно, знает, что мой друг — сам Уильям Шекспир, и я иногда публикую пьесы, которые он мне лично приносит. Некоторые, ты помнишь, приходят и просят у тебя попросить разрешение что-нибудь опубликовать. Я не удивляюсь и честно передаю просьбы, а иногда передаю рукописи, которые ты позволяешь отдать.

— Угу, — снова кивнул Уильям.

— Вчера вечером, тут моя жена права, дети бегали и страшно мешались под ногами. А я ушел ненадолго в магазин. Когда вернулся, Марта говорит: «Там к тебе пришли. Сидит человек в той комнате». Захожу. Никого. Я говорю: «Жена, ты не с ума ли сошла? Тут нет никого». Она зашла, всплеснула руками: мол, куда ж он делся. Исчез вместе с рукописью.

— Если ты рукопись прятал, то она не должна была валяться на видном месте, — не выдержал Уильям.

— Не должна, — согласился Филд, — но лежала. Не совсем на видном, кое-что этому человеку пришлось тут перевероршить.

— Моя вина, — опять запричитала Марта, — я убиралась в той комнате. А дети шалили.

— Про детей я уж понял, — вздохнул Уильям.

— Я никак не могла закончить прибираться.

— Я ей всегда говорю: не трожь бумаги, не касайся ты рукописей!

— А как убирать? — Марта положила руки на толстые бока и грозно посмотрела на мужа.

— Вот, видишь!

— Так что все-таки случилось? Кто приходил? — Уильям встрял в начавшуюся перепалку.

— Пришел человек к Ричарду, — заново принялась рассказывать Марта, — я ему говорю: проходите, подождите мужа. Он скоро вернется. Тот и сел. Дети меня постоянно отвлекали, и я не могла все время с ним находиться в той комнате. Бумаги лежали стопками у окна.

— Второй экземпляр я подписал, — сказал Филд, — ну чтоб не перепутать с другими рукописями. На всякий случай. Он, наверное, увидел твое имя и украл рукопись. Думаю, это человек из типографии. Иначе чего ему ко мне приходиться. И чего ему красть рукописи. На всякий случай сегодня утром я обошел все типографии, что знаю тут в округе. Никто ко мне не ходил и никого ко мне не посылал.

— Скажут они теперь, — пробурчал Уильям, — даже если и ходили. А как тот человек исчез?

— Я не услышала, как он ушел, скорее всего, — развела руками Марта, — немудрено, — и она в очередной раз попыталась рассказать о баловавшихся детях.

— Уил, мы виноваты. Всей семьей, — Ричард опустил голову, — сейчас эта книжка точно выйдет у кого-нибудь из «пиратов».

— Значит так, следи за магазинами. Мы поступим так же, как они. Выкрадем весь тираж. Когда книга выйдет, мы пойдем, у кого рукопись. Заберем и ее.

— Зачем красть? — удивился Ричард. — Ты автор. Придем и заберем. Ты так и не хочешь публиковать эти сонеты? Я имею в виду потом, официально, у меня. И проблем не будет.

— Проблемы будут, Рич. Не все сонеты мои. Признаюсь честно, большинство сонетов не мои. Они лишь мной отредактированы. И просила сделать это высокопоставленная особа, чье имя я не имею право разглашать. Если книга с сонетами выйдет, ее тут же надо будет ликвидировать. Первый экземпляр я у тебя заберу. Сегодня же спрячу его в другом месте. Доверие, которое мне оказали, слишком велико, чтобы его не оправдать.

— Первый экземпляр лежит в надежном месте. Я же тебе сказал, — Филд надулся.

— Не обижайся. Но раз у тебя уже украли рукопись прямо из дома, то всякое может случиться. Ты хранишь рукопись вместе с деньгами. А вдруг придут воры? Просто украсть деньги? А заодно возьмут и бумаги.

— Боже упаси! — всплеснула руками Марта. — Не говори так, Уильям. Воры!

— Не кричи, — оборвал жену Филд, — я не в обиде. Ты прав. Пойдем, я отдам тебе рукопись.

В тот же день, никому ничего не сказав, Уильям отправился в Стрэтфорд. Несмотря на поздний час и сгустившиеся сумерки, он решил пуститься в путь. Рукопись лежала у него за пазухой. На всякий случай для Элизабет он оставил у хозяйки записку о том, что семейные дела требуют его присутствия дома.

Приехав, Уильям первым делом попросил его не беспокоить и заперся в своей комнате. В отремонтированном каменном доме на втором этаже он обычно проводил время, сидя за столом у окна, выходящего в прекрасный сад. Анна сумела привести его в порядок, и теперь Уильям частенько любовался открывавшимся ему видом.

В этот раз ему было не до сада. Уильям сел переписывать рукопись. Найдут ли они второй экземпляр, неизвестно. По правде говоря, Уильям в этом сильно сомневался. А вдруг королева вспомнит о своей просьбе и вызовет его к себе? Тогда у него должна быть переписанная рукопись. Вместе с ее сонетами он предполагал, как и прежде, преподнести Елизавете собственные произведения в подарок.

Первый экземпляр Уильям спрятал в небольшой сундук, стоявший возле его кровати. Там уже лежала рукопись его первой пьесы, которую он давным-давно начинал писать в Стрэтфорде, еще до своего бегства в Лондон. Ему порой было смешно перечитывать далекие от совершенства строки, написанные, когда он бегал на свидания с Анной и в первые три года их семейной жизни.

Уильям не стал оставаться в Стрэтфорде надолго. Он вновь думал об Элизабет, которая могла захотеть

его увидеть и не застать в Лондоне. И потом он лично решил отслеживать в магазинах появление сборника сонетов, совершая регулярный обход книжных вокруг собора Святого Павла. В городе были и другие книжные лавки, но «пиратские» издания в первую очередь появлялись на рынке возле собора.

Первым книги обнаружил Филд. Все-таки он жил рядом с магазинами и типографиями, поэтому мог отслеживать появлявшиеся издания быстрее, чем Уильям, дом которого был расположен на другом конце города.

Филд и в этот раз примчался к театру, не застав друга дома.

— Есть! — горячо зашептал он. — Я их видел! И даже умудрился полистать сборник. Там они все!

— Сейчас их начнут покупать! — Уильям округлил глаза. — Срочно нужно остановить продажу. Побежали!

— Постой. Магазин сегодня закрыт. Я зашел туда предложить отпечатанные у меня книги по низкой цене. Я так делаю иногда — если книжки не продаются в моей лавке, отдаю другим. Мне открыли, но сказали, что сегодня не будут работать. Какие-то у них там дела.

— Все равно, пошли. Как и договаривались, я скажу, что я автор, и потребую убрать весь тираж из магазина и отдать рукопись.

— Мы его даже согласимся выкупить, — предложил Ричард, — по низкой цене. Скажем, что хотим возместить убыток, который понес магазин.

— Можно, наоборот, сказать, что сонеты не мои. И я против моего имени на титульном листе.

— А они и есть почти все не твои. Хорошая идея. Так и сделаем.

Уильям и Ричард отправились в магазин. Он действительно был закрыт. Филд попытался стучать в заднюю дверь, куда обычные посетители не заходили, но и там ему никто не открыл.

— Дом владельца магазина рядом. Пошли туда, — предложил он другу.

Дома тоже дверь не открыли.

— Что делать? — спросил Уильям, устало прислонившись к стене.

— Оставайся сегодня у нас, чтобы тебе не бегать туда-сюда по городу. Завтра с утра магазин откроется, и мы сразу все устроим.

— Знаешь, я думаю, что наш план плох. Что бы мы ни говорили, нам могут отказать. Я же сталкивался уже не с одним пиратским изданием пьес. И моих собственных, и пьес друзей и знакомых. Их продают наемные актеры, запоминая наизусть слова, записывают зрители. Издатели находят много разных возможностей получить текст. Иногда там отсутствуют целые куски, но это никого не волнует. Мы не получим тираж, а если и получим, то вряд ли нам его отдадут целиком. И уж, конечно, не отдадут рукопись.

— Что ты предлагаешь? — спросил Ричард.

— Все-таки выкрасть. Ночью проберемся в магазин и заберем весь тираж. Надеюсь, его еще не успели развести по другим лавкам.

— Не должны были. Лежал, будто только из типографии.

Ночью они вышли из дома Филда и направились к магазину, держа наготове шпаги. Ни тот и не другой не имели опыта в подобных авантюрах. Что касается шпаги, то Уильям хотя бы фехтовал на сцене. Ричард не фехтовал совсем. Но оба считали, что без шпаги лезть в магазин никуда не годится.

Пройдя несколько метров, они с удивлением обнаружили, что на площади собрались люди. Их было

немного, но, тем не менее, затея с кражей книг из магазина явно проваливалась.

— Подойдем поближе. Хоть узнаем, что происходит, — предложил Уильям.

Народ стоял возле проклятой лавки. Внутри явно что-то происходило: горел свет и слышался шум.

— Заговор, заговор, — звучало зловещее слово в толпе.

— Попали мы в заварушку, — пробормотал Филд, — заговор — это похуже, чем кража рукописи.

— Что случилось? — спросил Уильям стоявшего неподалеку мужчину.

— Донесли, что в этом магазине хранятся секретные бумаги самого графа Эссекса. Будто бы против королевы он что-то затевал, — зашептал человек, — все, говорят, там вверх дном переворачивают. Ищут бумаги. Хозяина магазина арестовали и отправили в Тауэр.

— В Тауэр?! — хором произнесли страшное слово друзья.

— А как же, — ответил со знанием дела собеседник, — всех сначала в Тауэр. Питать. Потом уж как пойдет. Либо казнят, либо оставляют сидеть там до конца жизни. Иногда выпускают, но такое случается редко.

— Ты откуда все знаешь-то про Тауэр, — подозрительно посмотрел на него Ричард.

— Так это все знают, — веско сказал мужчина, — времена такие.

Через некоторое время из магазина вышло несколько человек. Они выносили книги.

— Смотри, они несут сборник сонетов, — зашептал Филд, — я его узнал. Только книжки с сонетами и все. Господи, что-то мне не хочется в Тауэр.

— Мне тоже, — кивнул Уильям, — и что, только сонеты?

— Ты видишь, вынесли совсем мало. Я успел, как следует разглядеть обложку. Это они.

— Скорее всего, в Тауэр попаду я. Как автор. Тебе не о чем беспокоиться, — заверил друга Уильям. — Я не буду им говорить, что сонеты хранились у тебя в типографии.

— Ты-то, может, и не скажешь, а вот этот, — Филд показал рукой в сторону магазина, — скажет точно. Чтоб вину свалить на меня. Лучше честно сказать, что украл и не знал, чего украл, чем сидеть в тюрьме за... — Ричард замолчал.

— Что ты молчишь? — Уильям вопросительно посмотрел на него.

— За что? За что сидеть в тюрьме? Уильям, что там такого вы понаписали? Это ж стихи, я думал. Не больше. А именно их и вынесли из магазина. Ничего больше. Что ты написал? Пасквиль против королевы? В честь Эссекса?

— Нет, — Уильям затряс головой, — там все про любовь, и только. Поверь, кроме любви — ничего. Почему выносят именно сонеты? Кто их знает. Ты же сам помнишь, когда я тебе их принес. Больше четырех лет, по-моему, прошло. Какой там может быть заговор? Какой граф Эссекс?

Уильям вдруг вспомнил, что часть сонетов принадлежит королеве. А кто его знает? Вдруг там зашифрованные, тайные послания? Тогда вполне возможно, что ими могут интересоваться. Но ведь обыск устраивали по указанию самой Елизаветы. Искали материал против Эссекса. Значит? Значит, все остается непонятным.

В Тауэр ни Уильям, ни Ричард не попали. Несколько недель после происшествия возле собора Святого Павла они ложились спать, вздрагивая от каждого звука. Приходили домой, ожидая увидеть следы обыска. В театре Уильям всматривался в зрительный зал, словно мог разглядеть там пришедших за ним людей. Но

они никому не были нужны.

— Видимо, они почитали твои сонеты, — Филд помолчал, — и не твои тоже. Решили, что там, действительно, про любовь. Я, кстати, упорно распространял слухи, что автор сонетов, изъятых из магазина, на самом деле не ты. Так, на всякий случай. Но будь осторожен. Опасность не миновала. В Лондоне неспокойно. Все обеспокоены. Упорно ищут то, что могло бы очернить Эссекса. Он в немилости...

— После провала в Ирландии Эссекс впал в немилость, — рассказывала Уильяму Элизабет. Она явно была напугана, — Генри был там с ним. Теперь, вернувшись в Англию не с победой, а с поражением, Эссекс сидит в своем доме и не допускается к королеве. Она не желает его видеть.

— Что твой муж? — спросил Уильям.

— Отречься от дружбы с Эссексом уже поздно. Ждет своей участи. А Эссекс вербует сторонников.

Уильям видел, что Элизабет волнуется за мужа, и не стал рассказывать ей историю с сонетами. Конечно, ему было бы легче, если бы королева вспомнила о своей просьбе и пригласила его к себе. Он бы отдал ей и исписанные ее рукой страницы, и исправленный и переписанный им начисто экземпляр. Тогда у Уильяма бы остались лишь его тридцать сонетов, посвященных Элизабет. Он мог бы отдать их Филду напечатать и спать с тех пор спокойно.

Но королеве явно было не до Шекспира и стихотворений, написанных в молодости. Пожилая одинокая женщина держалась за трон, яростно пытаясь отражать попытки его отнять.

— Ты ожил, — заметил как-то в театре Джеймс, — все бегаешь, как влюбленный мальчишка.

— Я и есть влюбленный мальчишка, — Уильям улыбнулся, — не знаю, сколько продлится мое счастье, но пока оно рядом, наслаждаюсь каждой минутой.

Иногда Элизабет пропадала надолго. Уильям не получал от нее ни строчки, и жизнь в такие дни для него замирала. История с сонетами уходила в прошлое и более не будоражила сознание. Тем не менее, граф Эссекс опять настойчиво вторгался в его жизнь.

— Поступила просьба играть твою старую пьесу, которую цензоры и так резали нещадно, — сообщил в конце лета Джеймс.

— Что за пьеса?

— «Ричард Второй». Помнишь, что оттуда вырезали?

— Нет, — Уильям задумался, — пожалуй, сцену низвержения короля?

— Точно. Просят играть все полностью. Я говорил, что мы давно сняли ее с афиши. Она устарела и тому подобное.

— А что? Почему мы не можем ее снова поставить?

— Ты совсем ничего не соображаешь? — поинтересовался Бербридж, — ты хоть в курсе, что происходит в Лондоне?

— Недавно мне уже задавали такой вопрос, — Уильям вспомнил инцидент с Филдом и сонетами, а также слова Элизабет, — в курсе. Эссекс что-то затевает против королевы, она пытается раскрыть заговор.

— Примитивно, но точно, — засмеялся Джеймс, — прямо краткий пересказ будущей пьесы. Так вот, к нам приходили сторонники графа. Они дали нам пятьдесят шиллингов.

— Мы столько в лучшие дни не собираем, — удивился Уильям.

— Вот именно. Играть надо послезавтра. Все целиком, вместе со сценой низвержения короля. Играть в определенный день. Зрителей нам обещали полный зал.

— Ты согласился?

— Да. У нас не было выбора, скажу тебе прямо, — Джеймс вздохнул, — я решил отменить пьесу в самый последний момент. Осталось только придумать достаточно уважительную причину.

— Ты уверен, что нужно поступить именно таким образом? Ты уверен, что к тебе приходили именно люди Эссекса? — Уильям засыпал вопросами Джеймса. — К нам часто приходят заказчики с просьбой сыграть определенную пьесу.

— Уверен, — Бербридж пристально посмотрел на Шекспира, — потому что они и не скрывали, что пришли от графа.

— А если победа будет на стороне графа? — еле слышно прошептал Уильям.

— Вот поэтому и надо придумать уважительную причину для отмены. Такую, которая не вызовет подозрений. Если дадим спектакль, то в Тауэр отправит королева. Если не дадим, покажем, что были на ее стороне. В случае победы графа, — голос Джеймса был еле слышен, — шансов попасть в Тауэр гораздо меньше. В честь победителя мы тут же поставим новую пьесу. Ты же напишешь что-нибудь в таком случае, а, Уильям?

— Напишу, — Уильям кивнул, понимая, что опять вляпался в политические игры, так сильно отвлекавшие его от мыслей об Элизабет. Тут он вспомнил, что его возлюбленная находится еще в более худшем положении, чем он, будучи женой одного из сторонников Эссекса...

* * *

Теперь дворец ей казался тюрьмой. Он не был темным и холодным, но ей не хватало воздуха, пространства, свободы передвижения. Точно как тогда, давно, в Тауэре. Вокруг сплошные враги, люди, которые хотят одного — убрать тебя с дороги. Один неверный шаг, неверное решение, неверное слово — и они как коршуны слетятся, чтобы клевать и дожидаться крика о пощаде.

Когда Эссекс уезжал в Ирландию, Элизавете хотелось, чтобы он вернулся героем. Она завидовала его популярности в народе, но в глубине души она желала его победы. Слишком часто Элизавета в нем разочаровывалась, слишком горькой была эта привязанность. Когда-то их познакомил сам Дадли. И, видимо, поэтому Эссекс был ей так дорог — как память о мужчине, которого она так любила.

Эссекс был другим. И с этим следовало смириться. Королева ему не доверяла. Приехав ни с чем из Ирландии, он начал подтверждать ее худшие предположения. Он чувствовал, что Элизавета начинает всерьез сердиться на него, и опасался ареста.

Неожиданно в дверь ее спальни постучали. На пороге комнаты стоял Эссекс.

— Не ожидала, что вы вот так возьмете и явитесь ко мне после всего того, что произошло, — она усмехнулась, — набрался смелости?

— Простите, Ваше Величество, что не удалось вернуться с победой. Я сделал все, что мог, — оправдываться перед стареющей королевой ему было противно, но другого выхода не было.

— Мы вам выделили на этот поход большие деньги. Они потрачены зря, — отрезала Элизавета. Ее бескровные губы, казалось, превратились в одну тонкую полоску.

— Я все понимаю и прошу простить, — Эссекс склонил голову, — чем я могу искупить свою непростительную вину?

— Вина, вы правы, непростительная. Как же ее можно искупить? Не думаю, что у вас остались еще для этого возможности. Идите. Когда я сочту нужным, вызову вас к себе. А пока я не хотела бы вас видеть при дворе, — ответила Елизавета жестко.

С годами ее голос стал тише, но слышно было каждое слово, произнесенное королевой. Она говорила веско и внятно. У собеседника никогда не оставалось иллюзий, что Елизавета имеет в виду именно то, что произносит. Эссекс тоже понял — дальнейший разговор бесполезен. Королева не готова его простить. Он окончательно потерял ее доверие. А раз так, то следует тщательно подумать о том, что делать.

Эссекс развернулся и вышел из комнаты. Звук его шагов эхом раздавался в коридорах дворца. Он шел уверенной походкой человека, не терзаемого сомнениями. Но в душе у него все клокотало от ярости и бессилия. «Поднимать бунт? Почему и нет, — думал он со злостью, — старая кокетка выжила из ума. Противников сейчас у нее более чем достаточно. Моя популярность в народе высока. А ее считают озабоченной своей внешностью, помешанной на комплиментах фаворитов старухой».

Граф вышел из дворца. Все, кого он встречал на своем пути, в лучшем случае сдержанно кивали.

— Подхалимы в курсе дела, — пробормотал он, садясь на коня, — боятся показать свое ко мне отношение. Ни чего, мы еще увидим, кто сильнее.

Он поскакал к своему дому в Лондоне. За ним в некотором удалении, не скрываясь, ехали два всадника.

«Отправила следить за мной. Или арестовывать. — Эссекс подъехал к дому и велел запереть все двери. — Так просто я ей в руки не дамся, — подумал он и велел слуге найти и привести к нему Саутгемптона».

— Начинает собирать сторонников, — доложили Елизавете в тот же вечер.

— Пусть себе собирает, — она скривила рот в усмешке, — продолжайте следить за его домом.

Конечно, он рассчитывал, что их будет больше. Но отступить было некуда.

— Генри, ты со мной? — Эссекс видел, что его друг сомневается и не уверен в правильности совершаемых действий. Но отказать значило бы упасть в собственных глазах.

— Да, я с тобой, — проговорил он, — что нас ждет в случае провала, ты себе представляешь?

— Провала не будет, — Эссекс старался уверить самого себя в успехе, — мы поднимем Лондон против королевы. Слишком многие тут недовольны ее правлением. Да и сколько можно сидеть на троне. Пора освободить место. У нее нет ни мужа, ни детей, которые бы претендовали на власть.

— Ходят слухи, что у них с Робертом Дадли был сын, — Генри задумался, — если он начнет претендовать на престол, это будет большим сюрпризом для многих.

— И где этот сын? Откуда он вдруг возьмется? Если его не было до сих пор, значит, все это пустые разговоры. С этой стороны нам ничего не грозит.

— Якобы сын в Испании. Испанский король с его помощью готовит заговор против Елизаветы. Французы тоже видели сына королевы на корабле, следовавшем в сторону Испании. До сих пор он в тени именно потому, что выступить рано. Все ждут, что очень скоро королева уйдет в мир иной сама, без посторонней помощи.

— Не следует ли ей все-таки помочь, — сказал Эссекс резко, — сколько можно ждать? Настроения народа нам играют на руку. Этим нужно воспользоваться.

— Хорошо, какие наши действия? — Генри понял, что переубедить графа не удастся.

— Ты должен мне помочь собрать людей. За моим домом следят. Фактически я под домашним арестом. Вряд ли Елизавета начнет сейчас предпринимать что-то против меня, но и я не могу толком передвигаться по городу. Организуй тех, кто меня поддерживает. Пусть подбивают горожан на бунт. Когда мы начнем наши действия, жители Лондона должны нас поддержать. На всякий случай я уже отправил письмо Якову.

— Шотландскому королю?

— Да. Жду от него ответ. Если он нас поддержит, я готов отдать ему английскую корону.

— В ином случае ты претендуешь на нее сам?

— У меня есть доказательства кровной связи с королевской семьей. Почему нет?

На следующий день королева вызвала Эссекса на заседание совета с отчетом о его походе в Ирландию. Совет должен был состояться в Тауэре.

— Отличное место! — воскликнул граф. — Я сам, по собственной воле приду в тюрьму. Наивная Елизавета! Годы берут свое. Неужели она и вправду думает, что я там появлюсь?

Он отправил записку Саутгемптону. По их договоренности сигналом к началу вступления должен был быть спектакль «Ричард Второй» в театре «Глобус». Генри рассчитывал, что Шекспир ему не откажет. И пьеса, когда-то снятая с афиши цензурой, выйдет без купюр в день начала бунта.

Низвержение королевы казалось Эссексу делом времени. Счет шел на часы.

— Граф заперся дома и не выходит, — доложили королеве, — видимо, он не собирается идти на заседание совета в Тауэр.

— Что остальные?

— Граф Саутгемптон и другие сторонники Эссекса подбивают народ на бунт. Они рассеялись по городу, собирая своих последователей. Перехвачено письмо Якову в Шотландию. В нем Эссекс предлагает выступить против вас в обмен на английский трон.

— Прекрасно! — воскликнула королева.

— Велите ворваться в дом и арестовать графа?

— Рано, — холодно произнесла Елизавета, — пока еще рано. Завтра с утра отправьте глашатаев по городу. Пусть зачитывают мой указ — Эссекс объявляется изменником королевы.

— Почему сегодня не играли спектакль, — Эссекс нахмурился, — завтра мы выступаем. Сегодня днем актеры должны были давать представление.

— Сказали, что утерян текст пьесы, — объяснил Саутгемптон, — они его уже нашли, но теперь спектакль переносится на завтра.

— Твой ведь друг ее написал? Шекспир? Почему тогда он не смог дать актерам текст?

— Уильяма я не обнаружил дома. Наверное, уехал в Стрэтфорд. Но, думаю, ничего страшного не произойдет, если они сыграют завтра. Мы можем выступить чуть позже, чем планировали.

— Нет, — Эссекс был настроен решительно, — откладывать выступление опасно. Пусть все идет, как

запланировано. Я не уверен, что стоит оповещать наших сторонников о том, что мы переносим встречу. Те, кого мы не сможем предупредить, придут к моему дому завтра с утра, и все станет слишком очевидным. За домом постоянно следят.

— Ну что ж, — кивнул Генри, — значит, в десять мы все будем здесь.

— Да. При таком скоплении моих людей они не посмеют меня арестовать. Пойдем в сторону Сити. Будем призывать народ к свержению королевы.

— Ты уверен в победе? — Генри снедали сомнения. Он думал о своей жене и двух дочерях, понимая, что в случае провала ему грозит то же, что и Эссексу: заключение в Тауэр и казнь.

— Я знаю, ты поддерживаешь меня лишь потому, что являешься моим другом, — печально заключил граф, — но у нас нет другого пути. Отношения с Елизаветой разорваны и не могут быть прежними.

— Ты мог бы пасть к ее ногам и молить о прощении, — Генри понимал, что его совет не примут, но совершил последнюю бесполезную попытку убедить графа помириться с королевой.

— Больше я перед ней унижаться не буду. У меня закончились комплименты в ее адрес, — на лице Эссекса появилась жесткая улыбка, — наконец-то я скажу все, что накопилось за эти годы. Всю правду о ее лице, характере, привычках, о том, как на самом деле ненавидят ее все вокруг.

— Ты так бился за ее расположение. Даже дрался на дуэли. Ты хочешь сказать, что делал все это неискренне?

— Сейчас это уже не важно, Генри. Не мучай меня своими расспросами. Путь назад отрезан. Если мы не выступим завтра, то все равно будем сидеть в Тауэре. Если выступим, то либо победим, либо будем сидеть в тюрьме героями.

На следующий день несколько сотен человек собралось у дома Эссекса. Он вышел во двор и повел за собой своих сторонников. Они шли по улицам Лондона, вынув шпаги и выкрикивая призывы присоединиться к ним.

Лондон был пуст. Непривычно тихие улицы встречали мятежников запертыми лавками, закрытыми дверями домов и темными окнами. Казалось, исчезли даже бездомные и попрошайки, вечно сидевшие на грязных тротуарах; торговцы, никогда не терявшие возможность получить свою прибыль; не сведущие в политике путешественники; собаки, постоянно снующие под ногами.

Они шли, размахивая шпагами, их шаги тревожным эхом разносились по городу, убеждая даже тех, кто сомневался, оставаться дома. Саутгемптон с ужасом стал замечать, что постепенно их ряды начали редеть: увидев, что происходит, некоторые потихоньку отходили в сторону, чтобы как можно более незаметно вернуться домой. Его худшие опасения оправдывались на глазах: конечно, Елизавета была готова к бунту, она все знала о готовящемся заговоре и сумела их опередить. То, что она до последнего момента не предпринимала никаких действий, не должно было их расслаблять. Эссекса не насторожило даже отсутствие ответа от Якова. Он выступил один на свой страх и риск.

— Нужно возвращаться, — еле слышно проговорил Генри, подходя к Эссексу, — наш план провалился.

— Я вижу, — глаза графа горели нездоровым огнем, — эти трусы сидят по домам и не думают выходить нам на помощь.

Обратно вернулась небольшая группа людей, человек десять, не больше. Саутгемптону было обидно смотреть, как быстро все отреклось от графа. Впрочем, этого следовало ожидать.

Дома Эссекс тут же начал жечь все свои бумаги, надеясь вовремя уничтожить улики, которые могли

бы доказать факт его измены. Генри спокойно сидел в кресле, ожидая своей участи: отсутствие бумаг теперь их спасти не могло. За окнами послышался шум. Генри встал посмотреть, что происходит: двор заполнялся королевскими войсками.

— Это конец, Роберт, — произнес он.

Эссекс его не слышал. Казалось, он уже не слышал ничего вокруг. Плохо подготовленный заговор провалился с треском. Саутгемптон жалел лишь об одном: он так и не успел проститься с Элизабет.

В Тауэре они провели десять дней. Эссекс сразу признался в измене королеве, даже не пытаясь скрывать свои намерения. Те десять дней понадобились Елизавете, чтобы решиться на казнь.

— Вот что я имею к концу своего правления, — говорила она себе, зажав в руке последнее письмо Дадли, — ты никогда не был способен на такое предательство. Хотя, кто знает, — Елизавета вздохнула, — мужчина может любить женщину, но он всегда будет отстаивать свои интересы. Если они совпадают с интересами женщины, хорошо. Если нет, то он пойдет против нее. Только женщина способна ради любви к мужчине идти на большие жертвы. Наверное, Господь потому и посадил меня на трон править Англией, что знал: я такие жертвы приносить не буду. Я всегда была предана только своей стране и своему народу. Вот почему они и платят мне взаимностью.

Елизавета прошла по комнате, с каждым шагом убеждаясь в правильности своего решения: изменников необходимо казнить. Как бы ни дорог ей был Эссекс, с которым перед самой смертью познакомил ее граф Лейстер, слишком велико было его предательство. Второй фаворит, граф Саутгемптон, пойдет вместе с ним. Пусть их смерть послужит остальным назиданием: с королевой так поступать нельзя.

Возле Тауэра собралось много народу. Посмотреть на казнь бывших фаворитов королевы пришли и их бывшие противники, и бывшие друзья. Они смотрели на эшафот с ужасом и облегчением одновременно: ведь подобная участь могла ожидать любого из них.

Из темницы вывели Эссекса. Он с трудом переставлял ноги, хоть и старался гордо держать голову. Все знали, что признание вовсе не отменяло пыток. Граф и сам прекрасно понимал это, отправив в свое время на казнь немало виновных и совершенно безвинных людей. Вскоре на площади появился и граф Саутгемптон. В толпе он тщетно пытался разглядеть Элизабет...

Начали громко зачитывать приговор. В конце было объявлено о том, что королева решила помиловать Саутгемптона, заменив казнь на пожизненное заключение в Тауэре. Среди толпы послышались вздохи облегчения: народ любил свою королеву, и лишнее подтверждение ее доброты и снисходительности им пришлось по душе.

Эссекс бросил последний взгляд на своего друга. «И все-таки Генри повезло», — мелькнуло в его голове. Через мгновение она покатилась по дощатому настилу. Сам Генри не успел даже осознать, что его голова осталась на плечах. Он с ужасом смотрел на тело обезглавленного друга, застыв в печальной скорби, вспоминая годы, проведенные вместе. Он еще не знал, что судьба будет к нему еще более благосклонна, чем это виделось сейчас...

Глава 7

Век расшатался. 1603 год

Они продолжали видеться с Элизабет, но что-то незаметно постепенно исчезло из их отношений. Может, причиной было то, что Генри сидел в Тауэре без всякой надежды оттуда выйти, может, притупились чувства, которые еще несколько лет назад так притягивали их друг к другу.

Но Уильям не мог представить себе теперь жизнь без этих редких свиданий. Только они и заставляли его оставаться в Лондоне. Ему все чаще хотелось вернуться в Стрэтфорд, посидеть дома, просто глядя в окно на сад. Его не раздражало больше мирное течение событий, безыскусность каждого прожитого дня. Писать становилось все труднее.

После исчезновения рукописи сонетов он каждый раз, приезжая в Стрэтфорд, проверял свой сундук — на месте ли первый экземпляр.

— Всплывет в итоге, — был уверен Филд, — тот экземпляр, который напечатали и который исчез после обыска, кто-нибудь снова издаст. Он не мог просто исчезнуть.

— Вот это меня и беспокоит, — Уильям время от времени возвращался мыслями к потерянным бумагам. — Кто издаст? Когда? Мы ничего даже теперь предположить не можем.

— Кто бы ни был твой таинственный соавтор, ты всегда можешь объяснить ему, что произошло. Твоей вины в этом нет.

— Объяснить не смогу, и в этом дело. Поэтому и чувствую ответственность.

Разговоры возникали периодически за ужином или обедом, когда изредка Уильям бывал у Ричарда в гостях. Они не могли не возвращаться к этой теме. Нераскрытая тайна оставалась нераскрытой.

А в Лондоне только и разговоров было о болезни королевы.

— Интересно, что изменится, когда придет новый король? — как-то спросил у Уильяма Джеймс.

— А ты считаешь что-то должно измениться? — пожал плечами Уильям. — Мы так долго жили при Елизавете, что невозможно себе представить, как может быть по-другому. Я родился, а она уже несколько лет сидела на троне!

— Вот именно. Обязательно произойдут изменения. И они могут коснуться театра.

— Не думаю, — безразлично покачал головой Уильям.

— Да все, о чем ты думаешь, — это Элизабет и утерянный экземпляр рукописи. Больше тебя ничего в этой жизни не волнует. Хотя я и разговариваю с автором исторических пьес, которые с таким успехом идут на сцене, такое впечатление, что мой собеседник вообще не в курсе происходящего. Мы с тобой столько ездили по стране с гастрольями. Ты обращаешь внимание на нищих, бродяг, снующих по дорогам Англии?

— Обращаю. Для этого и из Лондона не обязательно выезжать. Их и тут полно.

— Вот именно. Поэтому масса людей недовольна правлением королевы. — Джеймс оглянулся.

Они сидели в трактире, и говорить о таких вещах следовало аккуратнее. Было известно, что после провалившегося заговора Эссекса королевских шпионов стало во много раз больше, чем раньше. Они подслушивали и подсматривали. Любые подозрительные разговоры вели прямой дорожкой в Тауэр. Зловещая башня навсегда оставалась страшным призраком для любого, кто хоть раз ее видел.

— Говорят, — продолжил Джеймс, понизив голос, — сама Елизавета, путешествуя по Англии, была неприятно удивлена количеством бедноты, которую встречала по дороге.

— Но какое отношение все это имеет к театру? Всегда существовала цензура и будет существовать. Мы к этому привыкли. Из моих пьес порой вырезали целые куски. Вспомни «Ричарда Второго». Что еще для нас может измениться?

— Посмотрим. Например, решат вообще театры закрыть.

— И, слава богу. Вернусь в Стрэтфорд.

— Ты, между прочим, получаешь немаленькую прибыль от театральных представлений, — напомнил ему Джеймс, — тебе совсем невыгодно, чтобы театр закрывался.

— Дома отец вложил деньги в земли. Я теперь имею и другой стабильный доход. Проживу как-нибудь.

— Эх, не нравится мне твое настроение! Нельзя так зависеть от женщины, — Джеймс вздохнул, — ты же знаешь, что твоя связь с Элизабет рано или поздно закончится.

— Вот поэтому у меня и такое настроение. Тем более она все время говорит о том, как виновата перед мужем, встречаясь со мной. То есть, когда он не сидел в Тауэре, ее вина не была так велика. А сейчас, когда он там, она стала гораздо больше.

— Элизабет отчасти права. Она развлекается в то время, когда он страдает. Уильям, ты устраиваешь себе пьесу в жизни. На самом деле все проще. Не надо усложнять то, что таким сложным не является. Это не спектакль.

— Ошибаешься, спектакль был раньше. Игра закончилась. Когда Генри мне говорил, что выиграет тот, кого выберет Элизабет, тогда мы играли. А она спокойно порхала от одного к другому. В итоге никто из нас не выиграл.

— Звучит банально, но никто и не проиграл. Ваша дуэль не закончилась. Она лишь отложена на время.

Иногда он не выдерживал и начинал такой же разговор с самой Элизабет.

— Ты любишь Генри? — спрашивал Уильям.

— Зачем тебе знать? — вопросом на вопрос отвечала она. — Я ведь с тобой. Разве тебе этого мало?

— Мало, — кивал он и прижимал Элизабет к себе еще сильнее.

О болезни королевы все же Уильям не мог не думать. Несмотря на свои безразличные ответы Джеймсу по этому поводу, он вспоминал Елизавету часто. Ему было искренне жаль, что она умирает, будто в тот единственный раз, когда они виделись, их успели связать невидимые узы. Ее стихи он давно запомнил наизусть. Он словно сроднился с ними и искренне переживал за их судьбу.

Уильям понимал, что, когда королева умрет, он сможет спокойно напечатать сонеты. Но ему не хотелось этого делать. Почему-то и его и ее стихи теперь слились воедино. Она не хотела, чтобы о ее любви слышали все вокруг, и ему не хотелось того же. Уильям не мог даже представить, что когда-то читал эти сонеты вслух другим людям, такими личными они теперь ему казались.

Долгими одинокими вечерами он сидел в своей комнате и ждал. Ждал ее стука в дверь, быстрых шагов по лестнице. Предсказать момент появления Элизабет в его доме было невозможно. Поэтому

Уильям бежал домой из театра, каждый день, ожидая, что увидит на столе записку или саму Элизабет. Разочарование бывало особенно велико, когда, указав в письме, что придет, она в итоге не приходила.

— Ты же понимаешь, — объясняла Элизабет потом, — у меня двое детей и жизнь, которую я не могу полностью подчинить своим интересам. За мной следят, каждый шаг под наблюдением сотен глаз. Я очень рискую, приходя к тебе. Иногда думаю, что смогу прийти, а после понимаю, что из дома сегодня не выйти.

Уильям слушал ее, и слова пролетали мимо, ничего не означая, не успокаивая, не принося необходимого спокойствия его душе. Порой она приходила, и тут же после свидания ему становилось еще хуже, чем до него. Вместо радости он испытывал боль и грусть, не имея никаких сил сдвинуться с места, не имея желания писать, общаться с друзьями, гулять по городу.

Но однажды он все-таки пошел бродить по улицам бездумно и бесцельно, пытаясь выбить шагами из души тревогу и постоянные мысли об Элизабет. Недалеко от аббатства Уильям увидел художника, разложившего вокруг свои картины. Уильям остановился. Что-то заставляло смотреть на изображенные лица. Они не были красивы и утонченны, но в их облике была та самая, столь знакомая ему боль. Их лица не озаряли улыбки, глаза оставались печальными. Весь облик этих людей был овеян одиночеством, несмотря на явное присутствие рисовавшего их человека.

— Как вы это делаете? — спросил Уильям художника, показывая на картины.

Тот пожал плечами и проговорил усталым голосом много повидавшего человека:

— Я вижу в людях то, чего они порой и сами в себе не видят. Им не всегда нравятся их портреты, поверьте. Кто ж хочет смотреть себе в душу?

— А если наоборот? Если я хочу перестать смотреть себе в душу?

— Тогда начните смотреть в чужие. Как я. В такие моменты забываешь про свою.

Уильям присел рядом с художником:

— Раньше мне было интересно смотреть в чужие души. Я писатель. Точнее, драматург. Но наступило время, когда для меня это перестало быть интересным. Другие люди превратились в актеров, играющих свои роли. Ничего нового. Постоянный повтор одних и тех же сюжетов.

— Ваша жизнь разве разнообразнее? — уточнил художник. — Боюсь, что нет. Вам лишь кажется, что вы наполнены эмоциями и чувствами, которых другим не понять. На деле вы так же примитивно устроены, как и все остальные. Извините.

— Ничего. Быть может, вы правы. Я слишком много думаю о себе. Но это не значит, что моя жизнь интереснее.

— Искусство всегда гораздо более многообразно, чем жизнь конкретного человека. Если вы возьметесь описать то, что с вами происходит в пьесе, кому это будет интересно? Спектакль провалится. Если я буду рисовать самого себя, то, сколько портретов заинтересует окружающих? От силы один-единственный. Если композитор будет писать музыку, которая звучит в его душе, то сколько он напишет опер? Если актер будет изображать на сцене то, что он на самом деле чувствует, то сколько ролей он сможет сыграть? Нет, искусство предлагает нам гораздо больше возможностей, гораздо больше вариантов развития событий, чем мы можем пережить.

— То есть забыть о себе, о том, что мне лично хочется сейчас сказать?

— Да, именно так. Искусство более масштабно. Ваш маленький мир занимает лишь ничтожную часть того, что может выразить художник. Если поэт будет писать для одной женщины, много ли стихотворений он напишет?

— Около тридцати, — честно ответил Уильям.

— Для всей жизни маловато. Чтобы написать больше, надо писать о вымышленных женщинах, о тех, которых не любил, но которые пригрезились в воображении. Описывать надо идеал.

— Женщина, которую я люблю, идеальна.

— Так не бывает. Реальная женщина никогда не может быть идеальна. Вы любите образ, созданный вашим воображением. Так создайте другие образы. Пусть их будет много. И в этой одной возлюбленной старайтесь видеть все, что рождает фантазия.

— Спасибо, — Уильям встал и еще раз посмотрел на портреты, — у вас их покупают?

— Не очень. Людям нравится смотреть на счастливые лица.

— Я куплю вот этот портрет, — Уильям полез в кошель за деньгами, — красивая, необычная женщина и кого-то мне напоминает.

— Это королева Елизавета в двадцать пять лет. Год ее восшествия на престол. Мне тогда было двадцать, и я видел, как она ехала к Тауэру через весь город. На ее лице отражались и страх, и гордость, и ум, и смятение. А еще она была влюблена. Такое необычное сочетание.

— Говорят, она очень больна, — произнес Уильям, забирая картину.

— На ней закончится целая эпоха. Эпоха театров, фейерверков, нищеты, провалившихся заговоров, мореплавания и военных побед. Неплохое было время, не так ли?

Уильям кивнул и задумчиво посмотрел на рыжеволосую красавицу с печальным взглядом. «Именно тогда она и писала свои стихи», — подумал он и, поблагодарив художника, отправился домой...

* * *

Елизавета лежала в своей спальне и смотрела на потолок. Встать с кровати она не могла почти месяц. С каждым днем ей становилось все труднее говорить. Перед глазами мелькали сцены из прожитой жизни: те, кого она любила, ненавидела, кого отправляла на эшафот, в тюрьму или, наоборот, приближала к себе, разочаровывалась.

Заходившие к ней в спальню интересовались только одним: кого она хочет назначить своим преемником на троне. А ей было все равно. Впервые за все время своего правления Елизавете было все равно, что станет с ее страной.

Она не ощущала себя старой. Напротив, ее разум противился мыслям о смерти. Ее разум восставал против того, что происходило с телом, которое все меньше ему подчинялось. Елизавете хотелось встать, подойти к зеркалу и увидеть копну волос, не тронутых болезнями и сединой, тонкий овал лица, чудную, белоснежную кожу, не тронутую оспой. Хотелось выйти из спальни в красивом, ярком платье, с надетыми украшениями. Хотелось гордо пройти мимо своих многочисленных фаворитов и услышать от них слова восхищения.

Те, кто приходил к ней в спальню, больше не рассыпались в комплиментах в ее адрес. Им было понятно: она умирает. Зачем растрчивать силы зря. Они пригодятся для следующего за королевой короля.

«Кого выберут? Кому предложат трон?» — иногда она задумывалась над выбором, который стоял перед ее подданными. Елизавета никогда не высказывала на этот счет своего мнения. Принципиально. Пока она жива, на этот трон никто не может претендовать. А они советовались, шептались, обсуждали:

— Королева бездетна.

— Королева бездетна?

— У нее нет мужа, который мог бы занять трон после ее смерти...

Эхом эти слова раздавались в ее голове. Они перечисляли ближайших родственников королевы, которые могли бы править Англией. Выбор и тут был невелик. И все пути, в конце концов вели к Якову, королю Шотландии. К нему уже обращался в свое время Эссекс. Письмо с просьбой о поддержке не дошло до адресата, но теперь ситуация изменилась. Никто не говорит о перевороте. Речь идет всего лишь о преемственности власти. «Королева умирает, да здравствует новый король!»

Что больше всего нравилось в Якове? Его мягкотелость. Тем, кто оставался при дворе после правления Елизаветы, хотелось, наконец, почувствовать власть в своих руках. Яков будет благодарен за то, что его посадили править Англией, и будет делать все, что ему скажут.

Оставалось заручиться согласием королевы. Все-таки она должна была одобрить сделанный ее подданными выбор. Они в очередной раз пришли к ней в спальню и столпились вокруг. Елизавета лежала, прикрыв глаза. Она четко понимала, что к ней пришли, но у нее не было желания заниматься делами. Государственный секретарь склонился к самому ее уху и спросил:

— Ваше Величество, нам бы хотелось все-таки знать, кого вы назначаете своим преемником?

Елизавета, как обычно, промолчала.

— Подайте нам знак, если не можете говорить, — секретарь оглянулся в поисках поддержки, — мы вам назовем имя человека, которого бы народ хотел видеть на английском престоле. Подайте знак, — настойчиво повторил он.

Елизавета приоткрыла глаза, и все восприняли это как знак согласия.

— Шотландский король Яков, — произнес секретарь.

— Сын Марии Стюарт, — еле слышно произнесла королева, — никогда.

Ее шепот услышали только два человека: государственный секретарь лорд Берли и хранитель печати граф Каннингтон. Они переглянулись.

— Дайте нам знак, — секретарь сделал вид, что не расслышал, что она сказала.

Остальные видели, как губы королевы что-то шепчут, но решили, что расслышать слова невозможно. Елизавета снова прикрыла глаза. «Им не удастся из меня вытянуть ни слова», — подумала она.

— Знак, — потребовал хранитель. Он понял, что слишком настойчив, и замолчал.

— Яков, король Шотландии, — повторил секретарь.

Им всем хотелось, чтобы эта тягостная процедура закончилась поскорее. Более всего этого хотелось самой королеве. «Они от меня ничего не добьются», — думала она, но воспроизвести что-то громко и четко не могла. От бессилия становилось еще противнее на душе. Елизавета с трудом пыталась найти выход из создавшейся ситуации. Ей хотелось показать всем им, что королевой будет она и только она, что никто не заменит ее на троне. Замены нет. Настоящей и единственной королевой Англии всегда останется Елизавета.

«Я выздоровею, и они поймут, как сильно ошиблись, предлагая мне отпрыска этой предательницы Стюарт. Головы тех, кто сейчас готовит этот заговор, полетят во дворе Тауэра». Елизавета снова приоткрыла глаза. Над ней склонились лица предателей. Из последних сил она вытщила из-под покрывала руки и скрестила их над своей головой в виде короны. «Я и только я буду королевой Англии — вот знак, который они так хотели, чтобы я им подала. Никто другой», — руки упали на кровать, глаза закрылись.

— Она согласна, — торжественно объявил секретарь, — все видели? Она скрестила руки над головой в виде короны.

Окружающие закивали.

— Значит, услышав имя Якова, королева показала нам, что он достоин быть королем Англии.

Она боролась, как могла. Сознание то покидало ее, то возвращалось снова. Елизавета хотела взять в руки письмо Дадли, посмотреть еще раз на его портрет, лежавший в шкатулке. Но ее больше никто не слышал, никто не спешил выполнять ее указания, потому что она не могла их произнести вслух.

Елизавета вспомнила про свои стихи: «Как жаль, что я так и не вызвала к себе того сочинителя пьес, Шекспира. Было бы интересно почитать, что он там сделал с моими сонетами».

Время медленно ползло, захватывая все больше прошлого в свои объятия и не оставляя ничего для будущего. Мысли, такие четкие когда-то, обретали вид размытой картины. Желание встать становилось нестерпимым. К ней подходили все реже. Государственные вопросы решались как-то без ее участия.

«Как же так? — мучалась она. — Я не позволяла им править страной, не советуясь. Почему они все бросили меня? Никто не несет бумаг на подпись, никто не спрашивает, чего желаю я. Оставили, бросили одну, надеясь, что я не выживу и не отомщу им за такое предательство».

В последнем усилии Елизавета подняла голову. В комнате было темно. Призраки умерших, но таких близких ей людей начали постепенно появляться возле ее постели. Она откинулась на подушки.

— Если и ты так зовешь меня, Роберт, то я не смогу не прийти, — Елизавета улыбнулась.

И если бы кто-то видел в тот момент ее улыбку, то, несомненно, удивился бы. Потому что это была улыбка молодой женщины, полной сил и энергии, у которой вся жизнь еще впереди. А главное, она была влюблена...

— В ее шкатулке нет ничего интересного. Лишь портрет графа Лейстера и его письма. У Шекспира в доме тоже ничего не нашли. Сонеты, пьесы. Не более.

— Доказательства того, что Артур Дадли — сын королевы и графа?

— Их нет.

— Кто претендует на трон?

— Яков. Король Шотландии.

— Она одобрила этот выбор?

— Да, когда ее спросили, показала руками корону над головой.

— Я всю жизнь слежу за ней, всю жизнь потратил на то, чтобы выяснить, был ли у нее ребенок и что там у нее такое таинственное лежало в спальне в шкатулке. И чем все это заканчивается? Ты хочешь сказать мне, что искали мы напрасно? Нам давно уже не оплачивают наши услуги. Я доставал деньги из собственного кармана, потому что был уверен: мы найдем, мы сможем разоблачить эту рыжеволосую потаскушку, которая только и твердит о своей невинности.

— Вроде все так выходило, есть что искать, — промямлил не очень уверенно голос.

— Я и сейчас в этом уверен. Искали плохо. Она умирает. Смысла продолжать здесь находиться нет. Следить больше не за кем.

— Придет новый король. Мы попытаемся работать против него.

— Зачем? В чем смысл? — старческий голос дрожал. Но вместо того, чтобы выражать гнев, пробуждал жалость, — править Англией будет сын Марии Стюарт, женщины, которую казнила нынешняя королева! Следить за Яковом? Смешно. Никчемный, слабый человек. Елизавета была не такой.

— Мы же просто работаем против Англии на благо французской короны. Разве не так?

— Не так. Лично мне была интересна именно Елизавета. Ты знаешь, когда мы познакомились?

— Нет. Когда вы впервые приехали в Англию?

— Я увидел ее несчастной девочкой, рыдавшей над телом казненной матери. Я думал спасти Елизавету и предложил бежать со мной во Францию. Тогда я мог гораздо больше, чем сейчас. Находясь под покровительством французского короля, Елизавета могла бы не опасаться более за свою жизнь.

— Она отказалась?

— Да. Уже тогда она была влюблена в этого самовлюбленного щеголя, Роберта Дадли. Когда Елизавета вступила на престол, я попытался еще раз сделать ей предложение. Мне казалось, она поняла, с кем имеет дело. Поняла, что только я на самом деле люблю ее. Вовсе не Дадли, который дважды был женат и только делал вид, что любит ее. Ему нужны были деньги и власть. Сначала я хотел это доказать Елизавете. Позже понял, что она слишком далеко зашла в их отношениях. О, если бы я нашел таинственного сына или другие доказательства ее порочности, ее вечной лжи о своей невинности и преданности Англии!

В два часа утра Елизавета умерла. Ему об этом доложили в девять. В тот же день сердце самого давнего представителя французского короля при английском дворе остановилось. Он так и не раскрыл тайну, которая мучила его на протяжении без малого сорока пяти лет...

* * *

Все уповали на то, что новый король если и не сделает жизнь лучше, то и не изменит в худшую сторону то, что всех и так устраивало. Красивая история про то, как королева показала жестами свое согласие на возведение на престол Якова, передавалась из города в город, из деревни в деревню. Все еще помнили, что он не стал выступать против Англии, когда Елизавета казнила его мать. Он с самого начала желал видеть в Англии союзника, а не врага. Обладая довольно-таки слабым характером, Яков пересидел на троне многих. Наградой за терпение стал английский трон.

Известие о смерти Елизаветы застало его за завтраком — прибыл запыхавшийся гонец из Лондона.

— Вас просят быть в столице, Ваше Величество. Елизавета скончалась.

Яков вздохнул, но как-то не очень печально. Он встал, прошелся по комнате и велел собираться в путь. Стать одновременно королем двух государств? Мирно, не завоевывая ни одной мили? «Елизавета преподнесла мне чудесный подарок, — подумал шотландский король, — о большем и мечтать не приходилось». Он еще раз воздал должное своему уму и прозорливости: ведь письмо от Эссекса, призывавшего Якова поддержать заговор в обмен на трон, дошло в свое время до короля. Эссекс, зная, что его письма могут перехватить, отправил Якову два послания, одно из которых дошло до адресата.

«Надо будет освободить всех причастных к тому бунту. Благодарность нового короля должна начаться с освобождения из Тауэра заговорщиков и казни тех, кто был против», — с этими мыслями Яков и отправлялся в Англию, пообещав напоследок навещать родное шотландское королевство не реже, чем раз в три года.

В Лондон он въехал без особой помпы — в город до него успела в очередной раз войти чума. Массовое празднование и коронацию решено было перенести на более поздний срок. Месяц Яков пробыл в столице, но ситуация не улучшалась. Заболевших становилось все больше. Театры постепенно закрывались. Люди уходили из города.

Граф Пембрук, дальний родственник Якова, пригласил новоиспеченного короля в свой замок переждать чуму. В свое время Уильям Герберт граф Пембрук дружил с Саутгемптоном. Узнав, что Яков собирается выпустить Генри на свободу, Пембрук посчитал своим долгом разместить короля в своем доме.

Развлекать Якова собирались так же, как и при Елизавете. Тем более что он также являлся любителем искусства, сочинял стихи и обожал театр. Пембрук велел разыскать труппы лондонских театров, пустившихся странствовать на время свирепствовавшей в Лондоне чумы по Англии, и пригласить их к себе в замок.

— Я слышал, Елизавета любила театр, — проговорил Яков в ответ на предложение посмотреть спектакли.

— Да, весьма, — граф кивнул, — в Лондоне есть несколько театров, заслуживающих особого внимания, есть драматурги, чьи пьесы не сходят с афиш уже много лет.

— Театры подчинялись королеве? — уточнил Яков.

— Нет, разные люди покровительствуют труппам. В свое время собственная труппа, например, была у графа Лейстера. После его смерти она перешла в другие руки. А кто-то говорил, что и вовсе закрылась, расколовшись на несколько мелких театральных групп.

— Такой порядок вещей следует поменять, — веско произнес король, — все театры должны принадлежать королю.

— Вы правы, Ваше Величество, — ответил граф, склонив голову, — так было бы, несомненно, лучше.

— Конечно, при этом часть театров придется закрыть. Но останутся лучшие, для которых единственным указом будет являться указ короля.

— Это необходимые изменения. Они придутся всем по душе, — граф не совсем был согласен с собственным утверждением, но спорить с Яковым, естественно, не стал.

— Мы подпишем соответствующий закон, вернувшись в Лондон. А пока хотелось бы посмотреть, что предлагают театры, воспользовавшись вашим гостеприимством, граф. Пусть приезжают и дают спектакли. Мы ознакомимся и уже сейчас постараемся принять решение о том, кому какое звание присвоить.

— Конечно, Ваше Величество, — граф Пембрук подумал о переменах, которые неминуемо коснутся театральной жизни Лондона. «Будут ли они к лучшему, — подумал он, — неизвестно. Но у некоторых появилась возможность предстать перед королем прежде, чем он примет какое-то решение».

Путешествовавшие по Англии театральные труппы, услышав о пребывании в замке Пембрук самого короля, спешили предстать перед ним со своими лучшими спектаклями. Они не догадывались о принятых им решениях, но в любом случае понимали, что их судьба находится в руках нового короля. И многое будет зависеть от того, насколько они смогут ему понравиться. Наступала новая эпоха. Старый век свое отжил. Новый, пусть и менее блестящий, вступал в свои права.

* * *

— Вот так! Опять чума нас гонит из столицы, — весело объявил Бербридж своим товарищам.

— Чему ты радуешься? — спросил Уильям. — Опять будем скитаться по стране с гастроями. Я бы

лучше остался здесь.

— Даже новый король уехал, не назначив коронацию. Что говорить о нас, смертных. А радуюсь я потому, что боюсь перемен. Перемены тоже бегут от чумы. Так что пока нас они минуют.

— Тебе никак не приходит в голову, что все останется, как прежде? — настаивал Уильям.

— Нет, я уверен в обратном. Сорок пять лет — слишком большой срок для стабильной жизни. Пора чему-нибудь случиться. Между прочим, я бы на твоём месте об этом задумался не только из-за работы в театре.

— А ещё почему? Ты только и говоришь о нашей труппе. Что ты там ещё напридумывал?

— Король может выпустить из Тауэра некоторых заключённых, которых туда посадила Елизавета.

— Зачем это ему? — Уильяму казалось, что его будят ото сна, причем сна крепкого и наполненного сладостными образами. Он отмахивался, как мог. Но будивший не прекращал своих попыток достучаться до его сознания.

— Обычно так делают все. Кто из нас пишет исторические хроники, черт возьми? Король выпустит тех, кто выступал против его предшественника, и посадит тех, кто выступал за. Так принято.

— Угу, — Уильям кивнул, по-прежнему не желая просыпаться.

— Кто там у нас сидит в Тауэре?

— Да кто только не сидит, — буркнул Шекспир, — откуда я знаю. Тюрьма большая.

— Там сидит твой друг граф Саутгемптон. Не исключено, что он окажется на свободе.

— Зачем ты мне это говоришь? — Уильям посмотрел в глаза другу.

— Чтобы ты был готов. Ты и так страдаешь из-за Элизабет, каждый день, убегая из театра домой, чтобы сидеть и ждать её прихода. Если графа выпустят, то вряд ли она станет приходить чаще, Уил. Если вообще станет. Ты должен быть к этому готов.

— Я никогда к этому не буду готов. Хоть ты мне сто раз повтори, что Генри выпустят, — Уильям нахмурился. Его все-таки разбудили. Сладкий сон развеялся как туман. Просыпаться не хотелось.

— Мое дело — предупредить тебя. У твоей истории не может быть хорошего конца, даже если граф останется сидеть в тюрьме до конца своих дней.

— Почему?

— Да потому, что ты женат, Уильям. Как ты не можешь этого понять? Вам не суждено быть вместе. В своё время тебе предпочли графа.

— Она не знала, чьего ребенка носит под сердцем, — оборонялся Уильям.

— И это причина? А, — Джеймс махнул рукой, — поверь, женщина всегда знает, от кого у неё ребенок. Только выбор она сделала не в твою пользу. И сейчас сделает такой же. Элизабет бросится в объятия, настрадавшегося в тюрьме мужа, и ваша история закончится.

— Наша история не закончится никогда. И не надейся. Такие истории не заканчиваются. Они печальны и заставляют сильнее биться сердце. Из-за них публика всегда будет проливать слезы. Но конца у них нет. Даже расставшись, мы будем любить друг друга и помнить о том, что между нами было. Я буду помнить тот портрет, на котором впервые увидел её изображение. Она будет помнить сонеты, которые я ей читал в день нашей встречи. Мы будем помнить свидания урывками, записки, которые писали второпях. История не закончится, пока мы помним.

— Ну что ж, Уильям, дело твое, — Джеймс вздохнул, — в любви ты понимаешь, пожалуй, чуть больше, чем я. И порой я тебе завидую. В моей жизни такое случилось лишь на сцене. И то благодаря тебе...

Они толком и не успели проехать по Англии, как до них дошло известие о том, что сам король приглашает театры со спектаклями в замок графа Пембрука.

— Кто такой этот Пембрук, что у него гостит сам король? — спросил Джеймс Уильяма, не особенно надеясь на ответ.

— Он бывал у Саутгемптона когда-то. Тоже любитель искусства. Состоит в родстве с королем. Видимо, поэтому и пригласил его к себе.

— Э, да ты с ним знаком?

— Не уверен, что он меня помнит. Но да, Генри нас представлял друг другу. Графа тоже зовут Уильям, насколько я помню. Уильям Герберт граф Пембрук. Он даже хотел одно время и мне заказать поэму в свою честь.

— Не заказал?

— Тогда у нас началась вся эта история с Элизабет. Я стал реже бывать у графа Саутгемптона и практически не виделся с Пембруком.

— У тебя появился шанс с ним повидаться снова, — заметил Джеймс.

Желающих «повидаться» с графом было много. Сыграть для самого короля, воспользовавшись гостеприимством Уильяма Герберта, захотели все, кто прослышал о приглашении развлечь Якова. Спектакли шли порой ежедневно. Новый король, как и Елизавета, любил театральные представления. Он с удовольствием наблюдал за тем, что происходило на сцене. Его решение все театры взять под собственный контроль только окрепло.

Когда в замок прибыл Уильям со своей труппой, он и не надеялся, что граф его узнает.

— М-м-м, да это ж сам Уильям Шекспир! — вскричал Пембрук, увидев давнего знакомого, — Ну что ж, думаю, настала пора попросить тебя об одолжении, — граф хлопнул Уильяма по плечу, — напиши-ка что-нибудь в мою честь.

— Я давно уже не пишу поэмы и сонеты. Лишь пьесы для театра, — Шекспир кинул взгляд в сторону Джеймса, — но, конечно, постараюсь.

Граф рассмеялся.

— Постарайся. А то слишком много посвящено Саутгемптону, все еще сидящему в Тауэре. И его жене, — он усмехнулся.

Уильям вспомнил про злосчастные сонеты, и настроение окончательно испортилось. Впрочем, королю их спектакль понравился. Мысленно он отметил и автора пьесы, и название театра, и актеров.

— Эти пусть сыграют еще, — сказал он графу, — пусть побудут в замке подольше.

Так они провели в гостях у Пембрука два месяца. По прибытии в Лондон в июле на коронацию Яков подписал указ о присвоении их театру звания «слуги Его Величества короля». Что обязывало не только играть спектакли для короля, но и появляться при дворе.

Уильям помнил про обещание написать посвящение графу.

— Сделай уж ему одолжение, — просил Джеймс, — ты же понимаешь, что нам нельзя терять расположение таких людей, несмотря на то, что теперь являемся королевским театром, ни много, ни мало.

— Напишу, — пообещал Уильям, — хотя и не думаю, что это обязательно делать.

— Надо быть благодарным тому, кто оказал тебе помощь.

— Граф не особенно-то помог, — заметил Уильям.

— Он пригласил нас в замок. Если бы не он, то мы бы не предстали перед королем, не сумели бы ему понравиться, не стали бы обладателями одного из самых высоких званий среди всех театров.

— Это так важно? — Уильям покривил душой. Ему и самому было лестно такое внимание со стороны короля.

Чуть позже настроение, которое стало чуть более радужным, сменилось тревогой. Яков выполнил свое обещание — из Тауэра вышел Саутгемптон.

Ему исполнилось тридцать лет, а он чувствовал себя стариком. Тауэр никому еще не убавлял возраста, никого еще не делал моложе, счастливее и жизнерадостнее. Генри не мог забыть тот день, когда Елизавета в последний момент раздумала его казнить. Голова друга скатилась по эшафоту на глазах Саутгемптона, и он сам остался стоять на месте, не в силах поверить в милость, оказанную ему судьбой.

Позже он не раз думал о том, что, быть может, пожизненное заключение куда хуже, чем смерть. Он вспоминал Элизабет, детей, дни, прожитые в безоблачном счастье и неведении. Он провел в Тауэре всего два года. Некоторые там находились гораздо дольше. Сама Елизавета была узницей страшной башни.

Но Генри казалось, что прошло гораздо больше времени. И удача, посетившая его второй раз, не могла помочь ему забыть прошлое.

— Он изменился, — Элизабет рассказывала Уильяму о встрече с мужем, даже не пытаясь скрыть своих чувств, — я так ждала этого дня. Я думала, что мы сможем жить снова, как раньше. Но Генри стал другим. Мне нужно помочь ему начать жизнь сначала.

— Ты хочешь сказать, что мы не будем больше видеться? — Уильяма интересовал один вопрос, и он не мог думать ни о чем другом.

— Я не знаю, — Элизабет начала плакать, — мне трудно оставить тебя, но обстоятельства теперь таковы, что мне надо, наконец, сделать выбор.

— И ты его делаешь не в мою пользу. Ты выбираешь его.

— Уильям, не будь так жесток, — Элизабет провела ладонью по его лицу, — Генри — мой муж. Я не могу поступить иначе. Конечно, если у меня будет возможность, я напишу тебе. А кто знает, может, и приду. Но это будет непросто.

— Хорошо. Я все понял. Ты и тогда выбрала графа, и сейчас, — Уильям понимал, что несправедлив, но был не в силах остановиться, — я остаюсь для тебя забавой. Ты играешь моими чувствами.

— Неправда. Это не так, — Элизабет встала и медленно пошла к двери, — у нас кроме любви и страсти существуют и другие чувства, — она остановилась, обернувшись к Уильяму, — другие обязанности. И ты тоже имеешь семью и детей. Ты понимаешь, о чем я говорю. Мы любим друг друга, но мы не имеем права причинять боль своим близким. Два года мы с тобой получали удовольствие от жизни, а Генри сидел в тюрьме и страдал. На его глазах обезглавили Эссекса. Генри готовился посмотреть в глаза смерти. Его помиловали и отправили в Тауэр. Как я могу после всего этого причинить ему еще большую боль, еще большие мучения?

— Прости, Элизабет, — Уильям вдруг вспомнил все то, что говорил ему Джеймс, — я не прав. Спасибо за то, что была со мной. Я буду жить воспоминаниями о наших встречах. И никогда тебя не забуду.

Элизабет поспешила уйти. Он видел, какую боль причиняют ей его слова. Он видел слезы в ее глазах. Его собственная душа разрывалась от отчаяния. Уильям вспомнил Анну. Впервые он задумался о том, что чувствует его жена, насколько она должна быть одинока. Каждый раз, когда он возвращается в Стрэтфорд, она радуется его приезду. Каждый раз, когда он уезжает, она страдает, и он замечает грусть в ее глазах.

— Привыкнуть к прощаниям с человеком, которого любишь, нельзя, — проговорил он, — я расплачиваюсь за собственную жестокость по отношению к Анне. Любовь — это всегда история с плохим концом, что бы я там ни писал в своих комедиях. Жанр любви — трагедия и только. Все остальное перестает быть любовью, как только становится смешным.

Он опять вспомнил сонеты, хранившиеся в сундуке в Стрэтфорде. Теперь их можно публиковать — Елизавета умерла, и ему больше не перед кем держать свое обещание.

«Надо их напечатать и посвятить графу Пембруку. Он так этого хотел. Теперь уже не важно, кому я их писал когда-то». — Элизабет вернулась в его мысли. Уильям понял, что не сможет предать память о ней и отдать сонеты в типографию.

Шли дни, проходили недели. От Элизабет ничего не было слышно.

— Она меня бросила. И ты был прав, — Уильям сидел в таверне с Джеймсом и опять возвращался к одной и той же теме, — как ты был прав! Но мне не помогли бы твои предупреждения, даже если бы я вслушивался в них.

— Отвлекись, Уильям. Тебе же нравится бывать при дворе, участвовать во всех этих пышных приемах, постоянно видеть короля. Признайся, тебе льстит наше новое положение?

— Льстит, — согласился Уильям, — и все же это отвлекает ненадолго. Я теперь часто думаю о своей жене. Я начал понимать, как она страдает все эти годы. Похуже, чем Генри страдал в Тауэре.

— Не уверен, что ты прав. В тюрьме все-таки гораздо хуже, чем в красивом доме с садом в Стрэтфорде.

— Пожалуй. И все равно, ей плохо. Точно так же, как мне.

Осенью Уильям возвратился из Стрэтфорда с твердым намерением опубликовать сонеты. Ричард Филд никак не отставал от него с этой идеей, напоминая, что если сонеты не издадут они сами, то их издаст кто-то другой. Уильям заново переписал первый экземпляр и принес рукопись к Филду.

— Поставь на титульном листе: посвящается У. Г.

— Кто это? — удивился Филд.

— Не важно. Человек, попросивший что-нибудь посвятить и ему. Я писать сейчас не в силах. Сонеты остались в прошлом. Но мы можем написать эти инициалы, и я буду считать свой долг выполненным.

— Как интересно, — сказал Ричард, написав две буквы на листе бумаги, — посмотри: если читать их наоборот, то получится Ризли Генри^[4]. Так ты посвящаешь сонеты сразу двум людям.

— Я бы хотел посвятить их всего одному человеку. И этот человек — Элизабет. Но я не имею права даже поставить ее инициалы на титульный лист. Так же как не могу поставить имя автора большинства стихотворений. Автор умер, но от этого ничего не изменилось.

— Ты можешь не переживать, — успокоил Филд, — автор сонетов — ты. Ты отредактировал их, фактически переписал. Если не можешь написать, чьи они, не пиши. Раз человек умер, то уже не сможет сказать ничего против.

— Это-то меня и смущает. Имею ли я право так поступить?

Ричарда, как и любого издателя, такие тонкости не волновали. У него руки чесались опередить того неизвестного, у которого до сих пор хранился второй экземпляр рукописи. Ни одна изданная книга так и не появилась нигде за это время. Видимо, весь тираж был уничтожен. Но рукопись? Филд был уверен, что она лежит где-то и ждет своего часа.

Издать сонеты частично Ричард тоже не хотел. Всего тридцать штук написаны Уильямом, а сонетов — сто пятьдесят четыре! Пропадает такое количество! Тем более что Филд знал: сонеты прекрасны. Он прочитал все и был уверен в успехе. Не был бы Уильям его другом, сонеты давно бы лежали, отпечатанные, в магазине. Но в этом вопросе Ричард был принципиален. В конце концов, такой друг у него один. Поэтому принципиальность проявлять было не так-то сложно. Другое дело, если бы все остальные авторы хранили у него свои рукописи и при этом не позволяли их печатать! Так и разориться можно.

Но дело сдвинулось: Ричард видел, что Уильяму и самому захотелось издать сонеты. Оставалось чуть-чуть потерпеть, пока он не примет окончательного решения. Филду казалось, что ждать осталось совсем недолго. Он и не знал, насколько ошибается.

Мужчина ничем из толпы не выделялся. Ему бы и не хотелось выделяться и привлекать к себе внимание. Он был секретом. Сам себе секретом, который нельзя ни в коем случае выдавать. Так он и шел незаметной тенью, подняв воротник черного плаща. На площади у собора Святого Павла мужчина остановился. Он посмотрел вокруг и зашел в маленький, ничем не приметный магазинчик. Внутри книги только что не сыпались с полок. Гадания, отравления и противоядия, привороты, отвары из трав — чего там только не было.

Из глубины комнаты к мужчине вышел молодой человек невысокого роста. Издалека его можно даже было принять за мальчика. Вблизи были видны первые морщины, лучиками бегущие от глаз, и скорбно сжатые губы, которые невозможно себе представить на лице безусого мальчишки.

— Какие новости? — проговорил отрывисто мужчина в черном плаще.

— Первое: никаких книг с сонетами по-прежнему нет. Видимо, их все-таки и не будет. Прошло слишком много времени. Их бы уже опубликовали.

— Это твое мнение. Оставь его при себе. Рукопись где-то гуляет. Значит, всплывет. Найдется желающий нагреть на книжке руки. Дальше.

— Вот второе как раз этого и касается.

— Говори нормально. Я тебя не понимаю.

Молодой человек сощурил и так не очень-то широкие глаза и еще сильнее сжал губы. Выражение его лица не стало от этого более неприятным, скорее оно стало даже забавным. Но в глазах читались злоба и страх одновременно. Он поправил сползающую набок стопку книг о любовных зельях и снова начал говорить:

— Вы мне велели следить за Филдом и Шекспиром. Они тоже, знаете ли, в поисках того пропавшего экземпляра.

— Знаю, — подтвердил мужчина, — и что? Нашли?

— Нет. Но у них был первый экземпляр — рукопись.

— Лежит у него в Стрэтфорде в сундуке. Пусть пока лежит. Не надо сильно пугать великого

драматурга.

— Ага, — злорадно произнес владелец лавки, — а может, и надо было. Да поздно.

— Кто-то другой украл рукопись? — мужчина поднял одну бровь.

— Нет. Они просто-напросто решили рукопись издать. Сами. А почему нет? Что их должно сдерживать? Вообще не пойму, почему они этого не сделали раньше.

— Я догадываюсь, почему они не делали этого раньше и делают сейчас, хоть и не ожидал от Шекспира такой меркантильности.

— Дружок подбил. Филд уговорил. Мы, издатели и книжные торговцы, совести ведь не знаем. Нам бы денег выручить, и побольше. Вы же велели за ними следить. Филд постоянно уговаривал Шекспира издать сонеты. Добился своего. Молодец. Завидую.

— Завидовать нечему. Они не выйдут.

— Почему?

— Я против.

— В них действительно спрятан тайный смысл? Недаром их изъяли при обыске у Тобба. Заговор Эссекса? Тайные знаки? Предсказания? Это не сонеты вовсе? — перечислял молодой человек, поблескивая глазами и чуть не облизываясь.

— Думай, что хочешь, — перебил его мужчина в плаще, — тебя сие не касается. Но за информацию спасибо. Пойду, поговорю с драматургом.

— Отговаривать будете? — хмыкнул его собеседник.

— Отговаривать, — подтвердил мужчина.

— Забрать у него из сундука первый экземпляр — и дело с концом!

— Нет, место-то надежное. Пусть лежит там. Да поэт может стихи и наизусть помнить. Лучше объяснить ситуацию по-хорошему. Насколько это возможно, конечно.

— Он вас испугается, — кивнул владелец лавки, — вы так вечерком к нему придите, в этом вашем черном плаще. Шляпу надвиньте поглубже. И говорите голосом, знаете, таким, заgrabным. Прямо будто бы из самой могилы идет, — он с явным удовольствием провел по корешкам книг и хотел было продолжить, но мужчина его перебил.

— Помолчи. Все это описывай в своих книгах, а я и сам знаю, что делать, — он подошел к столу, взял одну из книг про мертвецов из-под руки молодого человека и вышел на улицу.

— Стало все-таки интересно, — пробормотал торговец, любовно поглаживая книжки.

Мужчина продолжил свой путь. Теперь он лежал к окраине Лондона. Туда, где располагалось все это скопище театров, ярмарок и прочей ерунды, призванной морочить людям голову. «В его советах есть здоровое зерно, — подумал он, — прийти надо действительно с наступлением темноты, закутавшись в плащ. Объяснять, кто я такой, конечно, не стоит. Скажу, заинтересованное лицо. Точнее, незаинтересованное».

Чтобы убить время, он прошелся по мосту через Темзу к театрам и обратно. Потом обошел со всех сторон дом, в котором жил Шекспир. Изучил он его давно, но лишний раз посмотреть на окна не помешало бы. Стемнело. Оборванцы, бездомные и воры повывлезали из своих щелей. Честные люди засели дома, не высывая на улицу нос в такое время. Где-то рядом послышался звук открывающегося засова. Толстая

женщина в фартуке вылила из таза помои. Запахло так, что он не смог больше оставаться на этом месте.

«Пора идти», — и мужчина пошел к дому напротив.

— Я к господину Шекспиру, — объявил он хозяйке, которая настороженно выглядывала из-за двери.

— Проходите. Второй этаж, — она распахнула дверь пошире ипустила его внутрь.

Под ногами заскрипели ступеньки. Он постучал и, не дожидаясь ответа, прошел в комнату. Уильям вскочил ему навстречу. Но он явно ожидал увидеть кого-то другого. Практически налетев на гостя, Уильям обнаружил не то, что хотел, и разочарованно отступил на шаг назад.

— Добрый вечер, — поздоровался он вежливо с посетителем.

— Здравствуйте, — мужчина тоже решил быть вежливым, — я по поводу сонетов.

— А, вы от графа Пембрука! Да-да, будут ему сонеты. Скоро.

— Нет, я не от графа. И как раз не надо, чтобы сонеты были. Вы ведь решили с вашим другом их все-таки напечатать, не так ли?

Уильям уставился на стоявшего перед ним мужчину. Описать его было бы крайне сложно: черный плащ и большая шляпа практически полностью скрывали и его фигуру, и лицо. Но что-то неуловимо знакомое слышалось в голосе. Оставалось непреодолимое ощущение, что Уильям его откуда-то знает.

— Решили напечатать, — подтвердил он.

— Я против, — веско сказал мужчина.

— Почему? — удивился Уильям и потрепал бородку. Ситуация переставала ему нравиться.

— Вам и самому прекрасно известно, что сонеты написаны другим человеком.

— Во-первых, не все. Часть моего сочинения. Во-вторых, другой человек умер. Но я согласен: печатать нужно только мои произведения.

— Нет. Печатать вообще ничего не нужно. Кто теперь сможет доказать, где там ваше, а где не ваше. И, между прочим, помните: другой человек, как вы выразились, не совсем умер.

— Как не совсем умер? — Уильям заметил книгу, которую мужчина держал в руке. «Ага, сумасшедший», — мелькнуло у него в голове.

— Исходите из того, что не умер. Точнее, не умерла. Мы же оба имеем представление, о ком идет речь. Так что объясните вашему другу, что сонеты вновь остаются неизданными. Пусть зарабатывает деньги другими вашими произведениями.

Мужчина развернулся и исчез из комнаты.

— Откуда он знает про Елизавету? — пробормотал Уильям. — Да откуда бы ни знал. Сонеты остаются в сундуке. Может, она оставила какие-то распоряжения на этот счет...

Глава 8

Влюбленный Шекспир. 1604 год

— Эх, Уил, повезло нам, — Джеймс вздохнул, будто имел в виду «не повезло».

— Что ты хочешь сказать? — поинтересовался Уильям. — Вроде все твои волнения должны быть позади. Новый король облагодетельствовал нас лучше некуда.

— И верно. Теперь мы слуги короля.

— Что тебя опять не устраивает?

— Не хотелось бы быть прислугой. Нас теперь могут вызывать к королю по поводу и без повода. Давать спектакль, прислуживать за столом, являться во дворец по первому вызову.

— Не преувеличивай.

— Нам ткань прислали специальную для пошива ливрей, — возмутился Джеймс.

— Это так ужасно?

— Ходить в ливрее — да! Страшно. Мы не прислуга. Мы актеры. Да, у нас тут теперь театров в Лондоне слишком много. Мальчишки-хористы, из которых составляют театральные труппы, теснят нас со сцены.

— Вот и радуйся, что сам король нас выделил. И никто не будет заставлять тебя прислуживать за столом. И ливрею вряд ли мы наденем хоть раз.

— Ошибаешься. Ткань прислали именно потому, что нам надо будет несколько дней находиться во дворце. Приезжает посол из Испании. Мы должны изображать лакеев Его Величества, — Джеймс нахмурился, — тебя это не смущает?

— Нет, — ответил Уильям, — точнее, конечно, я не в восторге от такого времяпрепровождения. Но и твоего настроения я не разделяю, — он вспомнил, как несколько лет назад получал для своей семьи дворянское звание, — это условности. Джеймс. Наш театр не станет из-за этого хуже или лучше. Наоборот, нам платят жалованье из королевской казны.

— Деньги небольшие. Мы могли бы обойтись и без них, — Джеймс посмотрел на друга, — а ты, я смотрю, больше не страдаешь по Элизабет? Твое настроение явно улучшилось.

— Нет. Не улучшилось. Мы изредка встречаемся, и я привык к такому положению. А сегодня ты меня заставил утешать тебя, и я как-то подзабыл про свои печали. Я стараюсь не думать о том, что меня ждет. Конец неминуем. Мы оба знаем об этом.

— Эх, лучше продолжим говорить о театре. Когда ты рассуждаешь о своих отношениях с Элизабет, на тебя тут же снисходит вселенская печаль.

— Хорошо, продолжай жаловаться, — засмеялся Уильям, — мне на самом деле становится легче, когда я успокаиваю тебя, а не себя. Скажи, мы едем на гастроли этим летом, как обычно? Или король от нас хочет чего-то другого? Приезжают ли послы, которых мы должны встречать?

— Шутишь. Если мы и должны кого-то встречать, заранее нам об этом никто говорить не будет. Крикнут: «Эй, слуги короля, прибудьте во дворец!»

— Когда мы уедем из Лондона и будем в другом конце страны, то нас тут не скоро дождутся.

— Ты собирался домой в Стрэтфорд, я помню.

— Я передумал. Хочу поехать с вами. Заеду к ним, когда будем где-то рядом.

— Ты мне говорил, что дома тебе теперь лучше. А сейчас уже хочешь странствовать с театром. Тебя не поймешь, — Джеймс покачал головой.

— Я и сам себя не понимаю. Куда проще было бы знать точно, чего хочешь, и не мучаться. Я передумал. Вот и все. Ты против?

— Конечно, нет. Разве я могу быть против твоего присутствия на сцене? Мне там без тебя не очень уютно. Привык за долгое время к тебе, Уильям, — он хлопнул друга по спине.

— Я тоже привык к тебе, Джеймс. Спасибо.

— За что ты меня благодаришь?

— За дружбу. У меня ведь не так много друзей. Ты один из самых близких. Ты все обо мне знаешь. Иногда ругаешься, но слушаешь меня, даешь советы. Вот еще Ричард Филд. Да, пожалуй, и все...

Во дворце толпились новоиспеченные дворяне — Яков охотно раздавал титулы, взяв за такие «королевские» услуги небольшую плату. Кроме них, по залам прогуливались вальяжные придворные, служившие еще Елизавете. Яков оставил почти всех на своих местах, предпочитая не вникать в тонкие государственные дела. Ему куда больше нравилось скакать на лошадях, охотиться, развлекаться с друзьями и смотреть спектакли.

Слугами короля теперь являлись и актеры театра, находившегося раньше под покровительством лорда-камергера. Они тоже прибыли во дворец, одетые в красные ливреи, расшитые золотом. Актеры среди слуг и придворных чувствовали себя неловко, но много от них и не требовалось. Яков хотел произвести впечатление на посланника испанского короля, поэтому собрал во дворце всех, кого мог.

— Видишь, я тебе говорил, — шептал Джеймс Уильяму на ухо, — слуги. Мы слуги. Ты как себя чувствуешь в ливрее?

— По правде говоря, неуютно, — ответил Уильям, глядя по сторонам.

— Ищешь Элизабет?

— Да, она должна прийти. Мы не сможем подойти друг к другу, но я хотел бы ее видеть хоть мельком.

— Ты упрям. Зачем тебе это? Увидишь ее с мужем. Расстроись. Будешь думать о ней и страдать. Не верти головой. Здесь столько народу, что искать кого-то бесполезно.

Но Уильям ее заметил. Ее нельзя было не заметить. В бордовом платье, расшитом спереди золотыми лилиями, она плыла по залу, заставляя оборачиваться себе вслед. Элизабет не смотрела по сторонам, лишь изредка кивая в ответ на приветствия знакомых. Она была холодна и равнодушна и совсем не походила на ту женщину, которая прибегала к Уильяму на свидания. У него дома Элизабет бывала довольной, радостной, счастливой. Иногда грустной и печальной. Но всегда на ее лице были эмоции. Оно не бывало застывшим, похожим на маску. Элизабет была похожа на красивую картину, нарисованную художником, пытавшимся передать только внешнее сходство.

— Ты увидел ее, — заметил Джеймс, — тебе стало легче?

— Я не узнаю мою Элизабет. Здесь она другая. Чужая, незнакомая мне женщина.

— Мы во дворце. Она с мужем. Какой она еще может быть?

— Не знаю, — Уильям отвел взгляд от исчезающей вдали фигуры. Ему еще больше захотелось увидеть Элизабет рядом с собой. Но только настоящую, какой она всегда бывала с ним.

Актеры провели во дворце несколько дней. Каждый раз Уильям пытался снова разыскать в толпе Элизабет. Она не появлялась. И он даже начал сомневаться, а ее ли он видел в тот первый день, проходившую мимо. Ему хотелось бежать домой, чтобы проверить, не лежит ли там от нее записка. А то и, может, сама Элизабет сидит в своей карете неподалеку от его дома.

Вернувшись в свою квартиру, он не обнаружил ни записки, ни Элизабет.

— Этого следовало ожидать, — попытался он успокоить себя, но понимал, что разочарован. Комнаты без нее были пусты. Уильям принялся лениво собирать вещи. Театр отправлялся на летние гастроли, а он поклялся себе ехать с ним, чтобы не сойти с ума, сидя в душном и пыльном Лондоне или в прекрасном доме с видом на сад в Стрэтфорде. Из трех зол Уильям выбирал наименьшее: гастроли. Там будут рядом веселые друзья, города будут сменять друг друга. Осенью он вернется в Лондон, и с ним опять будет Элизабет...

Дороги Англии мало изменились с тех пор, как он бежал из Стрэтфорда в Лондон. Они по-прежнему были ужасны. Но театр ездил со своими спектаклями по стране не первый год, поэтому актеры знали, как лучше добраться до того или иного города, как избежать встречи с разбойниками, наводнившими леса и удаленные от скопления людей места.

В планах стояло посещение Оксфорда. Уильям помнил, что граф Пембрук являлся ректором университета. Ему не очень хотелось сталкиваться с графом, так как стихотворений в его честь Уильям так и не написал. Но делать было нечего. Отъезжая все дальше от Лондона, театр прибыл в Оксфорд. Местные студенты славились своим строгим отношением к тому, что им показывали, освистывая чуть ли не каждый спектакль.

— Очень образованные, — говорил Джеймс, пока они с Уильямом прогуливались недалеко от зданий университета, — сейчас мы им покажем одну из твоих исторических драм и получим в ответ рассказ о том, что все было на самом деле не так. Что ты наврал тут и там, забыв прочесть, перед тем как писать кучу книг по истории.

— Так не ставь историческую драму. Давай поставим какую-нибудь комедию, — предложил лениво Уильям, — хотя, по правде сказать, мне все равно. Освистают так освистают. После спектакля послушаю их мнение на этот счет и следующую пьесу буду писать именно так, как они скажут.

— Не будешь! — рассмеялся Джеймс. — Назло им наврешь там столько, что студенты ахнут от возмущения.

— В Лондоне, ты же знаешь, есть один критик, который меня просто ненавидит за отступление от исторической правды. Пишет в своих статейках, что я и в школе-то не учился толком, поэтому и не имею права рассуждать об истории.

— Ну, Уильям, это правда? Я тебя никогда не спрашивал, как ты учился. Университета ты не заканчивал. С этим все понятно. А что со школой?

— У нас в Стрэтфорде и по сей день одна школа. Туда я и ходил лет до пятнадцати. Латынь учил. Ученики ненавидели латынь. А я любил. Наизусть мог читать Овидия. Так что научили меня писать, читать и считать, да еще латинскому языку. Я считаю, у меня прекрасное образование, — рассмеялся Уильям, — у моей жены гораздо хуже. Вот она в школу вообще не ходила. И, насколько я вижу, ей это никак не мешает.

— Женщине, на мой взгляд, мешает как раз образование, — изрек Джеймс, остановившись у

небольшого озера, за которым открывался прекрасный вид на королевский колледж, — вот даже посмотри на Элизабет. Она училась во Франции. Умеет читать, писать, да еще и знает несколько языков. По-моему, ей это на пользу не пошло.

— Почему? С Элизабет очень интересно поговорить. Она порой дает интересные комментарии к моим пьесам...

— Поговорить! Уильям, вот с женой ты часто разговариваешь?

— Нет. С ней не о чем разговаривать, кроме как о хозяйстве, саде, детях. Об этом говорить долго нельзя.

— Прекрасно! — опять воскликнул Джеймс, который, будучи актером, обожал восклицательные предложения. — Анна сидит дома, ведет хозяйство, воспитывает детей. У нее нет мысли изменить тебе или устроить что-то в этом роде.

Уильям с удивлением посмотрел на Джеймса.

— Но, — произнес он после паузы, — Анна меня старше на восемь лет. Когда она начала со мной встречаться, я у нее не был первым мужчиной. И меня, Джеймс, на ней женили насильно, потому что Анна забеременела. Она не была наивной девушкой и устраивала «что-то в этом роде», несмотря на отсутствие образования.

— Ты меня не понял. Она вышла за тебя замуж, родила детей. Анна не бежит после замужества по любовникам. Не пишет записки, не мучается от ситуации, из которой и выхода-то нет. Стихи не пишет.

— Что плохого в написании стихов? — изумился Уильям очередной сентенции друга.

— Когда женщина пишет стихи, это плохо. У нее должна быть некая определенность чувств. А стихи — всегда неопределенность, всплеск эмоций, буря чувств, смятение. Почему на сцене не играют женщины?

— Так принято, что их роли играют мужчины, — промямлил Уильям.

— Но почему так принято? — не отставал Джеймс. — Потому что женщина должна сидеть дома, воспитывать детей и вести хозяйство. Если она начнет бегать при этом в театр и играть на сцене, то на ком останется дом? Женщина может и не сама убирать в доме, но и за прислугой необходимо присматривать. Ты только представь эту страшную картину: женщина учит роль, репетирует, играет спектакль. Она там где-то вместе с нами переодевается, гримируется. Более того, она ездит с нами на гастроли, сидит в таверне и пьет пиво!

— М-да, — промычал Уильям.

— Вот! Что теперь скажешь?

— В Англии была королева, которая правила страной сорок пять лет, и правила лучше многих королей, — напомнил Уильям, — королева была образованной женщиной и, — он помолчал, — ходят слухи, что писала стихи.

— Тут другое дело. Королей и королев страна получает милостью божьей. Так распорядился сам Господь. В тот момент, когда Елизавета взшла на трон, видимо, не было мужчины, который смог бы занять это место. И королева, заметь, не выходила замуж, не имела детей. Ее хозяйством являлась вся Англия. А ее слугами являлся весь английский народ. Она за нами и присматривала. Но если бы у нее был муж и дети, то я не уверен, что она бы правила сорок пять лет. Вспомни, ни одна королева, будучи замужем, так долго не оставалась на троне.

— То есть, возвращаясь к Элизабет, во всем надо винить ее образованность?

— Ну не во всем, — смягчился Джеймс, — но во многом. Будь она необразованна, она бы тебя не оценила. Ты кто для нее? Никто, извини. Ты не из ее круга. Попал туда случайно в качестве актера и драматурга, которому покровительствовал граф. Но Элизабет заслушалась твоими сонетами и попала в ловушку, из которой до сих пор не выбралась. Замуж, заметь, вышла за графа. Не думаю, что в принятии такого решения ей помогло образование. Напротив, она была беременна, и ее поступками в кои-то веки прорукроводило женское чутье.

— Спасибо, Джеймс. Ты так мне все хорошо объяснил. Я теперь знаю, что Элизабет любит меня благодаря своему образованию. Спасибо Франции.

— Смейся сколько угодно, — проворчал Джеймс, — но, когда женщина появится на сцене, я тебя уверяю, это будет одинокая, образованная красотка, слагающая вечерами стихи и морочащая мужчинам головы.

— Прекрасная картина. Мне нравится. Я понял наконец-то, чего нам всегда не хватало в театре.

— Чего? — искренне поинтересовался Джеймс.

— Красотки, которая бы исполняла женские роли. А то эти безусые мальчишки с ломающимися тонкими голосами уже поднадоели. Я буду писать свою следующую пьесу и представлять на сцене в главной роли настоящую женщину. Джеймс, публика была бы в восторге.

— Ты ненормальный. И главное, ничего не понял из того, чего я тебе тут толковал.

— Куда мне! — Уильям добродушно улыбнулся своему ворчливому другу. — Пошли лучше погуляем. Погода прекрасная. Студенты нам еще не успели испортить настроение своими замечаниями. Посмотри, какая красота, — и он показал рукой на открывавшийся перед ними вид, — будет на то воля Господа, выведет на сцену женщину, и мы с тобой тут ничего поделывать не сможем.

— Надеюсь, у него хватит ума этого не делать.

— Или ему хватит чувства юмора, чтобы сделать.

Гулять по Оксфорду Уильяму пришлось одному. Джеймс хотел повторить роль и отправился на постоянный двор, где остановились актеры театра на время пребывания в городе. Вокруг здания университета все утопало в зелени, и Уильям впервые за долгое время почувствовал, что способен наслаждаться окружающей его природой. Он брел по улицам, наобум сворачивая то направо, то налево. Устав, он присел на обочине дороги в тени большого, раскидистого дерева. Неожиданно к нему подошла собака. Она подняла свои печальные большие глаза на Уильяма и положила морду ему на колено.

— Что, дружок? И тебе одиноко? Хозяина нет? — поинтересовался у собаки Уильям.

Та, словно понимая, что от нее требуется, согласно потерла мордой о колено.

— Одиночество. Странное чувство, — продолжил Уильям, — вроде ты и не один: у тебя есть семья, друзья и любимая женщина. Но ты понимаешь, что один в этом мире. Так же как и тебе, собака, хочется кому-нибудь положить морду на ноги, расслабиться и ни о чем не думать. Ты ведь ни о чем не думаешь? — он потрепал собаку по голове.

Уильям продолжал сидеть на траве, не обращая внимания на проходивших мимо людей, некоторые из которых искали рядом с ним коробку для подаяния, принимая Уильяма с собакой за попрошаек.

— Вот как мы с тобой выйдем в глазах окружающих: два бездомных существа, ищущих средства для пропитания. Да ты, наверное, голоден? — спросил у пса Уильям. — Пойдем-ка я тебя покормлю.

Он встал и позвал собаку за собой:

— Пошли, пошли. Мы сейчас придем на постоянный двор и попросим чего-нибудь поесть. И тебе, и мне. Я тоже что-то проголодался.

Собака поняла, что от нее хочет Уильям, и потрусил вслед за ним.

Постоянный двор располагался немного поодаль от основного здания университета. При нем была таверна, в которой актеры собирались после спектакля. Они всегда останавливались здесь, когда приезжали в Оксфорд, и знали хозяев очень хорошо.

Уильям оставил собаку на улице, велел той сидеть на месте и ждать его с едой.

— Хозяйка, давай собери что-нибудь для собачки.

Прибилась тут ко мне. Надо бы дать ей поесть.

Красивая, высокая, темноволосая женщина улыбнулась Уильяму и ушла на кухню. Вскоре она вернулась с тарелкой, полной костей.

— Вот, думаю, ему хватит для начала, — она протянула тарелку Уильяму, — может, и вам что-то приготовить?

— Получше, чем кости, надеюсь? — он подмигнул хозяйке, сам удивляясь внезапно изменившемуся настроению.

— Держите тарелку, — хозяйка повернулась к нему спиной, взметнув широкими юбками в воздух, — пойду поищу вам еду, — сказала она, не оборачиваясь.

Уильям вышел обратно во двор. Собака честно ждала его у забора.

— Вот, принес тебе, как обещал. Ешь, — пес послушно подошел к еде, помахивая хвостом. Он посмотрел вопросительно на Уильяма. Тот пододвинул тарелку ближе. Собака еще раз взглянула на него и принялась есть. Сначала она ела медленно и осторожно, потом, поняв, что никто кости отнимать не собирается, перестала обращать внимание на Уильяма и принялась обгладывать их с завидным аппетитом.

— Идите уж, — раздался женский голос за спиной Уильяма, — поставила и вам тарелку на стол.

Он пошел в таверну. Стол, действительно, был накрыт. Да еще как!

— Тут одному человеку не съесть, — покачал головой Уильям.

— Позовите ваших друзей — предложила хозяйка, — по-моему, они вернулись и наверняка тоже голодные.

Весь оставшийся день актеры веселились в таверне. Уильям не мог удержаться от того, чтобы не бросать взгляды в сторону красивой хозяйки.

— Понравилась, — прошептал ему неожиданно в ухо Джеймс, — красивая женщина.

— Я ее тут раньше не видел, — в ответ сказал Уильям, — а ты?

— И я не видел. Хозяин постоянного двора женился недавно, поэтому мы с ней и незнакомы.

Уильям снова посмотрел на молодую женщину. Ей было примерно лет двадцать пять. Фигуру не успели испортить роды, густые темные волосы выбивались многочисленными локонами из прически, придавая ей задорный вид, глаза блестели из-под черных длинных ресниц. Она будто перелетала по таверне с места на место, как большая красивая бабочка, у которой крыльями служила юбка.

— Как ее зовут? — спросил Уильям, не отрывая глаз от снующей из кухни в зал и обратно фигуры.

— Влюбился! — Джеймс отхлебнул еще пива. — Не знаю, как зовут, но можем спросить.

— Не надо! — Уильям в ужасе схватил друга за рукав, но было поздно.

— Эй, красавица, — заорал Джеймс так, что все окружающие вздрогнули.

Хозяйка подошла к их столу.

— Мы вот тут интересуемся, как вас зовут. Раскройте тайну.

— Это не тайна, — она рассмеялась, и ее глаза заискрились сильнее прежнего. — Мэри, — представилась она. — Миссис Мэри Давенант.

— Прекрасное имя, не так ли, Уил? — обратился к другу Джеймс, пихая его в бок.

Уильям молчал, не в силах произнести ни слова.

— Меня зовут Джеймс, Джеймс Бербридж, актер театра «Глобус» Его Величества короля, из Лондона. Мой друг, — Джеймс указал пальцем на Уильяма, — тоже актер, но, главное, великий драматург, сочинитель всех пьес, которые с успехом идут на нашей сцене, Уильям Шекспир.

— Вы сочиняете пьесы? — Мэри посмотрела на Уильяма. — Неужели это правда?

Так как Уильям продолжал молчать, приоткрыв рот и глядя на корсет миссис Давенант, продолжил говорить Джеймс:

— Правда, правдивее некуда. Завтра днем приходите на наш спектакль. Он состоится во дворе университета. Студенты нас, конечно, освистают, но, поверьте, они свистят всем, кто смеет явиться в Оксфорд со своими спектаклями.

— Я так люблю театр! — всплеснула руками Мэри. — Я постараюсь попросить кого-нибудь заменить меня в таверне. Каждый раз, когда родственники едут в Лондон, я прошу привезти мне книги. Я читала много пьес. Надо посмотреть, нет ли среди них и вашей.

— Вы где-то учились? — неожиданно спросил Уильям.

— Мои родители нанимали мне учителей, — кивнула Мэри, — даже хотели отправить в Лондон ко двору, используя свои связи. Но ко мне посватался Джон. Он человек состоятельный, известный в Оксфорде. Поэтому в Лондон я не уехала.

— Вот, опять образованная, — сказал Джеймс, когда Мэри отошла от их стола, чтобы обслужить других клиентов, — ты их сразу, что ли, распознаешь?

— Не знаю. Наверное, красота у умных женщин какая-то особенная.

Весь вечер Уильям наблюдал за Мэри и не мог понять, что с ним происходит. Он забыл Элизабет, свою к ней болезненную привязанность. Забыл Лондон, Стрэтфорд и театр. Он видел лишь эти сверкающие глаза, бросающие на него быстрые взгляды, обрамляющие лицо резвые локоны, полные губы, постоянно растягивающиеся в улыбке, тонкие руки, подхватывающие тяжелые подносы с тарелками...

Во дворе Уильяма ждала собака. Она наелась и сидела, довольная удачно сложившимся днем. Уильям присел рядом с ней на корточки.

— И что со мной происходит? — задал он ей вопрос. — Неужели Джеймс прав, и я влюбился? Только этого мне не хватало, — Уильям покачал головой, — мне сорок лет, а чувствую себя мальчишкой.

Собака не отвечала, но смотрела на него понимающим взглядом.

На спектакль Мэри пришла с мужем. Джон Давенант выглядел гораздо старше своей жены. Это был полноватый, неулыбчивый, суровый мужчина с пристальным взглядом. Уильям на сцене в тот день играл только для Мэри. В конце она громко хлопала в ладоши и, как всегда, всю улыбалась. После спектакля

муж и жена Давенант подошли к Уильяму, чтобы поблагодарить за доставленное удовольствие.

— Жена сказала, вы автор пьес, — уточнил Джон, — талантливо, ничего не скажешь, — произнес он с видом человека, который только и делал, что смотрел спектакли и читал пьесы, — мы бы хотели вас сегодня пригласить поужинать с нами. Наш дом находится прямо за гостиницей. В шесть часов, если вам это удобно.

— Да, конечно. Благодарю, — Уильям кивнул, не понимая, зачем ему это нужно.

— Мэри нашла у себя две книжки с вашими пьесами, — продолжил Джон, — надеется, что вы ей их подпишите.

— Сочту за честь, — Уильям опять кивнул. Он старался не смотреть на Мэри, которая молчала, предоставляя говорить мужу. Но он заметил и ее улыбку, и изящную прическу, которая ей так шла, и платье, облежавшее тонкую талию.

— Итак, ждем вас. До встречи, — попрощался Джон и повел жену домой.

— Ну что, попал? — спросил подошедший к концу разговора Джеймс. — Но Мэри хороша. Тут не поспоришь. Пойдешь к ним сегодня с визитом?

— Мэри хочет, чтоб я ей подписал книги.

— И в этом все дело? Просто подписать книжки?

— Не приставай, Джеймс. Я и сам не пойму, что делаю и зачем. Мне нравится эта женщина. Я от нее глаз оторвать не могу.

— Я заметил. Завтра мы здесь последний день. Ты как? С нами поедешь или будешь возлежать у ног новой возлюбленной?

— Не смейся. Куда я денусь? Поеду с вами. У Мэри муж.

— Точно ты заметил. Я уж подумал, ты его как-то не увидел рядом с ней, — ехидничал Джеймс, — суровый мужчина, между прочим.

Вечером Уильям подошел к большому каменному дому, стоявшему чуть поодаль от постоянного двора. Он заставил себя успокоиться и постучал. Дверь открыла сама Мэри.

— Добрый вечер. Проходите, — она отошла чуть в сторону, пропуская Уильяма в дом. Он успел вдохнуть аромат, исходивший от ее тела, и сумел слегка коснуться ее руки.

В гостиной был накрыт стол. Навстречу Уильяму поднялся Джон.

— Рад, что вы пришли. Нас редко посещают гости из Лондона. А тем более такие известные люди, как вы.

— Вы преувеличиваете мою известность, — Уильям смутился.

— Нет. Если у Мэри нашлись две ваши книжки, это что-то да значит, — уважительно произнес неулыбчивый хозяин дома, — садитесь. Расскажите нам о том, что вы пишете, что идет в Лондоне в театрах. Мы тут отстали от жизни. Возможностей ездить в столицу немного. Нужно ведь следить за тем, как идут дела в гостинице и в таверне. Мэри вот любит сама обслуживать наших посетителей, готовить на кухне. Так просто не бросишь такое хозяйство.

— Верно, — согласился Уильям, — хозяйство у вас большое, — он посмотрел на Мэри. Она раскладывала еду по тарелкам.

— Ешьте, пожалуйста, — обратилась она к Уильяму.

— Мэри почти все приготовила сама. Она прекрасно готовит, — похвалил жену Джон.

Позже, после обильного ужина, Уильям и Мэри остались одни. Джон сослался на усталость, извинился и ушел спать.

— Он всегда ложится рано, — объяснила Мэри, — рано ложится и рано встает. Сегодня хотел подольше поговорить с вами, но завтра много дел.

— Я не возражаю против вашего общества.

«И только вашего», — мысленно закончил фразу Уильям.

— Вам нравится быть хозяйкой постоянного двора? — продолжил он разговор.

— Да. Я люблю находиться среди людей. Мне интересно общаться с теми, кто у нас останавливается. Люблю готовить. Конечно, на кухне у меня есть помощники. Но я часто обслуживаю гостей сама. Вечером, когда муж уходит спать, я читаю. Чем может не устраивать такая жизнь? — она улыбнулась.

— И вам никогда не хотелось бежать отсюда? Оксфорд — небольшой город. Должно быть, здесь скучно.

— Нисколько. Уверяю вас, я не лукавлю. Счастье не зависит от того, где ты живешь.

— А от чего оно зависит? Я был несчастлив там, где родился и вырос, и всегда хотел оттуда сбежать.

— И сейчас? Сейчас вы счастливы? — Мэри перестала улыбаться и внезапно стала серьезной.

— Нет, — глядя ей в глаза, Уильям не смог ответить иначе и сказал правду.

— Вы стали успешны, но не стали счастливее. Счастье внутри нас. Оно не бродит где-то снаружи. Иначе его действительно можно было бы найти, пусть даже и обойдя весь свет. А искать нужно в своей собственной душе.

— И все-таки вы слишком умны, чтобы жить здесь. Да еще с таким мужем, — непроизвольно добавил Уильям.

— А что, Джон вам показался глупцом?

— Нет, но, по-моему, с ним очень скучно.

— Муж умный и начитанный человек. Но он замкнутый и необщительный. Что ж, нам хватает моей общительности. Не представляю, как бы мы ужились, если бы оба были такими болтунами, как я, — Мэри рассмеялась, — и он очень меня любит и ценит. Это тоже важно.

— Вы опять правы. Признаю свое поражение. В вас на самом деле поселилось счастье, и вы им сегодня со мной поделились.

— Расскажите мне теперь о себе. Как вам пришло в голову ехать в Лондон, писать пьесы?

— В Стрэтфорд постоянно приезжали на гастроли театральные группы. Я бегал смотреть все спектакли подряд. В школе мне нравилось заучивать стихи и поэмы, хоть нас и заставляли их учить на латыни. В какой-то момент я понял, что хочу быть актером. Мой отец про это и слушать не желал. Он не считал игру на сцене достойной профессией. Теперь, когда я имею хороший доход, он переменял свое мнение. Потом я начал писать пьесу. Она и сейчас лежит в моем доме в Стрэтфорде. Но в восемнадцать лет я вынужден был жениться. У меня родилось трое детей. Через пять лет, сходя на очередной спектакль лондонского театра, я решил бежать.

— Вы готовы были бросить семью? — Мэри сделала большие глаза, в которых мелькнул

неподдельный ужас.

— Да, Мэри, был готов. В двадцать три года я не чувствовал никакой ответственности. Жену не любил. Меня ничего не держало дома. Первая попытка сбежать провалилась — меня догнали и вернули в Стрэтфорд. Но моя жена, как ни странно, решила меня отпустить. И второй раз я уехал с ее благословения.

— Мудрая женщина. Как ей, должно быть, нелегко дался этот шаг!

— Именно после этого я стал к ней относиться несколько иначе. Полюбить я ее не мог, но начал ценить и уважать. Вот и вся история. В Лондоне меня сначала взяли играть второстепенные роли, но потом дела пошли лучше. Пьесы, которые я попытался писать, имели успех. Отец моего друга открыл свой театр. Я в нем имею свою долю от дохода. Так что все сложилось очень удачно.

— И при этом вы несчастливы. Что делает вас несчастливым?

— Вы же сами сказали, Мэри, что счастье надо искать внутри себя. Видимо, пока я его не смог найти.

Она сидела совсем рядом, и Уильяму нестерпимо захотелось ее поцеловать и сказать, что нашел свое счастье — вот оно. Только находится все-таки не в нем, а в ней. Мэри не была похожа ни на Элизабет, ни на Анну. В ней странным образом сочетались совершенно, на его взгляд, несочетаемые вещи. С одной стороны, неуловимо она ему напоминала Анну в ту пору, когда ему было восемнадцать, а ей двадцать шесть. Тогда Анна тоже была живой и улыбчивой женщиной с искорками во взгляде. С другой стороны, Мэри походила и на Элизабет. Она также могла увлечь его беседой, а во взгляде кроме искр была глубоко затаенная печаль.

В последние годы печаль в глазах Элизабет читалась все чаще. Ей исполнилось тридцать два года, у нее родилось двое детей, обвиненный в заговоре муж чуть не был казнен. Она металась между двумя мужчинами, прекрасно понимая, что выбор давно сделан. Иногда Уильям вспоминал девушку, приехавшую из Парижа, легкую и беззаботную. Ему становилось грустно оттого, что к ее печали он имеет самое непосредственное отношение...

А внешне Мэри походила только на саму себя. Мода на бледных, светловолосых женщин не прошла, и англичанки старались не подставлять кожу солнцу, умудрялись осветлять волосы какими-то страшными, иезуитскими способами, от которых у многих они начинали нещадно выпадать. Кожа Мэри была смуглой: то ли от природы, то ли от частого пребывания на улице. Когда-то Элизабет, только приехав из Франции, тоже была смугла. Но теперь из толпы придворных дам ее выделяли лишь темные волосы.

Уильям вдруг подумал, что Мэри скорее походит на итальянок. По крайней мере, именно такими он себе и представлял южных, страстных женщин, когда описывал их в своих пьесах.

— А вы задумались, — прозвучал тихий голос, — извините, если я вам испортила настроение своими размышлениями о счастье.

— Нет, Мэри, мое настроение вы способны только повышать, — Уильям встrepенулcя, поняв, что несколько минут молча на нее смотрит, — чем вы заняты завтра?

— Как обычно буду в таверне.

— Могу я чем-нибудь вас оттуда выманить? — спросил Уильям, взяв ее за руку. Тонкие пальцы дрогнули и застыли, не зная, что им предпринять дальше.

— Мы можем встретиться после обеда. Обычно в это время до ужина посетителей в таверне мало.

— Отлично! Вы мне покажите Оксфорд. Я здесь бывал и раньше, но толком город не видел. Согласны? — повернув руку Мэри, Уильям нежно поцеловал ее ладонь.

— Конечно, — прошептала Мэри и убрала руку, — поздно. Наверное, нам пора расстаться. До

завтра, — они одновременно встали со стульев. Мэри быстро повернулась к нему спиной и почти бегом вышла из комнаты.

Ее юбки опять взлетели, коснувшись Уильяма, и опали вниз. Когда она уходила, они, казалось, не успевали за своей хозяйкой, пыльным шлейфом пытаясь поспеть за ее ножками.

Уильям спустился вниз, открыл дверь и оказался на улице. Ему хотелось подпрыгнуть, громко запеть или сделать еще что-то такое же безумное. Он увидит ее завтра. Послезавтра театр уедет, но завтра они будут вместе. Еще один день он побудет рядом со счастьем, облеченным в форму прекрасной женщины. Если бы он мог ее забрать с собой, то большего и не желал бы.

В ее честь ему не хотелось писать сонеты: она была слишком реальной, слишком живой и быстрой. На бумаге Мэри застынет, превратится в образ, в слова, в предложения. Впервые Уильям понял, что его талант ничего не стоит, потому что никакое, даже самое богатое, воображение не нарисует ту Мэри, которая есть на самом деле. И никакой сонет не передаст тех чувств, которые испытывает он.

Уильям уснул под утро. Но проснулся он свежим и выспавшимся — впереди его ждал день счастья, день, который он собирался провести с Мэри...

— Ну что, вляпался в очередную историю? — спросил Джеймс, покусывая травинку.

Они лежали в телеге, которую нещадно потряхивало на кочках, смотрели на голубое небо и лениво перекидывались отдельными ничего незначащими фразами. Но Джеймс долго не выдержал и перешел к теме, которая его волновала с момента их отъезда из Оксфорда.

— В какую историю? — Уильям сделал вид, что не понимает, о чем там толкует Джеймс.

— Опять нашел себе возлюбленную, которая несвободна. Мэри еще и живет не в Лондоне. Как она будет бегать к тебе на свидания?

Телегу снова тряхнуло. Ветки деревьев склонились над ними совсем низко. Джеймс схватился за ветку и умудрился ее надломить, чуть привстав для верности.

— Вот, — сказал он гордо, показывая ветку Уильяму, — иллюстрация к моим словам.

Уильям с любопытством посмотрел на друга.

— Ты также надломил Мэри и решил забрать ее с собой. Но надломить надломил, а забрать-то не выйдет! Тебе везет на замужних женщин.

— Не везет, ты хотел сказать, — поправил Уильям Джеймса.

— Кого хочешь надломить, того и ломаешь.

— В тебе умирает поэт. Пиши стихи, сонеты, поэмы. Джеймс, не надо свой талант испытывать на мне. Пиши пьесы. Мне не жалко.

— Я не поэт. Я актер. Произношу красивые фразы. Это не значит, что я смогу их сам сочинять. Ладно, речь не обо мне. Расскажи про Мэри. Ты разлюбил Элизабет?

— М-да... Расскажи про Мэри, но при этом вопрос про Элизабет. Попробую ответить. Начнем с того, что любить можно и двоих женщин.

— О! — воскликнул Джеймс. — Я тебе завидую. Ты, Уильям, способен на многое!

— Не смейся. Сам подумай: любишь ты кого-то сильнее жизни. Потом, вдруг встречаешь совершенно другого человека. Ну, совсем непохожую на предыдущих женщин. Разве ты разлюбишь того, кого любил до этого? Разве они стали хуже? Нет. Просто немного освободилось место в сердце. Любовь к Элизабет

останется навсегда. Но Мэри — это совсем другое. Это новое чувство.

— Путано говоришь, — покачал Джеймс головой, — и сам понимаешь, что несешь полную несусветицу. Ты хочешь себя оправдать, вот и все.

— Неправда. Я пытаюсь тебе объяснить. Хорошо, попытаюсь по-другому. Есть у человека несколько детей. Он же всех их любит. Рождается первый — он любит его так, что, кажется, на других сердца не хватит. Рождается второй — он его тоже любит. И первого любить при этом не перестает. И так дальше. Пятый родился — он любит пятого и четверых, рожденных ранее.

— Когда ты начинаешь так выражаться, Уил, я понимаю, что ты придумываешь слова, а я их произношу. Не могу тебя переспорить. Внутренне понимаю, что ты не прав, но доказать свою правоту неспособен. Ладно, хорошо, просто расскажи про Мэри. Без Элизабет.

— Она является воплощением моего счастья, — Уильям раскинул руки, случайно задев Джеймса, — извини.

— Ничего, продолжай, — Джеймс обмахивался отломленной веткой.

— Мэри похожа на итальянку. Я представляю себе итальянок и думаю о ней. Она умна. Она красива. Ее мужу повезло. Понимает ли он это?

— Мужья никогда своего счастья не понимают, уверяю тебя. Жена — это как стул, стол, комод. Что-то само собой разумеющееся. Ты разве как-то иначе воспринимаешь Анну?

— Анна — другой случай.

— Почему? Представь, какой-то мужчина влюбляется в нее. Он будет видеть твою жену совсем по-другому. Иначе, чем ты. Он будет ее ценить, видеть в ней те качества, которые ты разглядеть не смог.

— Только никто в нее не влюблялся. Проверить твои слова сложно.

— Откуда ты знаешь? Ты, может, вообще ничего про свою жену не знаешь, будучи увлеченным другими женщинами.

Уильям спорить не стал. В глубине души он и сам был согласен с другом. Но ничего поделать с собой не мог.

В то лето Уильям еще два раза съездил в Оксфорд. Он садился на коня и, будучи не очень привычным к такому способу передвижения, приезжал к месту назначения уставшим и разбитым. Но Уильяма это не смущало. Он шел к Давенантам на ужин, разговаривал с Джоном о ценах на землю, о доходе, который приносит постоянный двор, и о прочих серьезных темах. Вскоре, как обычно, Джон шел спать, оставляя жену и Уильяма одних.

Темы разговора тут же менялись. Мэри расспрашивала Уильяма о театральной жизни, о Лондоне. Они обсуждали прочитанные книги и порой спорили об их содержании до поздней ночи. Мэри теперь имела в своем распоряжении все пьесы Уильяма, но, несмотря на его просьбу искренне высказывать по ним свои замечания, она упорно говорила, что они идеальны.

На следующий день они ходили гулять по городу, чаще всего скрываясь от посторонних глаз в тенистых аллеях парка или присаживаясь у берега реки. Их отношения становились все более близкими и романтическими. Они все дольше молчали во время таких прогулок, держась за руки, если их никто не видел, и не отрывали взгляда друг от друга.

Потом Уильям уезжал. Он догонял своих друзей-актеров, путешествовавших по стране, страдал от разлуки с Мэри, но отчего-то был постоянно в приподнятом настроении, которое более походило на

лихорадку.

— Как там муж? — интересовался Джеймс, когда возвращался Уильям. — Ничего так и не подозревает, наивный чудак? Думает, ты к нему едешь обсудить проблемы покупки десятичных земель в Стрэтфорде?

— Да, представь, он мне дает действительно ценные советы, — кивал Уильям с блуждающей улыбкой на лице.

— Не ревнует тебя к своей жене?

— Ревность — это неправильное чувство.

— Да, когда изменяют не тебе, это очень неправильное чувство. Ты сам, что ли, не ревнуешь Мэри?

— Я — другое дело, — упрямылся Уильям, — я ревную от безысходности. Оттого, что она никогда не будет моей. А Джону повезло: он ее муж и обладает всеми правами.

— Кроме права сидеть с ней ночами и обсуждать прочитанное. Или гулять вдоль реки. Или покрывать ее пальчики поцелуями.

— Прекрати, Джеймс. Как только я вспоминаю эти прогулки, тут же хочу туда ехать вновь. Без Мэри мир теряет краски, тускнеет и становится неинтересным. В ней столько эмоций, столько искренних чувств.

— Советую воспользоваться таким состоянием и написать что-нибудь. Ты еще в этом году не написал ни одной пьесы. Давай поработай немного. А то тратишь со мной слова попусту. Ты же красиво порой выражаешься, Уильям. Садись и пиши. Театру нужны новые пьесы. Сколько можно играть одно и то же.

— У нас большой репертуар, — возразил Уильям, — у нас даже крадут пьесы другие театры. Так что всем хватает.

— Не упрямысь. Твое увлечение Мэри должно получить воплощение на бумаге.

Уильям задумался над словами Джеймса. А ведь и правда. Необязательно посвящать ей сонеты или поэмы. Можно просто написать пьесу. О чем? О любви, конечно. Тут Уильям и не сомневался. Но что это будет? Не историческая драма, это точно. Не комедия. Почему-то писать в честь Мэри комедию не хотелось, хоть она и была бы прекрасной героиней для пьесы о, например, хозяйке гостиницы, расположенной в солнечной Италии. Нет, хотелось чего-нибудь посерьезнее. Как «Ромео и Джульетта»: любовь, страдания, невозможность быть вместе, плохой конец...

— Главной силой в пьесе будет ревность, — сообщил он Джеймсу, — действие происходит в Венеции и на Кипре.

— Кто там у тебя действующие лица? — спросил Джеймс, предвкушая для себя новую роль.

— Мавр, Дездемона и Яго.

— Мавр? Мне придется делать свою кожу черной?

— Почему ты сразу решил играть мавра? — удивился Уильям, — можешь играть главного злодея Яго.

— Могу и Дездемону, — засмеялся Джеймс, — что делает мавр?

— Отелло — муж, который из-за ревности убивает свою жену. Яго ему врет о ее неверности и все подстраивает так, что Отелло верит в эту историю. Мы обсуждали с Мэри рассказ итальянца Чинтио, написанный давно, году в 1566 примерно. Там мавр в итоге убивает жену чулком, наполненным песком. Такие удары не оставляют следов на теле. Затем он обрушивает на ее голову крышу их ветхого жилища, чтобы скрыть злодеяние. Причем убивает он жену руками предателя Яго. Мэри говорила, что ей не нравится в рассказе такая неромантическая смерть жены мавра.

— Да уж, чулок с песком и потом еще обрушившаяся крыша! Романтичного мало.

— Я думаю, в пьесе ее будет душить сам Отелло. И никакой обрушившейся крыши.

— Душить! Это точно моя роль. Пусть и придется постоянно мазаться в черный цвет, — Джеймс закатил глаза и представил себя на сцене, — значит, трагедия? — заключил он.

— Да. О любви и ревности.

— Ты не боишься, что тихий Джон превратится в мавра и тоже задушит Мэри, когда узнает о вашей взаимной привязанности?

— В мавра будешь превращаться ты. И не рисуй мне страшных картин ревности Джона. Есть люди, неспособные на сильные чувства, ни на любовь, ни на ненависть, ни на ревность. Когда я обсуждаю с Джоном стоимость земель, то превращаюсь в такого же спокойного и расчетливого человека. Мне хочется ехать в Стрэтфорд, заключать сделку и вечерами подсчитывать доход.

— Долго ты так не протянешь, — заверил Джеймс, — потому что от скуки задушишь самого себя. Или я приеду из Лондона и увезу тебя обратно в театр.

— Ты помнишь, как мне ничего не хотелось делать оттого, что рядом не было Элизабет?

— Помню. Но твое настроение переменялось. Даже в разлуке с Мэри ты пребываешь в хорошем расположении духа.

— Именно. Но, когда мое настроение снова переменится, я точно уеду в Стрэтфорд, чтобы, как и Джон, рано ложиться спать и размышлять только о получаемых доходах.

— Не верю! — воскликнул Джеймс, со всей силы огревая друга по плечу...

Глава 9

Крестный. 1606 год

Уильям и не предполагал, что на самом деле начнет прислушиваться к советам Джона Давенанта. Навещая Мэри, Уильям всегда беседовал с ее мужем, который и не догадывался, что гость приезжает исключительно к его жене, а с ним беседует из вежливости. Джон постоянно советовал Уильяму вложить деньги во что-то более стабильное, чем театр.

Однажды, когда Уильям приехал повидать семью в Стрэтфорде, ему предложили купить те самые десятинные земли, о которых он пару лет назад рассказывал Джеймсу. Тогда Уильяму и в голову не могло прийти, что он действительно будет их покупать.

Владелец земель долгое время сдавал их в аренду фермерам, но был уже стар и, собравшись переезжать в другое место, к своим детям, решил земли продать.

Уильяма в Стрэтфорде уважали: он преуспел в Лондоне, имел хороший доход, да еще и прекрасный дом в городе. Конечно, существовали и другие желающие совершить выгодную сделку, но предыдущий владелец хорошо знал отца Уильяма, и в итоге это сыграло решающую роль.

— Ты становишься деловым человеком. — Ричард Филд ужинал с Уильямом, когда тот вернулся в Лондон после покупки земли. — Молодец. Никогда не думал, что быть актером настолько выгодно.

— Выгодно не столько быть актером, сколько совладельцем театра, — поправил Уильям, — это разные вещи.

— Согласен. Но и театр мне всегда казался чем-то пустячным. Ты доказал мне обратное. И ты хорошо вкладываешь деньги, что на актера и драматурга тоже не похоже.

— Все это случайность. Мне подсказали, как лучше распорядиться доходом. Я просто послушал совет одного умного человека. И с домом, и с землей мне повезло. Да и сам вести дела я не собираюсь. Там остается тот же управляющий, что вел их при прежнем владельце. Как идут дела в типографии? — перевел Уильям разговор на другую тему.

— Нормально. Не могу, как видишь, похвастаться такими же достижениями, как и ты. Но, в общем, жизнь меня устраивает. Жду сонеты. Но ты уперся и никак не хочешь помочь другу разбогатеть.

— На моих сонетах не разбогатеешь, — засмеялся Уильям. А по спине пробежал неприятный холодок. Он вспомнил странного человека в черном плаще. К сожалению, Ричард не оставлял попыток уговорить Уильяма на публикацию. Для него, видимо, сонеты стали чем-то вроде идеи фикс, которая никак не выходила из головы. Он твердо верил в то, что сонеты принесут баснословную прибыль, что, раз за ними стоит таинственная история, она не сможет не обогатить того, кто первым их издаст.

— Эх, Уильям, говорю же, они все равно появятся. Не мы это сделаем, так те, кто хранит второй экземпляр. А ты понять не хочешь очевидного, — обиженно произнес Филд.

— Они бы давно появились. Мы говорили уже об этом. И совсем не очевидно, что вдруг по прошествии стольких лет кому-то взбредет в голову о них вспомнить. — Уильям и сам надеялся, что второй экземпляр утерян.

— Хорошо. Давай пьесу, — подобные разговоры всегда заканчивались одинаково: Ричард просил новую пьесу Уильяма.

— Пока ничего нового нет. Но нам заказали пьесу в честь короля. Предыдущая, которую писал не я, провалилась. То есть ее запретили.

— Что вы там такого наговорили? — удивился Ричард, зная о том, что «Глобус», являясь королевским театром, старался не ставить пьес, неугодных королю.

— Там упоминался заговор против короля. Это показалось плохим знаком. Не стоит со сцены говорить о заговорах.

— Верно. Лучше говорить о ревности и любви. Гораздо безопаснее. Слышал, что «Отелло» пользуется огромной популярностью. Будто вы с этой пьесой объехали все дворцы и замки в округе.

— Так и есть. А ты все ругаешься со мной из-за сонетов. Я тебе дал такую пьесу для издания! Твои покупатели, наверное, раскупили все тиражи.

— Еще бы. Раскупили, и я ее допечатываю постоянно. Но я и не говорю, что тебе не благодарен. Тут все мне завидуют — иметь такого земляка, как сам Шекспир! И вот еще история. Послушай, — Ричард засмеялся, — жена вечно слушает всякие сплетни. Рассказала мне. Один любитель театра, твой поклонник, находился под таким впечатлением от пьесы, что, посмотрев спектакль, купил у меня книгу. А после книги крестил новорожденную дочь Дездемоной. Не побоялся.

— Чего не побоялся? — не понял Уильям.

— Как чего? Вырастет и ее, как и главную героиню, задушит из ревности какой-нибудь мавр. Моя жена твердо уверена, что называть детей можно только в честь героев со счастливой судьбой.

— Мавров в Англии не так много. Будем надеяться, что в истории ребенка не будет печального финала.

Уильяму было странно слышать о своей популярности. Он не ощущал ее и всякий раз, когда Ричард начинал об этом разговоры, смущался и твердо верил в то, что друг преувеличивает. Успех спектаклей Уильям относил за счет игры актеров, которые талантливо произносили написанные им строки. Поэтому то, что случилось буквально через несколько дней после встречи с Ричардом, Уильяма сильно удивило.

Он был в театре, когда туда принесли записку от Филда: «Срочно приходи. Я тебе должен кое-что показать». Уильям сразу подумал о сонетах.

— Их все-таки кто-то издал, — пробормотал он, глядя на листок бумаги.

После спектакля Уильям пошел к другу. Сам он к тому времени перебрался жить ближе к центру города, и добираться до дома Филда стало гораздо проще.

— Сонеты? — выпалил он, заходя в гостиную.

Марта, накрывавшая на стол, вздрогнула и чуть не выронила тарелку из рук. А Ричард укоризненно покачал головой:

— Ты зачем так кричишь, Уил? Какие сонеты? — спросил он так, будто сам не упоминал это слово по нескольку раз в месяц.

— А что тогда случилось? — немного успокоившись, Уильям присел на стул.

— Вышла книга филолога и историка Чепмена.

— Того, что когда-то написал «Историю Британии»?

— Да. Теперь он написал книгу о выдающихся английских поэтах. В основном он там говорит о старых, давно поумиравших поэтах. Но вот смотри: в конце написано о тех, кто пишет сейчас. Среди прочих — Уильям Шекспир, «чей талант, несомненно, по заслугам оценят будущие поколения», — процитировал

гордо Ричард, — держи. Я купил тебе экземпляр в подарок.

— Спасибо, — Уильям слегка растерялся.

— А теперь о сонетах. Твоя слава растет. Нужно публиковать.

— Нет, — кратко ответил Уильям, — нет, Ричард, делать мы этого не будем.

— Ты упрям, как осел, — рассердился Филд, — ничего тебя убедить не может.

— В этой книге просто упомянули мое имя. Вместе, как я вижу, с еще некоторыми современными поэтами. Среди прочих. Приятно, конечно, но в этом факте нет ничего такого уж поразительного, — Уильям начал потихоньку успокаиваться. Первый эффект от прочитанной Ричардом фразы прошел.

— Хотел обрадовать человека, книжку ему подарил, — бормотал Филд.

— Не обижайся. Если бы не было важной причины, то я отдал бы тебе сонеты. Печатай на здоровье. Ты просто должен поверить, что причина есть и для меня она многое значит. Я рад, что меня упомянули в такой замечательной, толстой книге, — Уильям потряс ею в воздухе, — тяжелая, — он попытался пошутить, чтобы отвлечь Ричарда от мыслей по поводу издания сонетов.

— Ладно, давай ужинать, — предложил Филд.

Но Уильям в тот день торопился домой. Он хотел на следующий день рано утром выехать в Оксфорд. Ближайшие спектакли шли без его участия, и, как он это теперь постоянно делал в течение последних двух лет, он решил навестить Мэри. Книга с упомянутым в ней именем Шекспира не казалась ему таким уж важным делом. По крайней мере, не настолько важным, чтобы отменять поездку.

— Спасибо, Ричард. И не обижайся на меня. Сегодня я у вас ужинать не буду. Еду в Оксфорд.

— Полюбил ты этот городок. У тебя там друзья. Понимаю.

Уильям часто рассказывал Ричарду о беседах с Джоном Давенантом, стараясь на всякий случай поменьше упоминать Мэри. Все-таки их разговоры слушала Марта, а она иногда писала Анне письма. Уильяму вовсе не хотелось, чтобы в них говорилось о его любви.

— Да, навещу Джона. Это ж благодаря ему я теперь владелец земли в Стрэтфорде.

— Поезжай. Потом скажешь, что он там еще тебе присоветовал. Может, и я смогу воспользоваться его умными рассуждениями о деньгах. А то детей вон по дому бегают много, а денег мало, — заключил со вздохом Ричард.

Уильям шел домой и думал о предстоящей встрече с Мэри. Она постоянно занимала все его мысли. И даже когда он думал о чем-то другом, стоял на сцене, они лишь отходили в сторонку, но не покидали его сознание. Об Элизабет Уильям вспоминал все реже и реже. Она больше не приходила к нему в дом, не передавала писем. Два года назад Уильям решил сменить квартиру, в которой жил, на более комфортную и переехал. Он оставил хозяйке свой новый адрес, и она исправно передавала ему почту. Несколько раз он и сам заходил к ней узнать, не спрашивал ли его кто. Но потом Уильям перестал это делать, а постепенно и перестал ждать писем.

Иногда он встречался случайно с Элизабет во дворце. В лучшем случае они кивали друг другу, в худшем проходили мимо. В прошлом году Элизабет родила третьего ребенка, и чувства Уильяма угасли. Будто оплывшая свеча, они застыли в причудливой форме, напоминая иногда о прежней страсти, но не в силах вновь стать такими, какими были когда-то.

Порой Уильяму становилось нестерпимо грустно. Он чувствовал, как быстро бежит время, унося с собой былую любовь и страсть. Он мог сидеть весь вечер у окна, положив перед собой лист бумаги, и не

написать ни строчки.

— Раньше ты писал по три пьесы в год, — упрекал его Джеймс, — а теперь пишешь по одной и то без особого желания.

И действительно, сюжеты Уильяма уже не так увлекали, как в былые времена. Хотя то, что выходило из-под его пера раз в год, не являлось наспех сделанной работой. Это были произведения, написанные с размахом, прекрасным языком. Они неизменно проходили на сцене с успехом.

— Ты ни разу не промахнулся, — удивлялся Джеймс, — ты всегда пишешь то, что хочет видеть публика. У тебя не было ни одной провальной пьесы. В других театрах снимают пьесу за пьесой, переписывают, меняют сюжет. Твои можно ставить, не беспокоясь ни о чем. Даже цензура редко в них вносит исправления. Откуда у тебя такое чутье?

Уильям и сам не знал, почему так получается. В сорок два года он добился славы и успеха, но печаль, однажды поселившаяся в его душе, не собиралась покидать ее. Уильям понял, как была права Мэри, сказав, что счастье надо искать в себе. Раньше он думал, что страдает из-за любви к Элизабет. Но теперь, когда чувства к ней больше не мучили его, он видел, что дело только в нем самом.

Когда тоска, снедавшая его, становилась уж совсем нестерпимой, Уильям ехал к Мэри. Она обладала удивительным свойством поднимать ему настроение одним своим присутствием. Он разговаривал с Джоном, а она просто сидела за столом. Уильям начинал непроизвольно улыбаться, ловить ее взгляды, шутить так, чтобы она рассмеялась еще громче. После этих встреч он писал легче и быстрее, вдохновение посещало его чаще, и бумага, лежавшая перед ним, покрывалась черными строчками.

Если внутренне Уильям замечал за собой неприятные перемены, связанные с плохим настроением и меланхолией, то внешне он изменился не сильно. Высокий, стройный мужчина с аккуратной бородкой, как и прежде, привлекал внимание женщин. Но, как и раньше, его волновала только одна представительница прекрасного пола. Только теперь ее звали не Элизабет, а Мэри.

Уильям любил Оксфорд. Мэри рассказывала ему об истории города, показывала во время прогулок красивые места, любимые ею с детства. Уильяму начало казаться, что он родился не в Стрэтфорде, а в Оксфорде, — так хорошо он его узнал всего за два года. В Стрэтфорд он выбирался все реже. Единственный раз, когда ему пришлось это сделать не по собственной воле, был связан со смертью отца. Неожиданно пришедшее известие заставило Уильяма собраться в дорогу. Он никогда не был особенно близок с отцом, но его уход стал для Уильяма ударом, который он пережил с трудом.

* * *

— Уильям, проходи. Рад тебя видеть, — произнес искренне Джон, пропуская Уильяма в дом, — рассказывай, какие новости в столице.

— Все по-прежнему. Такое ощущение, что жизнь застыла. Ничего нового ни у кого не происходит.

— Как же? — удивился Джон. — У вас там и заговоры, и балы, и маскарады. Рождество, говорят, королевский двор праздновал целый месяц.

— Может быть, — хмыкнул Уильям, — не заметил. Заговор был — хотели взорвать порох в том зале, в который должен был прийти король. Но его вовремя раскрыли. Как и в случае с Эссексом, планы заговорщиков провалились. Разве ж это новости? Последней новостью была смерть королевы три года назад. Ни до, ни после, Джон, по-настоящему мир ничто не потрясло.

— Видимо, лишь проживая в таком захолустье, как мы, кажется, что эти события играют важную роль. Ты живешь в Лондоне и воспринимаешь их как должное.

— Наверное, — согласился Уильям, — но мне и моя жизнь не кажется интересной. И только когда я приезжаю к вам, она как-то меняется к лучшему.

За столом на время установилась тишина. Мэри пыталась найти слова, которые приободрили бы Уильяма, Джон подумывал предложить Уильяму купить небольшой участок земли, который продавал его брат. Сам гость размышлял о том, как скучно проходит его существование в столице, где основным развлечением были беседы с друзьями из театра за кружкой пива в таверне.

— Ты пишешь что-нибудь? — нарушила молчание Мэри. — Давно мы ничего не читали из твоих пьес.

— Да, собираюсь писать по заказу короля. Пока читаю об истории Шотландии. Думаю, ему будет приятно, если пьеса будет посвящена событиям, происходившим на его родине.

— Вот видишь, как ты проводишь время, — Мэри всплеснула руками, — за чтением книг по истории Шотландии. А притворяешься, что тебе скучно. Потом будешь писать пьесу для самого короля.

— Он к этому привык, — встрял Джон, — постоянно ходит во дворец, видит Якова, как вот нас с тобой. Человек быстро ко всему привыкает.

— Верно, — кивнул Уильям, — постоянные развлечения теряют свою привлекательность. Тем более что развлекают не нас, мы развлекаем. Когда в город приходит чума, он пустеет — словно из театра уходят все зрители и актеры. Потом все начинается сначала. Постепенно Лондон опять наполняется людьми, представления продолжаются. Смерть не пугает, к ней привыкли и не видят в ней ничего страшного. Казни проходят при огромном стечении народа. Для них это тоже развлечение.

— Ты говоришь ужасные вещи, Уильям, — Мэри погрустнела, — когда умер твой отец, ты очень горевал. Нельзя привыкнуть к смерти.

— Прости, Мэри, я тебя расстроил. Я имел в виду, что мы привыкли видеть смерть и перестали ее бояться. Конечно, когда вдруг она касается твоей семьи, тебя лично, мы внезапно понимаем, что значит терять близкого человека навсегда. Но человек странно устроен. После смерти сына я думал: буду проводить много времени с дочерьми, постоянно буду приезжать к ним, оставаться в Стрэтфорде подольше. А сейчас опять езжу туда редко. Они выросли без меня и уже совсем не дети.

— Ты переживаешь из-за этого?

— Пожалуй, нет. Вот что плохо. Привык быть один. Думаю, и я им тоже давно не нужен.

— Это не так. Я уверена, — возразила Мэри, — ты им нужен. С таким отцом, должно быть, интересно поговорить, спросить совета.

Уильям засмеялся:

— Какой я советчик! Сам приезжаю к вам за советами. И говорить со мной им не о чем. Мой младший брат любит разговаривать о театре. Хочет, как и я, стать актером. Переехать в Лондон. А дочкам лучше говорить с матерью.

— Так к тебе приедет брат?

— Скорее всего, да. Я не пытался его отговаривать, потому что помню тот пыл, с которым сам рвался в Лондон. Устрою к себе в театр...

Уильям долго потом вспоминал ту поездку в Оксфорд. Он словно предчувствовал, что она станет для него особенной. В этот раз с Филдом поделиться было нечем: разговоры о жизни и смерти его не особенно интересовали.

Летом в город пришла чума: Уильям будто предугадал ее скорое появление. Но выехать на гастроли театр сразу не мог. В загородных дворцах короля они должны были давать представления в связи с пребыванием в Англии брата его жены. Жена Якова родом была из Дании. А датчане славились своим умением повеселиться. Король Дании Христиан Четвертый приехал с большим количеством подданных. Яков не хотел упасть в грязь лицом и созвал для забавления родственников всех, кого мог, включая театр «Глобус».

Датчанам все равно было скучновато. И увеселения продолжались круглые сутки, несмотря на свирепствовавшую в Лондоне чуму. Столы ломились от яств и напитков, актеры ставили каждый день новые спектакли, музыканты играли свои произведения, устраивались танцы и маскарады.

Уильям скучал по Мэри, по спокойным вечерам в Оксфорде и проклинал про себя активных родственников королевы.

— Как они не устают? — спрашивал он Джеймса. — Еле порой на ногах стоят.

— Ты видел, они падают лицом прямо в тарелки. Их платья все в пятнах от вина и жира, капающего с мяса. Удивительная нация.

— Когда они уезжают домой, не знаешь? Когда нас отсюда выпустят?

— Неизвестно. Спросить не осмеливаюсь. Пока велят находиться при дворе. Мы не имеем права ослушаться: у нас королевский театр.

— Я помню, — кивнул Уильям, — но я надеялся этим летом навестить Мэри и успеть съездить в Стрэтфорд.

— Планы пока придется отложить на неопределенный срок.

— Зачем мы им нужны, не пойму, — продолжал возмущаться Уильям, — сама королева принимает участие в любительских постановках, которые организуют при дворе.

— Видимо, этого мало. Удовлетворить собственное тщеславие — одно, посмотреть на игру профессионалов, — Джеймс гордо выпрямил спину, — другое.

— Разве они замечают разницу? — ехидничал Уильям.

— Помолчи. А то обвинят в заговоре и будешь на потеху совсем другой публике казнен на площади в Лондоне.

— Ты про то огромное колесо, на котором четвертуют осужденных?

— И про него тоже. Но методов довести человека до смерти теперь так много, что не знаешь, что и выбрать...

Датчане пробыли в Англии целый месяц. Но Уильяму показалось, что они гостили год, не меньше. Он успел устать от их громких голосов и пьяного смеха. Во время спектаклей родственники королевы, не смущаясь, комментировали происходившее на сцене, вставали со своих стульев, чтобы взять очередную тарелку с едой или наполнить бокал вином, шумели, спотыкались, чертыхались и порой заглушали речь актеров.

В начале июля дворцы опустели. Звенящая тишина растеклась по залам. Актеров и музыкантов отпустили восвояси. Возвращаться в Лондон было по-прежнему опасно, и трупы сразу отправлялись гастролировать по стране. В первую очередь Уильям поехал в Оксфорд. Ему не терпелось увидеться с Мэри. Он не получал от нее писем, которые если и приходили, то в его квартиру в Лондоне. Рисковать возвращаться в город, где царил чума, он не стал.

Дороги были полны людьми, бежавшими от страшной болезни. Уильям продвигался к своей цели медленно, иногда не имея возможности обогнать длинные вереницы телег, двигавшихся в непонятном направлении. Он злился, бессильный предпринять какие-нибудь меры, чтобы ехать быстрее. Почему он так торопился, Уильям и сам не знал. Но неведомая сила гнала его в Оксфорд, и когда он, наконец, достиг своей цели, то вздохнул с облегчением.

Обычно Уильям приезжал на постоянный двор, устраивался в комнате, которую для него всегда держали свободной, и на ужин приходил в дом Давенантов. В этот раз желание увидеть Мэри было столь велико, что он сразу отправился в таверну, надеясь застать ее там. Она, как обычно, сновала между столиками. Ее нельзя было не заметить. Но что-то неуловимо изменилось в облике Мэри. Движения стали более плавными, смех не таким залившимся. Она немного располнела, и юбки уже не так лихо взлетали от ее движений.

Мэри увидела его и остановилась на полпути на кухню. Она сделала несколько шагов ему навстречу.

— Уильям! Я не ожидала тебя здесь увидеть, — произнесла Мэри негромко.

— И сам не знал, когда приеду. Мы развлекали датских родственников королевы. Целый месяц переезжали из одного загородного дворца в другой.

— Я писала тебе. Ты не получил писем?

— Я не был в Лондоне все это время. Там сейчас чума. Я не стал туда даже заезжать. Сразу поехал к тебе.

— Хорошо, — Мэри поправила растрепавшиеся локоны, — сейчас предупрежу, что отойду ненадолго, и мы с тобой сможем прогуляться.

Вскоре Мэри вернулась, они вышли на улицу и пошли в сторону реки:

— Мне нужно сказать тебе, Уильям, кое о чем. Я тебе писала в письме, но раз ты его не получил, то расскажу сейчас.

— Что-то случилось? — он начал беспокоиться.

— Да, — Мэри остановилась и посмотрела ему в глаза, — у нас будет ребенок.

— У тебя и у Джона? — переспросил Уильям, не совсем понимая, что она ему сказала.

— У меня и у тебя. Уильям, это твой ребенок. Я в этом уверена...

— Почему? — опять задал он глупый вопрос, продолжая находиться в каком-то непонятном состоянии.

— Женщина всегда знает, от кого у нее ребенок. Конечно, Джону я соврала. Вы, мужчины, в этом деле совсем не разбираетесь. Или не хотите разбираться. Короче говоря, ты не должен волноваться. Джон считает ребенка своим. Он будто и не замечает наших с тобой отношений.

— Но, если ребенок мой, я бы хотел, когда он родится, видеться с ним, хоть иногда, — Уильям вспомнил про ребенка Элизабет. Наверняка и она точно знала, чья это дочь. Но говорить ему об этом не хотела. Он вспомнил рано умершего сына. Горечь захлестнула его сердце, — пожалуйста, Мэри, только не лишай меня общения с ним.

— Я и не собиралась, — Мэри с удивлением увидела слезы в его глазах.

— Я сделаю для него все, что в моих силах.

— Уильям, я предложила Джону просить тебя быть малышу крестным отцом. Джон обрадовался и сказал, что, если ты согласишься, сочтет за честь.

— Это я сочту за честь, — Уильям нежно прижал Мэри к себе, — спасибо тебе. Я никогда не забуду, как ты ко мне была добра.

Мэри тоже захотелось заплакать. Она бы все отдала, чтобы Уильям мог быть с ней. Хотя бы чтоб он предложил ей бежать с ним в Лондон. Она бы отказалась, но ей было бы приятно оттого, что он сказал эти слова. Но Уильям молчал. Он принял ситуацию такой, как ее преподнесла Мэри, и не собирался в ней ничего менять. Он был тронут ее поступком, но Мэри хотелось красивых слов. Таких, какие он так талантливо писал в пьесах.

— Как жаль, — все-таки произнесла она еле слышно, уткнувшись ему в плечо.

— Что, Мэри? — переспросил Уильям.

— Нет, ничего. Джон будет рад, что ты приехал. Он тоже ждал тебя.

— Я люблю вас обоих. Наверное, это ужасно, но я тебя к Джону даже не могу ревновать. Он мой друг, и я благодарен вам за то, как вы ко мне относитесь.

— Да, Уильям, мы тоже оба тебя любим, — Мэри вытерла глаза платком и улыбнулась, — пойдём обратно.

За ужином Джон поделился с Уильямом новостью.

— Осенью мы ждем пополнения в семье, — сказал он гордо.

— Я уже сказала Уильяму, — Мэри улыбнулась, — и в том числе о том, что будем рады его видеть в качестве крестного отца.

— Ты согласен? — Джон вопросительно посмотрел на друга.

— Конечно. Как я мог не согласиться, — искренне ответил Уильям.

— Тогда, что бы ни случилось, ты должен в конце года быть у нас.

— Мэри, наверное, следует поменьше работать в таверне, — осторожно заметил Уильям, — побольше гулять и отдыхать.

— Вот и я ей это же говорю. Может, она хоть тебя послушает. Мэри, ты слышишь, тебе надо прекратить проводить весь день на кухне.

— Мне будет скучно. Пока я хорошо себя чувствую, я хочу продолжать общаться с людьми.

— Упрямая. Не переубедишь, — Джон с нежностью посмотрел на жену.

В то лето Уильям часто гостил у Джона и Мэри. Ему стало казаться, что они — его настоящая семья. Мэри всегда спрашивала о том, что он пишет, что играет в театре. Джон интересовался его финансовыми делами, давал полезные советы. В Стрэтфорде Уильям появился всего раз, и то проездом: его театр играл неподалеку.

Осенью, вернувшись в Лондон, он ждал известий от Мэри. В любом случае Уильям собирался к ним ехать на Рождество, не полагаясь на почту, — ребенок уже точно должен будет к тому времени родиться.

— И ты веришь в то, что это твой ребенок? — Джеймс и Уильям сидели в любимой таверне неподалеку от театра.

— Зачем Мэри врать? — удивился Уильям. — Она остается с мужем, но считает, что я должен знать правду. А я чувствовал: случится какое-то важное событие. И вот, видишь, был прав. Я так летом спешил в Оксфорд — знал, что меня там ждут известия.

— Ты счастлив. Не пойму почему. Твоего ребенка будет воспитывать чужой человек.

— Джон не чужой человек, — поправил Джеймса Уильям, — он стал мне близким другом. Джон будет прекрасным отцом, я уверен. Я же собираюсь принимать участие в воспитании ребенка, насколько смогу. Уверен, крестный отец — это накладывает даже больше обязательств.

— Хорошо, — сдался Джеймс, — раз ты так смотришь на вещи, то делай, как знаешь. Кстати, о твоём брате. Эдмунд прекрасно справляется с ролью. Видимо, вы с ним в этом похожи.

— Я рад. Надеюсь, в моей жизни началась светлая полоса. Скоро родится ребенок, младший брат, которого я так люблю, живет теперь со мной в Лондоне. Пьеса, написанная в честь короля, прошла с успехом. Несмотря на твои предостережения.

— В «Макбете» пахнет заговором, — усмехнулся Джеймс, — но король, видимо, был так впечатлен шотландскими ведьмами, легендами и сказками его родины, которые ты умело вставил в повествование, что не обратил на это внимания.

— Мне очень помогла Мэри. Мы с ней этим летом обсуждали книги о Шотландии, сюжет. Она молодец. Могла бы и сама писать книги.

— Пусть пишет, — пошутил Джеймс, — нам новые пьесы никогда не помешают. Возьмем ее в театр постоянным драматургом.

— А что? Подаю ей идею. У Мэри и вправду богатое воображение, и она много читает. Почему бы и не попробовать писать?

— Эх, Уильям! Эта женщина совсем вскружила тебе голову. Мою шутку ты воспринял серьезно.

— Потому что в твоей шутке кроется истина.

— Если Мэри дает тебе советы по поводу твоих пьес, это вовсе не значит, что она сможет писать сама. И потом, она женщина.

— И что? Мы будем первым театром, в котором будут идти пьесы, написанные дамой.

— Это у тебя богатое воображение, — Джеймс вздохнул, — но тебе оно необходимо. Ничего не поделаешь...

В тот же день Уильям сел писать письмо Мэри. Правда, прежде он поговорил с братом. Эдмунду было двадцать пять. Он обладал спокойным характером и приятной наружностью, что располагало к нему людей. Мать не хотела отпускать его с Уильямом в Лондон. Но мягкий Эдмунд смог настоять на своем, не без поддержки старшего брата...

— Эдмунд, как ты думаешь, что если пьесы начнет писать женщина? Ты можешь себе такое представить?

— Почему нет? — флегматично ответил молодой человек, — женщины умеют писать стихи. Могут написать и пьесу. Королева Елизавета, говорят, писала очень неплохо. И сейчас при дворе ставят любительские постановки. Якобы этим очень увлекается жена короля.

— Видел я эти спектакли, — махнул рукой Уильям, — ничего заслуживающего внимания. Джеймс считает, что предлагать Мэри Давенант писать пьесы — бредовая идея, хоть и он сам ее предложил. Теперь оправдывается, говорит, что пошутил.

— Я представил себе афишу «Глобуса»: название, предположим, «Макбет», и автор: «Мэри Давенант» вместо «Уильям Шекспир», — Эдмунд почесал в затылке, — где-то я склонен согласиться с Джеймсом. Выглядеть будет странно. Мэри не королева. И даже не придворная дама. То, что прощают им,

могут неправильно понять в отношении других женщин.

— А мне так по душе эта идея. И Мэри было бы не так скучно сидеть в Оксфорде с маленьким ребенком. Это сейчас она проводит все время в таверне и общается с посетителями. Хотя, наверное, уже не проводит, — Уильям вспомнил, что приближается срок родов, — так тем более, — заключил он. Эдмунд задумался.

— А почему бы не выдать ее за мужчину? — неожиданно предложил он. — Мы играем женские роли. Мэри будет изображать мужчину. На афише можно написать чье-нибудь вымышленное имя, — он опять замолчал, — еще она может писать вместе с тобой.

— Она и так мне помогает. Всегда обсуждает то, что пишу. Читает на эту тему книги.

— Ты пишешь мало — одну пьесу в год. В этом году тебе ее пришлось писать, потому что пьесу заказал король. А так Мэри сможет придумать что-то новое. Ты лишь поправишь текст.

— Спасибо, Эдмунд, — Уильям посмотрел с любовью на брата. Он всегда любил его, а после смерти сына привязался к нему еще сильнее. Эдмунд стал ему вторым сыном. Он был похож на молодого Уильяма только внешне. И то его волосы были чуть светлее, а черты лица мягче и так тонко очерчены. Характером Эдмунд скорее пошел в мать: добрую, спокойную женщину.

— Не за что. Правда, неизвестно, как Мэри воспримет твоё предложение. Ты же не знаешь её мнения на этот счет. Пока ты разговаривал о ней с Джеймсом и со мной. Главная героиня пьесы пока сидит в Оксфорде, вынашивая ребенка, в неведении.

— Я скоро туда отправляюсь. Ты помнишь, я будущий крестный. Думаю, не буду ждать от нее письма. Поеду заранее. В начале декабря дороги станут совсем плохими. Начнет рано темнеть. Добираться до Оксфорда будет непросто.

— Правильное решение, — одобрил Эдмунд, — на Рождество в Стрэтфорд вместо тебя съезжу я.

— Ты не строй больших планов, — предупредил Уильям, — ты только начал работать в театре. На праздники мы даем много спектаклей. Нас приглашают в дома знатных вельмож и к самому королю. Последние годы Рождество растягивается на месяц. Я могу уехать, потому что давно в театре, дружу с Джеймсом и заранее его предупредил, что уеду. А раньше я всегда на праздники работал.

— Ничего страшного. Я сам этого добивался. Значит, останусь, — ответил невозмутимый Эдмунд.

И все же известие от Мэри застало Уильяма в Лондоне. Она сумела передать письмо с одним из знакомых, ехавшем в столицу.

— У меня родился сын! — сообщил он Джеймсу, ошеломленный радостной новостью. — Все, еду в Оксфорд. Это сам Господь решил простить мне часть грехов и подарил сына.

Уильям попрощался с братом, зашел в гости к Ричарду Филду, чтобы поздравить с наступавшими праздниками и сделать подарки его детям. Ричард, не теряя надежды разбогатеть, опять попросил Уильяма расспросить Джона, что ему надо для этого предпринять.

— Ты не представляешь себе, как мне хочется так же как ты, сидеть дома и ничего не делать, — завел свою старую песню Ричард, — ты даже уже можешь себе позволить не играть постоянно в театре. Пишешь всего одну пьесу в год вместо предыдущих двух-трех. И при этом получаешь хороший доход.

— Тоже вложи деньги, — устало советовал Уильям, — купи дом или землю, войди с кем-нибудь в долю. Да вот хотя бы с владельцем трактира. У нас рядом с театром трактир, в котором мы постоянно сидим с Джеймсом. Хозяин хочет купить дом в Лондоне. Один он эту сделку не потянет. Мы с Джеймсом

подумываем вложить деньги в покупку. Джон всегда советует покупать дома и землю. Он считает, что такие вещи не теряют в цене и приносят постоянный доход.

Располневший и облысевший Ричард со вздохом почесал свое пузо. Он ничуть не походил на того молодого мужчину, к которому когда-то пришел, приехав в Лондон, Уильям. Ричард все больше ворчал и жаловался на жизнь.

— Нет, не смогу, — еще громче вздохнул он, — лишних денег нет. Все уходит на детей. Учи их, обувай, одевай. Корми, в конце концов. А едят они, скажу я тебе, немало. И типография требует денег: то купи, это купи. Книжки потом надо еще продать. Иначе и близко не окупишь своих расходов. Плати, значит, помощнику, который работает в магазине, помощнику, который работает в типографии. Нет, не выйдет. А ты вот опять устроился. Будешь владельцем лондонского дома. Почему бы тебе, кстати, не купить дом себе? Снимаешь все квартиру. Уж сколько лет тут живешь. Я и то этот дом выкупил.

— Не хочу. Зачем? У меня есть дом в Стрэтфорде. Этого вполне достаточно. В Лондоне нам с Эдмундом места хватает. Мне одному хватало тем более. Честно тебе скажу: я не планирую жить в Лондоне до конца дней своих. Мы беседовали как-то с Джеймсом, и я ему сказал, что собираюсь перебраться обратно в Стрэтфорд. Там и воздух чище, и народу поменьше. Пока вроде остался, но не думаю, что надолго. Не нравится мне здесь, Рич.

Филд кивнул и задумался. Он и сам порой не знал, правильно ли сделал, уехав однажды в столицу. В отличие от Уильяма, в Стрэтфорд он практически не навещался. Дела в типографии, разраставшаяся семья не давали возможности отлучаться надолго из Лондона. Гнала его оттуда только чума. Но чаще даже во время эпидемий Ричард отправлял к родственникам жену и детей, а сам с риском для жизни сидел, запершись дома, боясь, что мародеры, бесчинствовавшие в городе, обчистят и его.

В Оксфорде царил оживление, характерное для всех английских городов и деревень в преддверии Рождества. Конечно, Лондон превосходил их всех по пышности убранства и количеству развлечений. Но Оксфорд отличался от других тем, что в нем круглый год царили студенты. На Рождество они устраивали собственные представления, ставили спектакли и пугали жителей ночными выкриками, возвращаясь из очередной таверны.

Уильям был уверен: он чувствует себя в этом городе моложе и счастливее не только из-за Мэри, но и потому, что в нем присутствовала постоянная атмосфера зажигательного молодого веселья.

Его, как всегда, радушно приняли в доме Давенантов. Мэри чуть располнела, но если во время беременности она чаще грустила, то теперь опять по-прежнему улыбка играла на ее лице. Она не отходила от младенца, постоянно брала его на руки, напевая что-то тихонько ему на ушко. Уильяму не хотелось оставлять их ни на минуту. Но слишком уж демонстрировать свои отцовские чувства перед Джоном он не стал. Впрочем, Джон сам нашел такой привязанности объяснение, и оно его вполне устраивало.

— Я рад, — сказал он за ужином, — что ты, Уильям, с помощью нашего сына смог заполнить пустоту в сердце, которая в нем образовалась после смерти Гамлета. Мы с Мэри решили назвать сына Уильямом. В честь тебя.

Уильям был растроган. В честь него впервые называли ребенка, он впервые становился крестным отцом. Также впервые он почувствовал ответственность за своего сына, неведомую ему прежде.

На следующий день после его приезда, когда они с Мэри остались вдвоем, она немного неуверенно, с трудом подбирая слова, сказала:

— Прости, Уильям, но мне придется тебе сообщить о том, что я решила. Я решила, что мы с тобой не

должны больше встречаться. То есть мы будем друзьями, но изменять Джону я больше не смогу. Он благородный человек, и пользоваться его добродушием и наивностью для меня после рождения сына, которого Джон так искренне любит, стало невозможным. Я люблю тебя, как и прежде, но постарайся меня понять.

Уильям подошел к колыбельке, в которой посапывал его тезка.

— Знаешь, я готов пойти на любые жертвы, лишь бы видеть своего сына. И тебя, конечно. Ты права, и у нас нет иного выхода. Только не лишай меня возможности встречаться с вами. Это единственная радость в моей жизни. Помнишь, как ты говорила, что счастье нужно искать в себе. Так вот, я нашел его в тебе, а теперь и в сыне.

— Я тебя всегда жду. И маленький Уильям будет тебя ждать. Этот дом для тебя открыт, — Мэри ласково провела по волосам Уильяма, — я все-таки надеюсь, что ты и в себе отыщешь счастье. Оно просто спряталось где-то до времени.

— Я верю тебе. Но мне достаточно и того, что есть.

После этого разговора Уильяму стало легче. Он спокойно смотрел Джону в глаза, зная, что больше не обманывает его. Ребенка покрестили, и Уильям получил официальный статус крестного. Он часто брал ребенка на руки и любовался маленьким личиком. Воспоминания о собственных маленьких детях совершенно стерлись из его памяти, и он будто открывал для себя все заново. Джон целый день проводил в делах, на постоялом дворе, в таверне, уезжал проверять другие принадлежавшие ему хозяйства. Поэтому сын лучше реагировал на появление крестного, которого видел целыми днями, чем на появление родного отца. Уильям относил это еще и на тот факт, что сын должен был чувствовать, кто ему приходится настоящим отцом.

Было у Уильяма время и на беседы с Мэри. Он предложил ей писать пьесы под чужим именем или писать вместе с ним. Вначале она удивилась и пыталась доказывать, что у нее нет таланта, что она не сможет. Но через некоторое время Мэри сама заговорила на эту тему:

— Я постараюсь. Мне страшно, что я не справлюсь, но ты мне доверишься, а это главное. Я подумала, о чем хотела бы писать. Знаешь, о чем и как пишешь ты, у меня не получится. Если ты даешь мне такую возможность проявить себя, я бы писала сказки. Ну, что-то похожее на легенды, сказки, предания. Мне самой пока неясно до конца, какими эти пьесы получатся. Скорее всего, так сразу я и не напишу ничего. Слишком неожиданно твое предложение.

— Торопиться некуда, — заверил ее Уильям, — у тебя впереди вся жизнь. В отличие от меня. Мне многое стало неинтересно. А ты можешь подумать, попробовать. Я прочитаю, скажу тебе свое мнение. Хотя совершенно необязательно к нему прислушиваться. Но я много лет проработал в театре и посмею высказывать тебе свое суждение. Тебе решать, как поступать дальше. В любом случае Джеймсу я пьесы покажу. Если он поймет, что их можно ставить, то они будут разыграны перед зрителем.

— Ты на самом деле считаешь меня талантливой? — Мэри смутилась и опустила взгляд. — Никогда не задумывалась о том, что могу писать.

— Не только счастье в нас самих, но и талант тоже. Я счастье в себе не нашел, но с детства чувствовал талант, ну или способности, желание писать. Это ощущение было внутри. Его и искать не надо было. Поэтому поищи талант. Почему-то я уверен, что он в тебе живет. В такой женщине не может не быть таланта...

Настало время возвращаться в Лондон. Уильяму больно было покидать сынишку, но остаться в Оксфорде насовсем он пока не мог. Когда-то давно в столице его держали работа, желание писать, друзья.

Потом любовь к Элизабет, которая продолжалась несколько лет. Теперь осталось одно — помочь брату. Уильям понимал, что его помощь еще может понадобиться. Вот встанет Эдмунд окончательно на ноги, обустроится, и появится возможность уехать.

А уж предложив Мэри попробовать себя в написании пьес, он обязан был помочь и ей, если она не испугается и напишет все-таки что-нибудь. Уильям осознавал, что с маленьким ребенком осуществить задуманное ей будет непросто. В лучшем случае у нее займет год, чтобы написать первое произведение.

Таким образом, мысленно подвел итог своим размышлениям Уильям, в Лондоне его держали два человека, Эдмунд и Мэри. По меньшей мере, оставаться там ему придется года два. Что ему готовит судьба, какие повороты, Уильям не ведал. Поэтому старался наперед не загадывать и неспешно скакал в сторону столицы...

Глава 10

Время перемен. 1607–1608 годы

Как ни странно, одно из запланированных дел было сделано уже в первой половине нового года. Мэри быстро отыскала в себе талант и, долго не мучаясь, написала первую пьесу. Уильям с удивлением обнаружил, что это была романтическая комедия, которую скорее даже можно было назвать пародией на романтические драмы.

«Так вышло, — писала ему Мэри в письме, оправдываясь, — у меня не получилось придумать что-либо серьезное. Если тебе не понравится, порви, выброси, сожги!»

«Дорогая Мэри! Ничего жечь не пришлось, — написал Уильям в ответном письме, — Джеймс берет пьесу в театр, хоть и считает ее слегка рискованной для постановки. Но театру нужны новые, талантливые драматурги — как всегда, впрочем, — поэтому он попросил меня немного поработать над твоим произведением, сгладив некоторые острые моменты и поправив мелкие недочеты. Для человека, впервые написавшего для театра, ты прекрасно справилась со своей задачей. Просто не забывай, что мы — слуги Его величества. Я отправлю тебе скоро исправленный вариант. Пожалуйста, прочитай и одобри мои исправления.

Забыл упомянуть: ты пишешь под именем Франс Бомонд. Если оно тебя устраивает, тоже сообщи».

Далее Уильям передавал приветы Джону и сыну и высказывал надежду на скорую встречу. Мэри ответила быстро. Она была на все согласна: и на правку, и на свою новую фамилию:

«Не трать время, дорогой Уильям, на пересылку текста пьесы. Я безгранично доверяю тебе и твоему таланту. Как исправишь, отдавай сразу господину Бербриджу. Я согласна с любыми исправлениями, которые ты решишь внести в мой далекий от совершенства текст».

Так к лету в репертуаре «Глобуса» появилась пьеса Франса Бомонда. Она имела большой успех, и Уильям лишь сожалел, что Мэри не могла присутствовать на премьере и увидеть своими глазами, как смеялась и аплодировала публика. Уильям тут же написал ей новое письмо, в котором подробно описывал реакцию зрителей:

«Некоторые смеялись до слез, заглушая реплики актеров. Продолжай писать, Мэри. Не оставляй этого занятия. Франс Бомонд теперь числится в списке авторов нашего театра. Деваться некуда!»

Конечно, Уильяму было сложно довольствоваться ролью крестного собственного сына и ролью друга любимой женщины. Но успех Мэри придавал ему сил и поднимал настроение. У него появился еще один повод общаться с ней, принимать участие в ее жизни, приезжать в Оксфорд.

Собственная жизнь Уильяма интересовала куда меньше. Он был рад, что смог обеспечить семью в Стрэтфорде и Анна уже давно не спрашивала его, почему он приезжает так редко. Ей стало это безразлично. И даже, напротив, Уильяму порой казалось, что Анну тяготит его редкое присутствие в доме. Она ворчала и выказывала неудовольствие по любому поводу. Уильям предпочитал отсиживаться на втором этаже, перечитывая бумаги, которые ему отдавал управляющий, или пытаясь писать.

Как-то раз, направляясь в гости к Филду, с которым Уильям в последнее время виделся нечасто, а потому всегда старался откликаться на редкие приглашения друга к ужину, он встретил Элизабет. Она прогуливалась возле собора в окружении трех дочерей. Чуть поодаль шла прислуга.

— Уильям, добрый вечер, — поздоровалась Элизабет, поравнявшись с ним, — как твои дела? — Она

остановилась. Девочки встали рядом.

— Хорошо. Полгода назад у меня родился сын, — Уильям и сам не знал, зачем сказал это. Он пылливо посмотрел на старшую из дочек. В душе ничего не шевельнулось.

— Поздравляю. Не думала, что твоя жена еще может выносить ребенка. В ее-то возрасте.

Уильям удивился резкому замечанию Элизабет.

— У меня тоже в прошлом году родился сын, — продолжила она.

— Сын Генри? Новый граф Саутгемптон? — Уильям понял, что сморозил глупость, но было уже поздно.

— Да, — Элизабет гордо подняла голову, — четвертый граф Саутгемптон.

— Рад за вас.

— Ты, я знаю, все играешь в театре. Никак не оставишь актерское ремесло.

— Играю не так часто. В театре больше идут мои пьесы. Да я и их пишу гораздо реже.

— Отчего так? — Элизабет приподняла удивленно брови. Младшая дочка теребила ее за платье, и Элизабет время от времени пыталась отцепить от него маленькую ручку.

— Нет желания. Устал.

— Чем же ты занимаешься? Ездишь в Стрэтфорд? Поэтому и получил в награду наследника?

— Мой младший брат переехал в Лондон, тоже играет в театре. Я помогаю ему. Еще я помогаю молодому драматургу из Оксфорда, — Уильяму захотелось сказать что-то о Мэри.

— Как его зовут? — заинтересовалась Элизабет. — Может, нам устроить его спектакль в замке моего мужа?

— Франс Бомонд. Пока всего одна его пьеса идет на сцене «Глобуса». Но успех имеет большой. Для начинающего автора даже, можно сказать, ошеломляющий.

— Так же ведь было и у тебя, Уильям, не так ли? Что ж, скажу мужу. Пусть пригласит вас летом. Было бы интересно посмотреть что-то новое, — Элизабет опять попыталась отцепить маленькую ручку, тянувшую ее за платье, — мы пойдем. Была рада тебя увидеть.

Уильям попрощался и остался стоять на площади, глядя ей вслед. Он был бы, наверное, даже рад, если бы в его сердце что-то шевельнулось, сжалось, заболело. Но, глядя вслед невысокой женщине, следовавшей к богато украшенному вензелями экипажу, он понимал, что видит незнакомку.

— Элизабет, ну почему так случилось, что мы разлюбили друг друга? — тихо проговорил Уильям. — Почему мы оба настолько изменились?

— Марта говорит, ты стоишь возле двери, разговариваешь сам с собой и не собираешься заходить, — раздался над ухом голос Ричарда, — она увидела тебя из окна...

Новости из Стрэтфорда принес Эдмунд.

— Моя племянница выходит замуж, — объявил он Уильяму, — в июне. Нам бы следовало присутствовать на свадьбе.

— Ты имеешь в виду мою дочь Сьюзен? — переспросил Уильям.

— Да, твою старшую дочь Сьюзен, — подтвердил со смехом Эдмунд, — она год встречается с переехавшим в Стрэтфорд врачом.

— Не знал, — Уильям удивленно покачал головой, — неужели моя дочь выходит замуж? С трудом могу в это поверить. Неужели я так стар?

— Ей двадцать пять лет, — напомнил Эдмунд, — давно пора. Наша матушка очень беспокоилась по поводу своей внучки. Так что дело не в твоей старости, а в ее зрелом возрасте. Ты редко бываешь дома, Уил. В этом все дело. Пропускаешь такие события!

— Надо ехать, — забеспокоился Уильям, — когда свадьба?

— Мать пишет 27 июня. Следует поторопиться.

Это известие Уильяма потрясло. Но в целом он был доволен.

— Свадьба дочери, конечно, шок для отца, — делился он с Джеймсом, — вдруг понимаешь, что дети выросли, а ты постарел. А я не расстроился. Я доволен. Главное, чтобы ее муж не оказался таким же разгильдяем, как я. Эдмунд говорит, он врач. Так что, надеюсь, должен оказаться человеком ответственным.

— Скажи, на кого похожа твоя дочь? — заинтересовался Джеймс. — Ты никогда толком о ней не рассказывал.

— Внешне она похожа на Анну, — Уильям представил себе Сьюзен и Анну в ее возрасте, — у нее такие же, как и у матери, светлые, вьющиеся волосы. Она высокого роста, широка в бедрах и обладает такой же способностью, как и мать, заполнять собой все окружающее пространство.

— А характер?

— Характер мой. Хотя точно трудно сказать. Она же женщина. Но Сьюзен всегда была решительной и в то же время вдумчивой. Она умеет слушать, но и не молчунья. Эдмунд говорит, ей давно пора было выйти замуж. А я и не замечал, что Сью выросла. Да и ее мать вышла за меня замуж, когда ей было двадцать шесть. Видимо, в этом Сьюзен в мать.

— Так, глядишь, у тебя и внуки пойдут, — безрадостно усмехнулся бездетный Джеймс, — я вот всю жизнь посвятил театру. Ты умудрился успеть везде. Дети есть, будут внуки. Есть жена, и есть возлюбленная.

— Эх, вот и Ричард мне тоже завидует. Только не тому, что ты. Потому что этого добра у него самого полно. За исключением, пожалуй, любовницы. Говорит, у меня дом и земли, приносящие доход. Почему же я не чувствую себя счастливым?

— Потому что ничего не понимаешь. Чего тебе не хватает?

— Пожалуй, не хватает Мэри. Я тоскую по ней, по сыну. Я понимаю, что с ней в моей жизни все было бы иначе.

— Ты вечно куда-то едешь, Уил. Откуда-то уезжаешь. Таков твой характер — ты недоволен тем, что имеешь. Если бы ты жил с Мэри в Оксфорде, то и оттуда в итоге бы сбежал.

Уильям покачал головой. Он не хотел соглашаться с Джеймсом и не хотел портить себе настроение подобными беседами. Впереди его ждала дорога в Стрэтфорд. Город, который не желал его отпускать, приманивая к себе то похоронами, то свадьбой. Что выдумает Стрэтфорд в следующий раз, чтобы заманить его обратно? Но против свадьбы Уильям ничего не имел. Он вспомнил свою старшую дочь, из-за рождения которой ему и пришлось жениться на ее матери.

— Если бы не Сью, я не был бы женат на Анне, слышишь, Джеймс? А не женился бы на Анне, удрал бы в Лондон раньше.

— И что? К чему ты это? — не понял Джеймс.

— А все равно сидел бы сейчас с тобой в нашей любимой таверне. Как ни поверни.

— Лично я рад, что ты все-таки женился и родилась Сьюзен. А то мало ли что. Превратности судьбы.

Потом Уильям не раз вспоминал фразу Джеймса: превратности судьбы. Свадьба Сьюзен стала в том году последним счастливым событием в его жизни. Они с Эдмундом поехали в Стрэтфорд. Уильям познакомился с женихом дочери, который оказался приятным мужчиной средних лет. У него был собственный дом, куда и переезжала Сьюзен после свадьбы.

И Анна, и мать Уильяма постоянно повторяли, что еще чуть-чуть и Сьюзен осталась бы в старых девах. Ей страшно повезло, что она понравилась врачу, и он соизволил сделать предложение. Уильям не был согласен с подобными утверждениями, но Эдмунд старался не давать ему впутываться в спор.

— Женщины всегда так рассуждают. Не вышла во время замуж, значит, все, осталась в девках.

— Сьюзен красивая женщина. Почему она должна была остаться одна? — спрашивал возмущенный Уильям, обнаруживший, к собственному удивлению, что дочь оказалась вполне привлекательной.

— Они не видят в ней красоты. Они думают о ее сложившейся или несложившейся семейной жизни.

— У меня ведь есть вторая дочь, — напомнил скорее самому себе Уильям, — она что? Тоже засиделась?

— Первой принято избавляться от старшей, — Эдмунд задорно рассмеялся, — прости! Но это так и есть.

— Откуда ты все знаешь? Ты еще молод, чтоб так хорошо понимать подобные вещи.

— Уильям, это всем известно, — Эдмунд засмеялся еще громче, — ты сидишь там, в Лондоне в своей квартире и пишешь пьесы. Или играешь в театре. Ты совсем забыл, что такое жизнь обычных людей. Ты много думаешь о себе, своих чувствах, ощущениях. Я тебя не осуждаю. Не обижайся. Ты творческий человек. Твой друг Джеймс такой же. Вы не обращаете внимания на очевидное.

— Видимо, ты прав, — Уильям оглянулся.

Недалеко от него сидели мать и Анна, не прекращающие беседу, которую они вели ворчливыми голосами. Мать сильно постарела. Ее седая голова покачивалась в такт словам, произносимым Анной, отчего казалось, что мать с ней безоговорочно согласна. Анна стала располневшей, грузной женщиной с недовольным выражением лица.

В другом конце комнаты сидела Сьюзен со своим женихом. Они молчали, лишь изредка перекидываясь взглядами. Дочь теребила край юбки и смущенно улыбалась. Сложно было понять, любит ли она будущего мужа или выходит замуж, потому что на этом настаивает мать.

Младшая дочь, пожалуй, выглядела самой радостной из всех присутствующих, если не считать Эдмунда. Она переходила от одного гостя к другому и весело щебетала то об одном, то о другом. С Уильямом она перекинулась парой ничего не значащих фраз, но было заметно, что она искренне рада его приезду.

Уильяму опять стало неловко за то, что он редко видит своих дочек.

— Я плохой отец, Эдмунд, — прошептал он на ухо брату, — никудышный.

— Перестань, — Эдмунд махнул рукой, — ты заботишься о них, как можешь. Между прочим, Сьюзен получила неплохое приданое только благодаря тебе. Тут никому не важно, сколько времени ты с ней проводил в детстве или проводишь сейчас. Главное, сколько ты за ней даешь денег.

— Господи, Эдмунд, ты меня не успокоил, а, наоборот, утвердил в мысли о том, что о своих детях

необходимо заботиться лучше. Что они обо мне вспомнят, когда я умру? Что я дал достаточно денег для хорошего приданого?

— Они вспомнят, что их отец был прекрасным актером и известным драматургом, чьи пьесы переживут не одно поколение Шекспиров.

— Э, и ты об этом! — хлопнул себя по колену Уильям. — Будто я один пишу хорошие пьесы. Да нас таких в Лондоне человек десять точно, драматургов, чьи пьесы идут в лучших театрах.

Эдмунд привык к тому, что Уильям не считал свой талант выдающимся, поэтому спорить перестал. Да и возможности для этого не было: гостей позвали к столу...

Та зима запомнилась в Лондоне многим. К декабрю температура опустилась так низко, что Темза впервые на памяти местных жителей замерзла. В домах стало нестерпимо холодно. Неприспособленные к нормальному отоплению даже и в более мягкие зимы, сейчас они не давали своим хозяевам возможности согреться хоть самую малость.

В огромных дворцах и замках королю, лордам и графам жилось даже хуже, чем обычным людям. Огромные помещения не могли быть, как следует протоплены, как ни старайся. Пронизывающий ветер проникал в щели, пробегая по полу к каминам и заставляя огонь боязливо прижиматься к дымоходу.

Совсем плохо пришлось бездомным бродягам, нищим и попрошайкам, лишенным крова. Они замерзали, в бессмысленных попытках стараясь получить тепло, прижимаясь друг к другу и к стенам домов.

Театральная жизнь в Лондоне замерла. Так как здания большинства театров не имели крыши, публика на представления ходить практически перестала. Актеры были готовы, кутаясь в теплые костюмы и рискуя получить воспаление легких, выходить на сцену. Но играть было не перед кем.

В таверне недалеко от «Глобуса» пылал камин. Уильям и Джеймс сели поближе к огню, подальше от входной двери. Они заказали горячего вина, добрый кусок жареного мяса и принялись обсуждать финансовые проблемы, с которыми уже почти месяц сталкивался театр из-за нагрянувших морозов.

— Нам надо что-то придумать, — размышлял Джеймс, — публика на спектакли не ходит. Мы их отменяем один за другим. Временных актеров всех распустили. Заказов на выступления в замках и дворцах тоже поступает немного. Говорят, там холоднее, чем на улице.

— Если бы у нас было закрытое помещение, то мы могли бы этим даже привлечь зрителя. Посмотри, наша харчевня не имеет недостатка в посетителях.

И действительно, небольшое помещение все было заполнено посетителями. Хозяин оставил открытым один зал из двух, забив его столами и стульями до отказа. Воздух был спертый, оттого что проветривать помещение в такую погоду не решались. Зато камин хорошенько обогревал комнату, и люди, потихоньку отогреваясь, снимали верхнюю одежду, стряхивая с нее остатки снега и радуясь возможности посидеть в тепле.

— Обогреть театр, даже если он будет с крышей, все равно будет сложно. Но шансы привлечь зрителя увеличиваются. Ты прав, — подтвердил Джеймс.

— Такое помещение в любом случае пригодится. Погода часто мешает нам нормально работать. Нужно присмотреть что-нибудь подходящее.

— Так и сделаем, — кивнул Джеймс, — как себя чувствует Эдмунд?

Брат Уильяма заболел в один из первых морозных дней. Утром он довольно легко оделся, не ожидая,

что на улице станет так холодно. Да еще на следующий день, несмотря на плохое самочувствие, вышел играть на сцену. В болезни брата Уильям, не переставая винил себя: в конце лета Эдмунд переехал в маленькую дешевую комнатку неподалеку от театра, не желая больше стеснять старшего брата. Как ни настаивал Уильям на том, что ему нисколько не мешает присутствие в доме Эдмунда, тот решил проявить самостоятельность. К тому же он отказался брать у Уильяма деньги на более приличное жилье, оплачивая за комнату ровно столько, сколько мог себе позволить.

— Если бы мы по-прежнему жили вместе, я бы заметил, что он болен. Да и квартира у меня гораздо теплее, — расстроено сказал Уильям, — я хотел перевезти Эдмунда к себе, но врачи запретили его перевозить. У него жар, и по такому морозу это очень опасно. Я нанял женщину, которая за ним ухаживает. Она кормит Эдмунда, как может, протапливает комнату. Остается надеяться на лучшее.

Джеймс сочувственно похлопал друга по плечу. Он знал, как Уильям привязан к младшему брату, и искренне желал Эдмунду скорейшего выздоровления.

— Что происходит в Оксфорде? — решил он перевести разговор на другую тему. — Как поживает юное дарование под именем Франс Бомонд?

— Мэри обещала мне прислать новую пьесу до Рождества. Она воодушевлена своим успехом и продолжает писать. Хорошо, что я выбрался к ним осенью. Боюсь, сейчас путешествие было бы невозможно. Холодно, да и пока Эдмунд не поправится, я никуда из Лондона не уеду.

Потихоньку люди принарамливались к новым погодным условиям. Дети играли в снегу и катались по льду. Взрослые, укутавшись потеплее в шерстяные шарфы, прогуливались по замерзшей Темзе. Все запасались впрок дровами, которые дорожали с каждым холодным днем сильнее и сильнее. К концу декабря никто уж и не надеялся на потепление. Оставалось только ждать весны.

Джеймс, пробежав по городу несколько дней, нашел новое помещение для театра. Это был бывший монастырь, который некоторое время служил для постановки спектаклей мальчиков-хористов. Труппу распустили, и хозяин был рад передать аренду новому владельцу.

Дела «Глобуса» тут же пошли на лад. Спектакли возобновились на новой, закрытой, сцене, а одновременно и начали поступать приглашения в дома вельмож. Последние, видимо, тоже оправились от первого шока, вызванного морозами. Приближалось Рождество, и соскучившаяся по развлечениям публика снова требовала увеселений.

В домах и на улицах продолжали замерзать бедняки и нищие, но люди знали, в какие районы Лондона не следует заходить, чтобы не испортить себе настроение. Одним из таких мест была улица, на которой жил Эдмунд.

— Ему не становится лучше, — жаловался друзьям Уильям, — жар не спадает, а кашель становится все сильнее. Он совсем ослабел, не встает с постели, и я по-прежнему не могу его перевезти к себе.

Друзья сочувствовали Уильяму, но навещать Эдмунда, впрочем, не рисковали. Почти у каждого в семье были заболевшие, и не у всех были такие средства, как у Шекспира, для должного лечения родных.

Но сам Уильям бывал у брата каждый день. Он сидел у его постели и понимал с сожалением, что помочь ему ничем не может. Врачи сменяли друг друга, прописывали какие-то отвары, не разрешали проветривать комнату, чтобы больного еще больше не продуло, запрещали перевозить его в другой дом, цокали языками, глядя на пылающее от жара лицо Эдмунда, и привычно качали головами.

Тридцатого декабря Уильям, как обычно, купил себе немного еды и отправился к брату. Эдмунд практически ничего не ел, но Уильям и ему покупал то, что советовали врачи и сиделка. Приближаясь к

дому, он увидел церковную лавку с рождественскими украшениями и решил зайти внутрь. Уильям купил целый пакет красивых игрушек и, довольный, пошел дальше.

Через пару часов комната Эдмунда приобрела праздничный вид. Уильям, никогда не украшавший свое жилище к празднику и относившийся к этому процессу скептически, довольно посмотрел на то, что у него вышло.

— Получилось неплохо, Эдмунд, — обратился он к брату, — видимо, сказывается опыт работы в театре. Декорации хоть куда, — он через силу улыбнулся, хоть и знал, что Эдмунд лежит с закрытыми глазами, — ты должен поправиться, — продолжил Уильям, — мать не переживет, если с тобой что-то случится. И я тоже не переживу. Подумай о нас, если тебе самому все равно, что с тобой станет. Ты же еще не видел моего маленького сына, твоего племянника. Крошка ужасно похож на меня. Уверен, он будет актером — такие строит рожицы. Его мать — красавица, и еще она очень хороший человек и талантливый писатель. Так что родители у мальчишки хоть куда.

Уильям поправил на Эдмунде одеяло и вдруг заметил, что рука брата стала холодной. Сначала он было подумал, что жар спал и наконец-то Эдмунд пошел на поправку. Но буквально через минуту Уильям посмотрел на его лицо и с ужасом обнаружил, что брат мертв.

Вызванный врач развел руками:

— Ничего сделать нельзя. Он умер. Знаете, немногие смогли пережить эту зиму...

Звон погребального колокола долго отдавался в его ушах. На похороны пришло много народу: все друзья Уильяма, все актеры театра не могли не поддержать друга в его горе. Но Уильям никого не видел вокруг. Он вспоминал тот недолгий период времени, когда они жили с братом в Лондоне, часто виделись и подолгу беседовали друг с другом. Ему казалось, что однажды что-то похожее он уже пережил. Когда умер сын, Уильям тоже сожалел о том малом количестве времени, которое им было отведено провести вдвоем.

Лондон грустил вместе с ним: свинцовые тучи закрыли небо, бывшее обычно в морозные дни голубым и чистым, редкие снежинки таяли на лицах людей, превращаясь в слезы.

«Что осталось у меня в жизни? Маленький сын, Мэри и дочери в Стрэтфорде. И это все, — подумал Уильям печально, — о чем я мечтал в молодости? О славе, об успехе? Зачем? Теперь понятно, что мечтал я не о том. Близкие люди живут вдалеке от меня, я не могу общаться с ними каждый день столько, сколько хотел бы. Эдмунд приехал, скрасил последние месяцы своим пребыванием в Лондоне и ушел, оставив меня сокрушаться по поводу его ранней смерти».

Снег пошел сильнее. Люди, собравшиеся на похороны, стали расходиться. Уильям стоял, не трогаясь с места. Он не ощущал холода, лишь одиночество окутывало его своей тонкой, но прочной паутиной. У Уильяма перед глазами вспыхивали сцены из спектаклей, ему слышались аплодисменты зрителей.

«Выдуманный мир, в который я пытаюсь втянуть Мэри. Выдуманный мир никому не нужных, несуществующих страстей. Грим, скрывающий истинные чувства, ненастоящие слезы, неискренний смех, заученные слова. Ни одна трагедия не закончится так жестоко, как в жизни. А комедии в жизни просто нет места».

— Уильям, — Ричард Филд тронул друга за рукав, — пойдём. Марта нас ждет дома с ужином. Надо проводить Эдмунда как следует. Да и тебе нельзя сейчас оставаться одному. Пошли, — он слегка подтолкнул друга вперед, поддерживая за руку.

— Рич, думал ли ты ребенком о смерти, — спросил Уильям, остановившись, — думал ли ты, кто уйдет первым, кто вторым? У меня умер сын, теперь Эдмунд. Оба — намного младше меня. Почему мне

отпущено больше времени?

— Видимо, тебе есть еще что сделать, — задумчиво произнес Ричард, — Господь считает, что тебе уходить рано.

— А почему им было не рано?

— Так было задумано. Каждый успеваешь сделать столько, сколько ему отпущено. Хочу я того или нет, но мне надо напечатать определенное количество книг за мою жизнь. Не больше, не меньше. Тебе — написать сколько-то пьес, сыграть на сцене. И, к сожалению, похоронить тех или иных людей.

— Обещай, Рич, что, похоронив меня, не будешь печатать те сонеты, — Уильям пристально посмотрел на друга.

— С чего ты решил, что я проживу дольше тебя? — Филд попытался уйти от ответа.

— У тебя больше детей и меньше денег, чтобы оставить им в наследство и они спокойно смогли жить без тебя, — грустно пошутил Уильям, — так ты обещаешь?

Ричард отвел взгляд в сторону. Потом он снова посмотрел на друга:

— Обещаю, черт возьми. Поэтому надеюсь, что мы их напечатаем вместе, пока ты жив! Пошли, ради бога. Я ужасно замерз и проголодался. Да и Марта начнет беспокоиться, не околели ли мы где-нибудь...

В доме Филда было тепло и уютно. Дети, как и прежде, бегали, шумели и путались под ногами. Марта, ставшая еще толще, чем раньше, охала и причитала, пытаясь всеми силами показать свое сочувствие по поводу смерти Эдмунда. Тоска съедала все существо Уильяма. Казалось, замерзла не только Темза, но и его душа. Он безучастно кивал в ответ на реплики Марты и Ричарда, не понимая толком, о чем ему говорят.

— Не отчаивайся. Там на небесах ему будет лучше, — ворвался в сознание голос Ричарда.

— Нет, не лучше, — возразил сердито Уильям, — у Эдмунда было много планов. Он ничего не успел сделать. Только приехал в Лондон, все впереди. И тут эта проклятая зима.

— Если судьба умереть, то умрешь и летом. От чумы, например, — встряла Марта.

Ричард сердито посмотрел на нее и цыкнул:

— Что ты говоришь ерунду? Пойди лучше за детьми посмотри. Не слушай ее, Уильям. Конечно, ты прав. Зима суровая. Такого не припомню.

— Хочу уехать из Лондона. Пройдет зима, надо уезжать, — сказал Уильям, понурив голову, — проклятый город. Он не приносит счастья.

— Ты не прав. Я помню, как ты жил здесь первые годы. Даже помню, что ты влюбился. Не вини Лондон. Он не виноват в смерти Эдмунда. Да и что тебе делать в Стрэтфорде. Это место для стариков и неудачников.

— А я и есть неудачник. Разве можно назвать удачливым человека, который не обрел своего счастья?

— Ты богат, знаменит...

— О! Опять, Рич, ты заводишь старые речи. Неужели ты так и не понял, что счастье не в деньгах, которыми ты обладаешь? И уж, конечно, не в славе.

— Хорошо тебе говорить, когда у тебя есть и то, и другое. Вот пойдешь и раздашь все свои деньги бедным и бездомным. Можешь часть мне отдать. Я не против. Будет тебе от этого лучше? Если будет, иди и раздавай, — бурчал Филд.

Уильям призадумался.

— Зачем ты говоришь это человеку в таком состоянии? — зашептала Марта мужу. — Он расстроен, убит. Сейчас возьмет и пойдет деньги раздавать.

— Не пойдет, — заверил ее шепотом Ричард, — знаю я его. Скажет что-нибудь умное и не пойдет.

— Не имею права, — произнес Уильям.

— Чего ты не имеешь права? — Ричард повернулся к другу.

— Отдавать деньги не имею права.

— Ага, говорил я тебе, — обратился Ричард снова к жене, — и почему?

— Деньги принадлежат не только мне, но и моим детям. Я должен им их оставить в наследство. Моей младшей дочери Джудит еще выходить замуж. Эдмунд говорил, что приданое играет в этом деле большую роль. У меня есть крестный сын. И о нем я обязан позаботиться.

— Выкрутился, — вздохнул Ричард, — как обычно. Я остался при своем: без денег и счастья.

— Ты несчастлив? — Марта угрожающе посмотрела на мужа. — Чем это ты несчастлив? Денег у него нет. Ты работай побольше и поменьше с покупателями болтай.

— Вот, Уил, посмотри, — Ричард вжал голову в плечи, — я даже не могу говорить в собственном доме о том, что в моей жизни происходит. Что я чувствую. Ты — свободный человек, имеющий право высказывать собственное мнение. И то, что не особенно много, на мой взгляд, работаешь, никто тебе в вину не ставит, — он на всякий случай оглянулся на Марту, но ее отвлекли дети, и она забыла о том, что только что говорила мужу.

Уильям посидел недолго у друга и отправился домой. Наступал январь, чуть спала стужа, и под ногами Уильяма захлюпал подтаявший снег. Мороз будто ждал, когда умрет Эдмунд, чтобы ослабить свою суровую хватку.

«Сегодня я бы мог его перевезти к себе, — подумал Уильям, продолжая неспешный путь к дому, — теперь его вечным пристанищем будут небеса. Надеюсь, он оттуда видит, как мне плохо без него, как неправильно он поступил, оставив землю».

В конце зимы от Мэри пришли письмо и новая пьеса, которая на сей раз оказалась античной драмой.

«Я столько прочитала, Уильям, ты себе не представляешь, — писала она в письме, — мне так не хотелось, чтобы ты нашел в пьесе какие-нибудь ошибки и недочеты. Поэтому просто обложила книгами. Твой крестный сын не очень-то мне дает читать, но я стараюсь находить время».

Надеюсь, твое горе по поводу смерти Эдмунда поутихло. Хотя, что я говорю. Такое не проходит бесследно и навсегда. Приезжай, как только сможешь. Я постараюсь скрасить твое одиночество».

Уильям прочитал пьесу и понял, что Мэри выбрала сложную для себя тему. Он засел за правку. Работа лучшим образом отвлекала от мыслей о брате. Иногда Уильям разговаривал с ним вслух, словно он сидел в той же комнате. Уильям представлял, что мог бы сказать Эдмунд в той или иной ситуации, вступал с ним в спор, соглашался... Когда Мэри прислала пьесу, он читал ее вслух, надеясь, что Эдмунд и в самом деле его слышит. Встретившись как-то с Джеймсом в театре, Уильям отдал ему оба варианта пьесы.

— Посмотри. Первый вариант — это то, что написал Франс Бомонд. Второй — исправленный мной текст. Скажи, пожалуйста, свое мнение. Тебе со стороны виднее.

Через несколько дней Джеймс принял решение:

— Твой вариант лучше. Наш Бомонд берется за сложные темы. А далеко не всем дано расправляться с историей так же легко, как и тебе. Предлагаю на сей раз подписать пьесу твоим именем. Ты ее не исправил, ты ее переписал заново.

— Хорошо, Джеймс. Как скажешь. Надеюсь, Мэри не обидится.

— Если хочешь, я могу отдать ее пьесу в другой театр. Слишком она отличается от того, что написал ты. В театрах часто идут пьесы, поставленные по одному сюжету. Только сначала твой вариант пойдет у нас. Осенью можно будет кому-нибудь продать текст Мэри.

Уильям согласился и написал Мэри, как обстоят дела. Весной он собирался навестить ее в Оксфорде и, если понадобится, объяснить лично, что и почему он исправил и какое решение принял Джеймс.

Некоторые проблемы, касавшиеся земель, принадлежавших Уильяму, требовали его присутствия и в Стрэтфорде. Он не любил обсуждать подобные вопросы и предоставлял право их решения управляющему. Но тот иногда начинал настоятельно требовать приезда Уильяма для личной беседы. Окончательно он понял, что надо ехать после очередного разговора с Джеймсом.

— Ты опять не знаешь, что происходит в Англии у тебя под носом, — сказал Джеймс в ответ на жалобы Уильяма по поводу необходимости обсуждать земельные проблемы, — парламент не дает королю денег, фермеры бунтуют. Зимой в Лондоне не хватало продуктов. Оглянись вокруг. Мир меняется у нас на глазах.

— Лишь в театрах все по-прежнему, — заметил Уильям.

— Нет, цензура закрывает спектакли чаще, чем раньше. Просто мы умудряемся ставить пьесы, которые их устраивают.

Уильям замолчал и постарался представить, что сказал бы Эдмунд.

— Для тебя эта зима была тяжелой. Ты не виноват в том, что не видишь ничего вокруг, — извинился Джеймс, — поезжай в Стрэтфорд. Улаживай дела. Только не смей там оставаться. Знаю я твои намерения. Мы тебя ждем в театре. Мы с тобой начинали вместе, и вместе будем заканчивать. Хотя, надеюсь до финала еще далеко.

— Вернусь, куда я денусь. Может, только заеду по дороге в Оксфорд, — заверил Уильям, — давно не видел Мэри и сына. Соскучился. Пора их навестить.

* * *

Темза оттаяла. Чуть легче стало на душе. Известие о рождении внучки застало Уильяма на пороге: он собрался выезжать в Стрэтфорд.

— У меня хорошие новости, — он не удержался и зашел в театр к Джеймсу, — Сьюзен родила дочку!

— Вот видишь, — обрадовался Джеймс, — жизнь продолжается. Так просто я тебя теперь не отпущу. Пошли в трактир, выпьем за здоровье малышки.

В трактире снова стало просторнее: были открыты оба зала, народу стало поменьше, камин, хоть и пылал вовсю, согревал посетителей меньше, чем пиво, эль и горячее вино.

— Значит, у тебя теперь есть внучка. Эх, иногда я жалею, что не обзавелся детьми. Пусть даже и внебрачными, — засмеялся Джеймс, — как называли девочку?

— Сьюзен ждет меня. Она хочет, чтобы мы вместе выбрали имя.

— Ты что-нибудь придумал? Или будешь размышлять над этим важным вопросом в дороге?

— Придумал. Я хочу, чтобы ее звали Элизабет.

— Вот те на! — удивился Джеймс. — Я думал, та история давно закончилась.

— Она закончилась, но не забыта. Тем более что в моей жизни были две Елизаветы^[5]. Я хотел бы назвать внучку в память об обеих.

— Кто такая вторая Елизавета?

— Она не вторая, а первая. Королева Англии.

— Чем она тебе так дорога? Извини, конечно, королева Англии дорога всем англичанам. Но поставить ее в один ряд с женщиной, которую ты так любил, посвятил ей свои лучшие сонеты...

— Лучшие, — улыбнулся Уильям, — будто были другие. Да, я общался с королевой всего однажды. Но почему-то храню о ней самые теплые воспоминания. Если имя одно, то почему бы не назвать внучку в честь обеих женщин? Кому это мешает? Да и я могу сказать, что называю девочку в честь королевы. Не могу же я рассказывать об Элизабет, сонетах, безумной любви?

— Правильно, — согласился Джеймс, — эта причина мне более понятна. А почему ты не хочешь ее назвать Мэри, могу я тебя спросить?

— Мэри есть в моей жизни и сейчас. Надо давать имя в честь того, кто жил в твоём сердце раньше и ты этому человеку до сих пор благодарен за эти чувства.

— Что скажешь, поэт! — воскликнул Джеймс. — Ты, Уильям, все-таки поэт. Кто еще мог бы создать целую историю, придумывая имя для внучки.

— А ты, Джеймс, актер. И, как обычно, кричишь на весь трактир.

— Я рад за тебя, потому и кричу. В твоей жизни произошло хорошее событие.

— Только, понимаешь, Джеймс, я чувствую себя совсем старым. Когда Сьюзен вышла замуж, это было куда ни шло. Но внучка! У меня сын всего на год ее старше.

— Скорее тут ты виноват, а не Сью. Она все сделала вовремя, — расхохотался Джеймс, — и потом, крестного сына получить никогда не поздно, — он подмигнул Уильяму.

— Ты прав. Ладно, надеюсь скоро увидеть обоих. Но сначала все-таки в Стрэтфорд, посмотреть на новорожденную и дать ей имя.

— Не забудь про земельные дела.

— А, Джеймс, они все равно решатся как-то, вне зависимости от моего приезда. Внучка важнее.

— С этим я и не спорю. Сначала маленькая Элизабет, потом земля.

— Надо продать землю тебе. Ты более рачительный хозяин.

— Нет уж. Я ездить в Стрэтфорд не имею возможности. На мне теперь два театра. И, в отличие от тебя, я люблю Лондон и уезжать отсюда не собираюсь. Впрочем, и тебе не советую.

— Джудит приходится тяжело, — сказала Сьюзен отцу, уложив малышку спать, — ты бы приезжал почаще, а то мама изведет ее совсем. Раньше нас все-таки было двое, и на каждую приходилось меньше ругани.

— Неужели все так плохо? — удивился Уильям.

Он, конечно, замечал изменения в характере жены, но старался общаться с ней как можно меньше и не задумывался, каково приходится дочерям. Сьюзен впервые заговорила с ним об этом, и Уильям вдруг

понял, что им его не хватало еще и потому, что он мог бы стать защитой от материнских замечаний.

— Мать постоянно ворчит, придирается к любой мелочи, которую, на ее взгляд, мы сделали не так. Я уехала к мужу и с тех пор вздохнула спокойно. Но Джудит осталась с ней. Мать плохо себя чувствует, а Джон говорит, что, болея, человек часто становится раздражительным. Но мама не так уж сильно и больна. Джон пытался ее лечить, но она не принимает те лекарства, которые он ей прописывает.

— Я попробую с ней поговорить. — Уильям не очень хорошо представлял себе, о чем и как будет беседовать с женой, но другого выхода, по-видимому, не было.

— Боюсь, бесполезно. Только еще и на тебя накричит, — покачала головой Сьюзен, — если бы ты находился в доме, она бы так себя не вела. При тебе мать старается не ссориться с нами.

— Я собирался вернуться в Стрэтфорд, — признался Уильям дочери, — особенно после смерти Эдмунда. Но у меня есть обязательства перед театром, которые надо выполнять. Я их постоянный автор. Бывает, мне заказывает пьесы сам король, — Уильям говорил без энтузиазма, не стараясь удивить Сьюзен, но слова отца ее привели в восторг.

— Как я забыла! — всплеснула она руками, — Ваш театр ведь принадлежит самому королю. Ты играешь во дворцах. Это так интересно. Жаль, дядя Эдмунд умер так рано. Он тоже мог бы прославиться, как и ты.

— Да, жаль, — Уильям тяжело вздохнул, — я обещаю тебе, Сьюзен, приезжать чаще и подольше гостить у вас. Я буду счастлив, видеть малышку Элизабет. Ты преподнесла мне прекрасный подарок.

Две недели провел он в Стрэтфорде и убедился, что Сьюзен не преувеличивала. Анна почти не выходила на улицу, постоянно звала Джудит к себе. Младшая дочь бегала с первого этажа на второй, выполняя многочисленные просьбы матери. Она была тихой и спокойной девушкой, внешне скорее похожей на Уильяма, чем на Анну.

Находясь дома, Уильям вспоминал, как близнецы Джудит и Гамлет бегали по кухне друг за другом, вместе играли и баловались, вызывая порой у него раздражение. После смерти брата Джудит стала печальнее и редко улыбалась.

— Почему я ничего не замечал? — позже делился Уильям с Мэри, — думал лишь о собственных переживаниях. А ведь Джудит тоже переживала. Она изменилась, а увидел я это только сейчас. Сьюзен могла дать отпор матери, а Джудит ей совсем не перечит и слушается во всем. Сможет ли она найти себе мужа? Ей двадцать два года, есть время. Но если не выходить на улицу и целый день проводить с матерью, то шансов становится все меньше. Права Сьюзен. Мне надо бывать в Стрэтфорде чаще и оставаться подольше. И почему я все еще держусь за жизнь в Лондоне? Не первый год говорю, что уеду оттуда, и никак не соберусь. Роберт и Джеймс скоро будут надо мной смеяться и перестанут воспринимать мои угрозы уехать всерьез.

— Значит, ты не готов, — ответила Мэри, — когда ты будешь готов уехать, ты не станешь никому говорить, а просто возьмешь и уедешь. Лондон был твоей мечтой. Наверное, не так легко бросить мечту, пусть даже и осуществившуюся.

— Нелегко, — подтвердил Уильям, — нелегко возвращаться туда, откуда когда-то так хотел сбежать.

Прошло лето, заполненное переездами с места на место. Уильям старался выполнить данное Сьюзен обещание навещать их чаще, но оставаться подолгу все же он в Стрэтфорде не мог. Как и много лет назад, в какой-то момент неведомая сила начинала его гнать прочь.

В Оксфорде Уильям тоже не мог оставаться подолгу. Мэри и Джон с удовольствием проводили время

в его обществе, но он понимал, что крестный отец мальчика — это все же не родной отец и не близкий родственник. Злоупотреблять их гостеприимством ему не хотелось. Мэри, конечно, каждый раз пыталась уговорить Уильяма остаться подольше, но он не соглашался, ссылаясь на дела, которые его звали то в Лондон, то в Стрэтфорд.

Он часто присоединялся к своим товарищам по театру, которые привычно колесили по Англии. В тот год Лондон миновала чума, но театр в этот раз разделился на две труппы. Одна осталась в городе развлекать жителей и заезжих путешественников, а также веселить в загородных дворцах и замках вельмож и короля. Другая труппа вместе с Джеймсом ездила с гастролями. В Лондоне во главе труппы остался младший брат Джеймса. Он не обладал большим актерским талантом, зато умел хорошо организовать дела.

— В отца пошел, — гордо говорил про брата Джеймс, — у того хватка была деловая, позавидуешь.

Уильям не считал, что сам Джеймс оказался этой хваткой обделен. Но Джеймсу нравилось считать себя в первую очередь актером, и он всегда жаловался на то, что ему приходится уделять время организационным вопросам, связанным с помещениями для театра, зарплатой актерам, репертуаром и прочим, не касавшимся напрямую творчества проблемам.

В конце августа Уильям в очередной раз оказался в Стрэтфорде. Он понимал, что позже добираться туда станет тяжелее, поэтому решил опять навестить дочерей.

— Заболела бабушка, отец, — встретила его печальной новостью Джудит, — даже мама теперь выходит из дома, чтобы помогать за ней ухаживать. Джон сказал, что долго она не проживет.

Уильям, ошарашенный новостью, отправился поговорить с зятем. Тот не стал скрывать тяжелого положения:

— Она стара, господин Шекспир, вы же понимаете. Тут ничего не поделаешь. Время берет свое. Лечи не лечи.

Уильям побрел к дому родителей. В нем он провел свои детские годы, оттуда бегал смотреть спектакли, с которыми постоянно к ним приезжали театры. Там же познакомился и с Анной, дочерью друга своего отца.

Он присел рядом с кроватью, на которой лежала умирающая мать. Ее щеки запали, она вся будто уменьшилась, еле различимая под одеялом. Мать легонько сжала его руку и в последний раз посмотрела Уильяму в глаза...

— Она словно дожидалась твоего приезда, — промокнув слезы платком, сказала Сьюзен, — две недели лежала и ждала. Только ты приехал и попрощался с ней, как Господь забрал ее к себе.

— С отцом я попрощаться не успел, — проговорил Уильям, — все, Сью, нет ни родителей, ни младшего брата, ни сына. Остались вы с Джудит да брат с сестрой.

— Отец, это значит, что ты не одинок. Мы всегда радуемся твоему приезду в Стрэтфорд. Так уж получилось, что в этот раз он омрачен смертью бабушки. Но у нас есть малышка Элизабет. Она поможет пережить горе. Ты заметил, — добавила Сьюзен с улыбкой, — Лиз узнает тебя.

— Она слишком мала. Сью, ты преувеличиваешь, — Уильям покраснел от удовольствия, — не может быть!

— Узнает! Точно тебе говорю. Так и есть, — заверила его дочь...

Глава 11

Сказочные сонеты. 1609 год

Уильям сидел в углу комнаты и слушал Мэри. Она обращалась к сыну, зная, что Уильям тоже ее слышит, иногда поднимала на него глаза и улыбалась, чуть приподняв уголки губ.

Стемнело. На море бушевал шторм, и все корабли и лодки в тот день остались пришвартованными у берега. Но вот у кромки воды показались четыре фигуры. У одного человека на руках был маленький ребенок.

— Меня заманили в ловушку, — слышался мужской властный голос, — на вашем месте я бы этого не делал.

— А ты не на нашем месте, — слышался смех, — и никогда уже тебе не быть ни на нашем месте, ни на своем.

— Пожалейте дитя. Девочка ни в чем не виновата.

— Э, нет. Ее вина в том, что она — твоя дочь. Если мы оставим в живых Миранду, то она рано или поздно займет трон, который мы сейчас освобождаем от твоего присутствия. Какой в этом смысл? Нет. В живых не останешься ни ты, ни твоя дочь.

Человека с ребенком на руках, подталкивая, повели к лодке. Волны долгое время не давали их туда посадить, отбрасывая лодку все дальше от берега. Один мужчина держал короля, двое других пытались подтянуть лодку поближе. Наконец она оказалась достаточно близко, чтобы к ней можно было подвести Просперо. Его руки были связаны, и предатели с трудом сумели посадить его в болтавшееся на воде суденышко. Ему на колени положили младенца, завернутого в большой шерстяной платок. Они из всех сил оттолкнули лодку от берега.

— И не надейтесь, что вам так просто сойдет это с рук, — прокричал король, стараясь перекричать шум волн.

Они не слышали его или сделали вид, что не слышат. Фигуры все дальше удалялись от кромки воды, постепенно становясь совершенно невидимыми на фоне черного, покрытого свинцовыми тучами неба.

Лодку быстро уносило прочь от земли. Иногда волны чуть приближали ее к берегу, но потом, словно пытаясь с лихвой компенсировать это расстояние, они отбрасывали ее гораздо сильнее, унося в глубь моря. Просперо пытался встать, чтобы успеть выпрыгнуть из лодки, но наконец понял, что, не уронив малышку с колен на заполненное водой дно, ему это сделать не удастся.

Всю ночь лодка плыла сама по себе, гонимая лишь ветром, который встал на сторону предавшего короля брата. Он гнал ее от берега в неведомую сторону, и утром Просперо увидел вокруг лишь бескрайнюю водную гладь.

Сколько дней прошло, ему было неизвестно. Король пытался загоразивать своим телом дочь от палящего солнца, удерживал ее от того, чтобы она не упала в воду во время шторма. Сам он иногда засыпал, чтобы через какое-то время, вздрогнув, проснуться и увидеть перед глазами прежнюю картину. Каждый день Просперо пробовал перетереть веревки, связывавшие его руки, о край деревянной лодки.

Однажды Просперо очнулся от сильного толчка. Дочка заплакала. Король с удивлением обнаружил,

что лодка уткнулась в песок.

— Берег! — воскликнул он, едва сумев разлепить запекшиеся губы.

Просперо пошевелил руками и почувствовал, как веревки легко соскользнули с затекших запястий. Он подхватил на руки Миранду и аккуратно перекинул ноги из лодки в воду. Сделав пару шагов, король очутился на песчаном берегу. Впереди он увидел скалу, которая по своей причудливой форме напомнила ему замок.

— Это все же лучше, чем открытое море, — произнес он вслух и отправился к скале.

Его ноги утопали в песке, ослабевшие руки с трудом удерживали дочь. Но он понимал, что ему осталось сделать всего несколько десятков шагов и он окажется у цели. Ветер подгонял его, подталкивая в спину и облегчая путь. На солнце набежало небольшое облако. Когда Просперо дошел до скалы, небо было целиком затянуто невесть откуда взявшимися тучами. Пошел дождь.

В скале виднелся небольшой вход внутрь. Король пригнулся и вошел в огромный зал, освещаемый светом, проникавшим сквозь то отверстие, через которое он только что туда попал.

— М-мм-сс-с, — зашелестело в воздухе, и перед Просперо возникла полупрозрачная фигура юноши, — я мог бы помочь тебе, господин. Много столетий назад меня заколдовала злая колдунья. Если сделать несколько добрых дел и соединить любящие сердца, то колдовские чары падут, и я вновь обрету свободу.

— Боюсь, я могу только попросить тебя сделать несколько добрых дел. Например, раздобыть для нас дрова, огонь и еду. Но вот по поводу соединения любящих сердец я не уверен. Здесь я и моя маленькая дочь. Тебе некого соединять, мой друг.

— Море принесло сюда вас, море принесет и любящее сердце, — юноша продолжал парить в воздухе, — что касается твоей просьбы, то нет ничего проще. Жди здесь, — и он исчез так же неожиданно, как и появился...

Время текло на острове медленно. Но день сменялся ночью, а год следовал за годом. Миранда выросла, а король научился повелевать всеми духами, которые его окружали. Духи были разные: добрые, как юноша, встретившийся им в первый день, злые, как те, что появились позже и пытались прогнать незваных гостей прочь.

Время от времени Просперо возвращался мыслями к королевству, которое его заставили покинуть. Он вспоминал предательство брата и двух своих подданных, вставших на сторону предателя.

— Не печалься, — фигура юноши, как обычно, возникла в воздухе неожиданно, — скоро твой час пробьет. А вместе с тобой и я обрету долгожданную свободу. Ждать осталось недолго. Корабль уже отплыл.

— О чем ты? Не пойму, — покачал головой Просперо, — о каком корабле ты толкуешь?

— Сейчас не время, — прошелестел юноша, — Миранде исполнится шестнадцать, и я смогу соединить сердца, а ты сможешь отомстить. Наберись терпения, осталось еще немного подождать.

Однажды король отправился прогуляться по острову. Он давно воспринимал его как собственное королевство и время от времени осматривал принадлежавшие ему владения. Лес приветливо зашуршал листвой, злые духи угрюмо склонились в низком поклоне. Добрые пролетели над его головой, танцую и распевая мелодичные песни.

— Иди на вершину утеса, — пропели они, — на вершину утеса. Пора. Миранде сегодня шестнадцать.

Просперо послушался совета и поднялся на гору. Оттуда ему виден был весь остров: песчаный берег с

одной стороны, скалистый с другой, густой лес и потрескавшийся от солнца участок земли за ним.

Усиливался ветер, и небо становилось все темнее. Через пару мгновений его полностью закрыли тучи. Просперо собрался уходить.

— Постой, — прошелестело в воздухе, — подожди. Скоро начнется буря, но тебе ее не стоит опасаться. Смотри на море.

Король остался стоять на прежнем месте. Страшный ливень вылился на землю из разверзшихся туч. Сверкали молнии, гремел гром. Море практически слилось с черным небом. Было слышно, как огромные волны обрушивались на берег. Но там, где стоял Просперо, было сухо. Небольшой лучик солнца освещал его фигуру, будто очерчивая круг, защищавший короля от дождя и ветра.

Вдруг вдали Просперо сумел разглядеть корабль. Он понял, что слышит доносящиеся оттуда крики о помощи, хруст разламывающихся досок, стук падающих на палубу балок.

— Им следует помочь? — спросил он вслух.

— Нет. Те, кто тебе нужен, выживут. Их выбросит на берег. Жди.

И вправду, вскоре Просперо разглядел, как на берегу появились три фигуры, которые тут же упали навзничь на песок.

— Кто это? — снова задал он вопрос.

— Те, кому ты так хотел отомстить.

— Мой брат и два друга, которые меня предали, — Просперо уже не спрашивал, а скорее утверждал, — как мы можем заставить их страдать?

— Оглянись.

На другом берегу среди скал тоже лежал человек.

— Это сын твоего брата. Они не знают, что он выжил.

— Вот те сердца, которые ты стремился соединить, — догадался Просперо, — сына предавшего меня брата и моей дочери. Но я против! Я не хочу, чтобы они были вместе.

— Поздно. Им суждено полюбить друг друга. Как бы ни плутал молодой человек по острову, он все равно познакомится с твоей дочерью. Как бы ни плутали те трое, им не встретить его, пока ты этого не захочешь и не посчитаешь их вину искупленной.

Просперо пытался не разрешать Миранде уходить далеко от их дома. С помощью духов он заставлял сына своего врага бродить среди скал, не находя оттуда дороги в другие части острова. И все же они встретились. Изможденный юноша увидел спускающуюся к нему девушку и в тот же момент полюбил ее больше жизни.

— Я никогда не видела никого красивее, — произнесла она. Миранда дотронулась до его лица и улыбнулась, — я не встречала других людей на острове кроме отца и духов. Но я уверена, что красивее, чем ты, нет живых существ.

— Ты ошибаешься, — он смотрел на нее во все глаза, — я видел много людей в отличие от тебя. Но красивее, чем ты, не бывает.

«Влюбились», — потирал руки довольный юноша, паривший над ними, и он запел песню, которую не слышали уши обычных людей. Ее могли слышать только влюбленные.

Трое предателей бродили по лесу. Они не находили способа выбраться из темных зарослей. Деревья

то тут, то там смыкали над их головами ветки, не пропуская солнечный свет. Когда им хотелось пить, перед их взором возникали кувшины с водой. Но едва они касались их губами, кувшины разбивались на мелкие осколки, а вода испарялась в воздухе. Когда им хотелось есть, перед ними появлялся стол, уставленный яствами. С мяса сочился сок, фрукты источали тончайший аромат, а бокалы наполнялись вином. Но, едва они подносили кусок ко рту, мясо превращалось в отвратительных червей, фрукты — в шипящих змей, а вино в бокалах чернело и противной слизью стекало через края на стол.

— Достаточно? — вопрошал юноша. — С них довольно?

— Нет, теперь нужно, чтобы они вспомнили, как предали меня. Пусть перед ними всплывут картины из прошлого. Пусть они увидят, как сажали меня с дочерью в лодку. Пусть их головы раскалываются от боли. Пусть их сердца разрываются от горя.

Утром следующего дня трое предателей очнулись и увидели над собой чистое небо. Шторм затих. Они обнаружили, что каким-то чудом выбрались из леса и лежат перед входом в высокую скалу. Поднявшись, мужчины увидели, как из скалы навстречу им выходят три фигуры.

— Сын! — воскликнул один из них. — Ты выжил!

Просперо поднял руку, останавливая его.

— Ты узнаешь меня? — спросил он. — Ты узнаешь того, кого с помощью предательства и подлости лишил королевства и трона?

— Просперо, мой брат. Вчерашние видения были не случайны! Раскаянием полна моя душа. Возвращайся обратно. Трон по праву принадлежит тебе.

— Твой сын и моя дочь полюбили друг друга. Чтобы положить конец вражде, нашим детям следует пожениться.

Неожиданно в воздухе что-то зазвенело, зашелестело, и на землю опустился светловолосый юноша.

— Соглашайся, — промолвил он, — я хочу снова стать тем, кем был.

— Разве я могу отказаться? — брат короля обнял сына и Миранду. — Лучшего я и желать не смею.

— Красивая история, — промолвил Уильям...

* * *

Типография Торпа славилась пиратскими изданиями. Торп шнырял по городу и выискивал тексты. Он нанимал актеров в театрах, которые старались запомнить текст и потом переписывали его в немного искаженном виде. Но последнее Торпа не волновало совсем. Он сам сидел на спектаклях и записывал реплики. Он, не стесняясь, крал рукописи из типографий или перепечатывал те книги, которые уже вышли под другим названием.

С ним никто не мог ничего поделать. Торпа боялись, потому что зарабатываемые деньги он, в том числе тратил и на то, чтобы отбить всякую охоту его проучить. Нанимаемые им люди мстили тем, кто пытался выступить против Торпа, самыми изощренными методами. Они поджигали типографии, книжные лавки, избивали владельцев, грабили и совершали еще кучу всяких разных чудовищных поступков.

В определенный момент на смену отцу пришел сын. Томас, конечно, обладал не такой железной хваткой, как его отец. Зато он был хитрее и изворотливее, а также не гнушался издавать всякую мелочь типа книжек про гадания, ведьм и вампиров, чем в свое время брезговал отец.

Когда Томасу было восемнадцать, он стал свидетелем уничтожения целого тиража книг с сонетами известного автора пьес Уильяма Шекспира. Он знал, что книги были выпущены без разрешения автора, а также то, что за ними охотится друг Шекспира, издатель Ричард Филд.

Казалось бы, попроси сонеты у самого Шекспира. Но нет. Филд явно искал рукопись в других местах: в типографиях и книжных лавках.

— Что-то здесь не так, — подумалось Томасу, и он тоже начал отслеживать сонеты.

В ночь, когда отпечатанные книжки вынесли из магазина, Томас в толпе людей заметил и Филда. Шекспира рядом с Филдом он не заметил, так как не знал автора в лицо. После началась погоня за рукописью. Томас, как и Ричард, понял, что тираж исчез полностью, будто его и не бывало.

— Сожгли, — размышлял он, — в магазине устроили обыск из-за готовящегося заговора Эссекса. Подумали, что в них содержится на что-то там намек, и сожгли.

Восемнадцатилетнему юноше доводы казались вполне убедительными, и на этот странный момент он до поры до времени не обращал никакого внимания. Но вот куда подевалась рукопись, по которой печатали тираж, волновало его куда больше. Вдохновлял на поиски в основном тот факт, что Филд тоже ищет рукопись.

— За этим, несомненно, что-то стоит. — Томасу виделись отпечатанные книги с зашифрованными таинственными знаками, которые будут сметать с полок благодарные читатели.

Годы были потрачены на поиски. За прошедшие восемь лет Томас успел понять, что сам автор сонетов тоже не имеет рукописи, — иначе, думал он, — Шекспир давно бы отдал другу свой экземпляр для издания. Ему и в голову не приходило, что по каким-то причинам Уильям может противиться желанию Филда отпечатать книги с сонетами.

Томас нанимал мелких воришек, и те прочесывали типографии в поисках пропавшей рукописи. Наладив знакомства среди приближенных ко двору, он пытался искать сонеты Шекспира у вельмож и знатных дам. Кое-что разыскать удалось: некоторые дамы, действительно, записывали понравившиеся стихи. Но так набралось всего пять или шесть сонетов. И то в их авторстве Томас уверен не был.

Отцу про свои поиски Томас не рассказывал. Старик ненавидел одно только упоминание о сонетах, и сын решил, что лучше принесет найденную рукопись и просто поставит отца перед фактом.

Самым очевидным способом найти искомое Томасу представлялась беседа с Тоббом, тем самым издателем, который напечатал изъятые впоследствии книги. Сначала Тобб говорить категорически отказался. Но, когда люди Томаса объяснили ему, что поговорить придется, иначе его типографии и лавке придет конец, он согласился встретиться с Томасом, предупредив, что ничего интересного сообщить не сможет.

— Рукопись я выкрал у Филда, — рассказывал Тобб, — случайно. Пришел к нему по делу. Филда дома не было. Его жена оставила меня в комнате одного. Возле окна лежала какая-то рукопись. Я от нечего дела подошел и прочитал, что это сонеты Уильяма Шекспира. Подумал: отчего бы мне их не забрать с собой. Забрал и тихонько вышел из дома.

— Что было после? — спросил Томас.

— После я их напечатал, выждав немного, потому что Филд бросился разыскивать рукопись с неожиданной прытью. Наверное, его усердие было связано с тем, что Шекспир был его другом и Ричард чувствовал себя неловко оттого, что потерял рукопись, отданную ему на хранение.

— Почему книги забрали из магазина? Там и в самом деле было что-то про заговор?

— Толком не знаю. Я сонеты не читал. Не люблю читать стихи. Издал — и все. Когда ночью пришли обыскивать магазин и типографию, думал, заберут что угодно, но не сонеты. А забрали именно их. Пригрозили пытками, поэтому я отдал все экземпляры до одного. Кто его знает, может, там чего и было против королевы. Может, потому и Филд их не публиковал.

— Ты сказал им, откуда у тебя рукопись?

— Сказал. Да что им Филд: у него ж ничего не осталось. Книг он не печатал, рукопись была у меня.

— Так куда делась рукопись? — подошел Томас к вопросу, который его интересовал больше всего. — Ее тоже забрали?

— Эх, в тот день не забрали. А потом просто выкрали из моего дома.

— А у тебя как выкрали? Тоже оставил на видном месте?

— Нет. Переворошили все во второй раз и нашли. Я ее особенно и не прятал. Сначала потому, что уже отпечатал книги: чего прятать-то. Потом потому, что книги изъяли, а меня запугали и запретили их печать повторно. Мне что ж, в Тауэр хочется? Нет. Я и не стал. Да потом стали ходить слухи, что не все сонеты написал Шекспир. Зачем впутываться в историю. Так что рукопись я не прятал. Лежала среди прочих в столе.

— А кому-то она понадобилась!

— Понадобилась, но, раз ее не издают, значит, ее украли те, кто в издании не заинтересован. Все те же люди, — прошептал последнюю фразу Тобб и оглянулся: — сказать по правде, после того как рукопись исчезла, ко мне приходил как-то поздно вечером человек. Он спросил, точно ли у меня ничего не осталось. Темная история. Не лезь в нее.

— Спасибо, — Томас поблагодарил Тобба и еще больше уверился в том, что необходимо найти пропавшую рукопись и отпечатать ее, опередив всех, кого только можно, включая настойчиво рыскающего в поисках Ричарда Филда.

Томасу продолжали приносить отдельные сонеты, но их было так мало, что он понимал: единственным путем напечатать все целиком было найти рукопись. Даже если часть сонетов написал не сам Шекспир, то тем больший скандал разгорится по поводу их издания. И тем больше книг купит жадная до таких ситуаций публика.

В какой-то момент Томас опустил было руки, и прекратил поиски. Филд явно тоже не преуспел в этом деле. Не всплывали сонеты и у других издателей.

— Наверное, все же их уничтожили или хранят в таком надежном месте, что мне до него не добраться.

Тем не менее, совсем поиски Томас не прекращал. И в один прекрасный день ему сообщили: рукописи могут храниться в доме графа Саутгемптона. Человек, шпионивший для Томаса, сказал ему следующее:

— Шекспир писал сонеты в честь графа. Так, по крайней мере, он это преподносил вначале. Позже выяснилось, что Шекспир влюбился в ту же женщину, что и граф. И сонеты в действительности посвящал ей. Саутгемптон женился на той женщине. Но ему не давала покоя мысль, что сонеты, посвященные его жене, могут быть напечатаны. Он по-прежнему ревновал Шекспира. И, говорят, на то были причины. Короче говоря, когда королева начала преследовать Эссекса, а он являлся другом графа, Саутгемптон специально подстроил так, что весь тираж сонетов изъяли. Якобы это было связано с заговором. А на самом деле книги забрали люди самого Саутгемптона. Они не догадались забрать рукопись и потому

потом ее выкрали.

— И почему им пришлось рукопись красть? — спросил вконец запутавшийся Томас.

— Не знаю. Но суть в том, что она хранится в доме графа.

— Это точно известно? — Томас вытер проступивший на лбу пот.

— Вроде граф ее показывал, выпив лишнего. Она лежит у него в кабинете, и ее не так уж сложно оттуда выкрасть.

— Ты берешься за это дело?

— Стоить будет дорого. Все-таки дом графа.

— Сколько?

Запрашиваемая сумма была высока, но для Томаса получить сонеты стало делом чести, если, конечно, возможно применить в отношении к нему это слово. И он согласился.

— Быстро достать рукопись не удастся, — предупредили его, — надо дожидаться, когда граф с семьей куда-нибудь уедет. Замок будет стоять пустой, и тогда я попытаюсь туда проникнуть.

Летняя жара заставила опустеть многие дома. В том числе уехал и граф. Вскоре рукопись оказалась в руках у Томаса. Он смотрел на нее, не в силах поверить, что восемь лет мучительных поисков позади. Ему не терпелось поделиться радостной новостью с отцом. Вот тот удивится! Он же не знал, что сын так упорно ищет все эти годы.

Реакция отца оказалась неожиданной. Он категорически отказался публиковать сонеты.

— Это опасно, — твердил он, — я не хочу, чтобы ко мне врывались, забирали изданные книги и угрожали. У сонетов плохая история.

Отец признался, что и сам интересовался стихотворениями Шекспира.

— Он написал совсем немного. А здесь вон их сколько.

— И что, отец? Будто мы не публиковали такие вещи?

Но Торп-старший настаивал на своем решении, продолжая твердить только одно: сонеты приносят одни несчастья, влиятельный человек следит за их появлением и не даст так просто издать книги.

Осенью Торп умер. Первым делом сын, унаследовавший типографию и магазин, напечатал сонеты. Торп-старший предполагал, какие из них принадлежат перу Шекспира. Но, несмотря на предостережения отца, Томас решил печатать все сто пятьдесят четыре штуки. Так книжка получалась гораздо толще и выглядела солиднее.

— Наконец-то, — Томас любовно погладил книгу по обложке, — вот она, мечта.

Он аккуратно выложил книги на прилавок. Завтрашний день он начнет с того, что повесит на дверь магазина вывеску: «Новое издание. Сонеты Уильяма Шекспира». Слух о том, что часть сонетов написана неким высокопоставленным лицом, близким к королю, Томас уже успел распустить по городу. Он подумал, что авторство стоит приписывать ни много ни мало именно особе, состоящей при дворе.

— Обычный граф никого не заинтересует, — думал он, — а вот близость к королю, который и сам любит писать стихи, сможет привлечь читателей. Вдруг это король и есть.

Тот факт, что Яков взшел на престол намного позже, чем сонеты были написаны, Томаса не смущал. Он надеялся, что и народ не смутит тоже.

Невысокий, щуплый мужчина с бегающими маленькими глазками подошел к магазину Торпа, возле которого собралась небольшая толпа. Он быстро прочел объявление о выпуске новой книги и, оглядевшись, подозвал к себе соседского мальчонку.

— На тебе денег. Сходи купи книгу «Сонеты Шекспира». Скажи продавцу: мать попросила. Бегом, — мальчик зашел в магазин и спустя минуту вышел с толстой книжкой под мышкой.

Мужчина пролистал сборник и почти бегом отправился в собственную лавку.

— Она самая, — человек в черном плаще кивнул, — разберемся вначале с этим Торпом. Надо, наконец, выяснить, откуда взялась рукопись. Мы с тобой так долго ее искали. А Торп оказался более притким. Взял и выяснил, где она.

— Может, она у него и хранилась все это время? — предположил мужичонка.

— Не думаю. Чего ему было выжидать так долго? Давно б напечатал. Да ты и сам говорил, что он занят поисками. Забыл?

— Да-да, вы правы. Искали мы, искали Томас Торп и Ричард Филд.

— Торп пожалеет, что нашел рукопись первым.

— Что вы собираетесь делать?

— Увидишь. Но Торп не обрадуется, поверь.

— Книгу наверняка кто-то успел купить. Теперь распространение сонетов не остановить.

— Я так не думаю. Несколько книжек у читателей? Пусть будут. Важно, чтобы исчезла рукопись. А с Шекспиром я тоже поговорю. На всякий случай предупрежу еще раз.

— Что мне делать дальше?

— Тебе уже ничего не нужно делать. Ты со своей задачей справился. С Торпом иметь дело буду я. А ты помалкивай. Историю с сонетами забудь. И про меня забудь. Если не получится забрать рукопись, я тебя навещу еще разок. Но думаю, что проблем теперь не возникнет.

Человек забрал книгу с собой. Хозяин лавки с сожалением подумал о том, что не догадался купить два экземпляра. Он почему-то был уверен, что после визита его собеседника в магазин Торпа там книг не останется. Он вздохнул и покачал головой. «А может, не оставлять это дело? — подумалось ему вдруг. — Поискать кого-нибудь, кто сегодня успел купить книгу, например. Рукопись, конечно, хорошо иметь. Но и такую редкую книгу неплохо бы заполучить. Когда-нибудь простое ее переиздание будет иметь ценность. Особенно после смерти автора».

Хозяин лавки взял тряпку и начал протирать стоявшие на полках книги от пыли. Иногда он останавливался, чтобы почитать что-то его заинтересовавшее.

— Стихи, сонеты, поэмы, пьесы, — проговорил он вслух, — кто их читает? Зачем? И кто их пишет? Тоже вопрос.

Он прошел в заднюю комнату, нагрел колбы и начал сыпать туда травы. Затем сел за стол, взял чистый лист бумаги и написал заголовок: «Как лечить оспу наилучшим способом». Потом он посмотрел на варево, кипевшее на другом столе, усмехнулся и продолжил писать.

— Вот это раскупают быстро, — забормотал мужичонка, — еще рецептов десять и буду печатать. Никто не жаловался. А некоторые даже приходят и благодарят: «Передайте автору, помогло», — он наклонил голову и полюбовался на написанное. — Угу, добавим лепестки розы. Нет, слишком романтично. Лечить людей надо чем-то поотвратительнее. Шипы розы. Нет, корни розы. Ага, выкопайте куст розы, у

которой лепестки черного цвета. Вместе с землей заварите ее корни... — от усердия он слегка высунул язык, — и приложите на больное место, — последнюю фразу он, подумав, вычеркнул, — положите на лицо, покрытое оспой. Нет, тоже не годится. Примите вместе с отваром внутрь. О, так гораздо эффективнее!

Черный плащ развевался от ветра, становясь похожим на крылья большой темной птицы. Человек приближался к магазину Торпа. В самом магазине света не было, но на втором этаже дома явно не спали. Он громко постучал и позвонил в колокольчик. Никто не открывал. Он забарабанил сильнее.

— Иду, иду. Кто там еще? — слышался голос из окна.

Не дождавшись ответа, Томас захлопнул ставни и спустился вниз. Обычно он не открывал никому поздно дверь, не убедившись в том, что неожиданный гость не представляет опасности. Но сегодня мысли об изданной книге занимали его голову полностью, не оставляя места для размышлений по другому поводу.

Томас открыл дверь и тут же об этом пожалел. Незнакомец толкнул его внутрь.

— Тебе никогда не советовали, не совать нос туда, куда не следует? — спросил человек в черном плаще и надвинутой на лицо шляпе.

— Советовали, — сознался Томас.

— А зачем суешь? Рыскал, рыскал и нашел рукопись. А зачем искать то, что искать не просят? Зачем печатать то, что уже один раз принесло издателю неприятности?

Томас с трудом успевал осознавать, что ему быстро говорит гость.

— Говори, откуда взял рукопись? — потребовал он.

— Переписывал сонеты по одному, — начал врать Томас, — за несколько лет собрал все.

— Неправда, — спокойно произнес незнакомец, — невозможно переписать сто пятьдесят четыре сонета.

— Я старался, — не отступал Томас. Ему совсем не хотелось расставаться с рукописью, а именно это от него, скорее всего, и потребует пришедший.

— Итак, — человек железной хваткой сжал его горло, — от тебя ничего не останется и от твоего магазина тоже, если ты не скажешь, откуда взял рукопись.

— Украл у графа Саутгемптона, — пролепетал Томас, — вроде Шекспир был любовником его жены и посвятил ей сонеты. Графу сие было неприятно. Он их велел выкрасть. Или забрать. Короче, рукопись хранилась у него в кабинете, в замке.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся незнакомец, — ревнивый граф! Неплохо. Неси рукопись сюда, — потребовал он.

Томас надеялся, что рукопись все-таки оставят ему. Но жизнь была дороже, и он пошел к потайному ящику стола. Поковырявшись, вытащил стопку исписанных листков.

— Давай, — человек протянул руку.

Он просмотрел первые несколько страниц.

— Похоже вроде на мамин почерк, — произнес он тихо, затем кинул рукопись на стол, взял стоявшую рядом свечу и поднес огонь к листкам.

— Что вы делаете? — Томас кинулся спасать рукопись, но был отброшен сильным ударом в угол.

Человек окинул взглядом помещение и провел свечкой по книгам, которые мгновенно вспыхнули.

После он быстро пошел к выходу. У двери он обернулся. Томас пытался безуспешно тушить полыхавший пожар.

— Зря ты ее искал. Моя мать не хотела, чтобы сонеты, посвященные мужчине, которого она любила всю жизнь, издавали. Такова была ее воля.

— Кто была ваша мать? — внезапно отвлекся от борьбы с огнем Томас.

Человек снял шляпу и посмотрел ему прямо в глаза.

— Ее Величество королева Елизавета Первая, — произнес он и вышел на улицу.

К тому времени его сигнал заметили и, как договаривались, подожгли дом с другой стороны.

Наутро прохожие и соседи увидели лишь догоравшие головешки. Ричард Филд тоже вышел на улицу посмотреть, что произошло.

— Торп сгорел вместе со своим магазином, — объяснил ему знакомый, — говорят, свечка упала на книги. Он стал тушить огонь, но не справился.

Ричард охнул и побежал к жене.

— За детьми следи! А то бегают тут. Упадет свечка — и пиши пропало, — задыхаясь от быстрой ходьбы, прокричал он Марте...

— Тут такая произошла история! — Филд ворвался в квартиру Уильяма как ураган, сметая все на своем пути. — Не ожидал, что ты дома. Но раз дома, то это хорошо.

— Не кричи, — Уильям удивленно посмотрел на друга, — садись и успокойся.

— Успокоиться? Не получится, — Филд плюхнулся на стул, чуть не свалившись на пол, — такое произошло!

— Рассказывай. А то пока ты только причитаешь. Что у вас там? Еще один ребенок?

— Шутишь? Насмехаешься? Ладно, слушай. Вчера Торп напечатал твои сонеты. То есть напечатал, наверное, раньше. Но в магазине они появились вчера.

— Почему ты не пришел ко мне сразу? — заволновался Уильям.

— Я вчера приходил. Тебя дома не было. А в театр бежать некогда было. Да и там ты не всегда бываешь.

— Записку бы оставил. Я бы сам к тебе зашел.

— Ну не оставил. Ничего не соображал. Так был поражен тем, что случилось! Представляешь, столько лет прошло, и вот они, сонеты. Нашлась рукопись все-таки, — тархтел Ричард, — уж мы думали — всё. А вот и не всё!

— Так, и что теперь делать?

— А делать ничего не надо, — заявил Филд, — история закончилась, не успев начаться.

— Что ты имеешь в виду? — Уильям не успевал осознавать информацию, которую на него обрушивал друг.

— Сегодня утром встаю и думаю: что-то пахнет дымом. Пойду, думаю, выйду на улицу, посмотрю, что случилось. И что я вижу? — Ричард замолчал, вопросительно глядя на Уильяма.

— И что ты видишь? — набрался терпения Шекспир.

— Вижу, что весь дом Торпа вместе с магазином и типографией сгорел! И сам Торп сгорел тоже. Случайно упала на книги свечка, Торп кинулся тушить огонь. Но было поздно. Дом вспыхнул и сгорел вместе с Торпом.

Уильям представил себе всю картину и недоверчиво покачал головой:

— То есть не стал выбегать на улицу и спасать себя, а спасал книги? Странно...

— Ничего странного. Тебе не понять, — возмутился Филд, — у него и отец печатал книги, и он печатал книги. Не мог он так взять и оставить все гореть.

— А то, что накануне он начал продавать сонеты, пропавшие много лет назад? Это не совпадение?

— В чем тут совпадение? — удивился Ричард. Уильям вспомнил, что друг ничего не знает о приходившем к нему человеке в черном плаще и его настойчивой просьбе сонеты не издавать.

— Нет, это я так. Сам не пойму, что пришло в голову. Ты прибежал и рассказал об этих двух событиях подряд. Я их и связал произвольно, — объяснил Уильям.

— Случайно так вышло. Хотел тебе и то и другое рассказать. Что делать будем?

— С чем? — переспросил Уильям. — С пожаром у Торпа, боюсь, ничего не сделаем.

— Я про сонеты. Опубликуем?

— Опять ты за свое. Нет, нельзя.

— Но книги, изданные Торпом, вчера уже кто-то купил. Какая теперь разница? Их больше не утаишь.

— Я обещал. И обещание собираюсь сдержать. Пусть их печатает кто-нибудь без моего участия и разрешения. Я тебе говорил и буду повторять: сонеты печатать нельзя. Большая часть написана не мной. Пойми. Независимо от пожара у Торпа, а даже и из-за него. Не судьба им быть изданными.

— Ты упрям.

— Сейчас ты попросишь новую пьесу. Я прав? — улыбнулся Уильям, чтобы подбодрить друга.

— Давай. Не возражаю, — Ричард нахмурился.

— Дописываю. Будет готова, принесу.

Когда Ричард ушел, Уильям задумался. Вся эта история с пожаром ему совсем не нравилась. Книги кто-то преднамеренно уничтожил. И Уильям догадывался кто. Интересно было, конечно, где раздобыл сонеты Торп. Вот ведь, искали как минимум трое, а нашел именно он. Уильям вспомнил про свой сундук в Стрэтфорде. Хорошо, что никто о нем не знает и не ищет первый экземпляр, считая, что его попросту не существует.

Догадки Уильяма подтвердились вечером. К нему во второй раз наведалься незнакомец в черном плаще.

— Я пришел предупредить вас, — начал он, не поздоровавшись, — история с рукописью закончилась. Ее больше не существует. Ваши сонеты сгорели.

— Я знаю. Ко мне приходил мой друг и рассказал о пожаре. Я сразу догадался, что рукопись сгорела вместе с хозяином типографии.

— История закончилась, — повторил мужчина, — и не думайте ее написать заново. Например, достать откуда-нибудь часть сонетов и отдать своему другу. Сгорит и он.

— Даже не думал, — искренне заверил гостя Уильям, — Ричард знает, что ему придется довольствоваться изданием пьес. Не беспокойтесь.

— А я и не беспокоюсь, господин Шекспир. Беспокоиться следует вам, если вы нарушите нашу договоренность.

— Видите ли, я-то не собираюсь ее нарушать. Но несколько книг, как я понимаю, купили. Их могут переиздать другие издатели. Теперь мы не контролируем распространение сонетов.

— Я имею в виду другое. Вы единственный, кто знает автора. Это имя должно остаться в тайне. Книги — то не рукопись. По ним установить авторство не удастся. Перепечатывать их будут под вашим именем. Что ж, пусть будет так. Но доказывать, чьи они на самом деле, вам не стоит.

— Я дал обещание автору сохранить ее имя в тайне. И нарушать данное обещание не собирался и не собираюсь.

— Почему-то я вам верю, — гость повернулся к двери, — надеюсь, мы больше не увидимся, — произнес он и скрылся в темноте.

— И я надеюсь на это, — Уильям вздохнул с облегчением. Ему хотелось поскорее забыть все эти приключения с изданием сонетов. Поиск рукописи, уничтожение книг, пожар, визиты человека в черном плаще... Разыгрываемый на сцене подобный сюжет, наверное, имел бы успех. В жизни хотелось бы избегать таких поворотов судьбы.

Уильям присел за стол. Перед ним лежали наброски новой пьесы. Вдруг он вспомнил, как был влюблен, как легко писал за строчкой строчку, как старался отредактировать сонеты королевы, как восхищался ее сильными чувствами. Он представил себе Элизабет, ее восторженные глаза, которыми она смотрела на него, когда он читал ей сонеты.

— Как давно это было, — вздохнул Уильям, — нет ни сонетов, ни Элизабет, — он посмотрел на дверь. Ему неожиданно захотелось, чтобы она открылась, и в комнату впорхнула та, которая столько для него значила когда-то.

«Любовь не может пройти бесследно. Если ты любил кого-то так сильно, то это чувство останется навсегда в твоём сердце. Любовь лишь скроется от посторонних глаз, притворится, что спит. Но изредка она будет просыпаться и настойчиво напоминать о себе. Эх, не забыть мне тебя, Элизабет, мое темноволосое наваждение».

Уильям поводит пером по бумаге и с удивлением прочел то, что произвольно написала его рука:

Но из чего мы созданы?
Из снов, и сном окружена
Вся наша жизнь, что сна еще короче...[\[6\]](#)

— Джеймс, я собираюсь писать сказки, — сообщил Уильям другу, — волшебные истории.

— В виде пьес, надеюсь? — спросил Джеймс. — Меня же интересует только то, что можно поставить на сцене.

— Конечно. Другое я писать не умею. Пьесы, это будут пьесы.

— Хорошо. Тогда пиши сказки. Я рад, что ты хоть что-то захотел написать.

— Не ворчи. Мы нашли прекрасных авторов. Я театру больше не нужен, — Уильям печально улыбнулся.

— Ты надеешься, что я отпущу тебя, позволю так вот просто взять и уйти?

— А что тебе остается? Отпустишь. И не уйти, а уехать.

— Ты опять про Стрэтфорд. Уильям, ты бежишь оттуда, не пробыв и недели. Последние годы только и

слышу про твое возвращение. Но ты что-то не торопишься осуществлять задуманное.

— А разве стоит торопиться? Такое решение необязательно выполнять быстро. Я пытался остаться в Лондоне, потому что когда-то так сюда стремился. И чем я занят? Изредка пишу, а в основном брожу по городу без цели. Постоянно езжу в Оксфорд и Стрэтфорд. Поездки мне даются все тяжелее.

— Ты сам перестал играть на сцене. Поэтому и занять себя не в силах. Возвращайся в театр. Тебе всегда найдутся роли.

— Я устал. И играть на сцене тоже стало тяжело.

— Уильям, ты же не старик. А тебе и то, и другое, и третье дается с таким трудом! Постарайся, встряхнись. Тебе нужны силы. Для внучки, для сына.

— Вот на них я и хочу тратить оставшиеся годы.

— Так что со сказками? — перевел разговор Джеймс. — Мы начали с того, что ты хочешь писать волшебные истории.

— Мэри читала сказки Уильяму, я заслушался и подумал, почему бы не написать пьесу с таким же сюжетом. Пожалуй, это последнее, что я сделаю для театра. Две-три сказки, и прощай, Лондон.

— Никуда ты не уедешь. Две-три сказки! Так, как ты сейчас пишешь, это два-три года. Потом возникнут другие планы. Так ты нас и не оставишь.

— Мэри сказала, что я уеду, когда буду готов, когда по-настоящему захочу уехать. Она права. Усталость берет свое, но, видимо, она меня еще окончательно не одолела.

— Влюбиться тебе надо опять. Тут ты станешь снова счастлив, и усталость пройдет.

— Мэри — моя последняя любовь. Рядом с ней я счастлив, поверь.

Уильям посмотрел на друга. Джеймс жил театром. И по сей день, он волновался за новые постановки, искал актеров, репетировал. Его энтузиазм и энергия, казалось, были неиссякаемы. Иногда Уильям завидовал другу. Того никогда не мучали размышления о жизни, любви, верности. Он не переживал за своих детей, потому что их у него не было, не страдал от любви к женщинам, потому что они ему не нравились. Бежать из Лондона Джеймс не хотел, потому что родился и вырос в этом городе, и бежать ему было некуда.

— Спасибо, что выслушал меня. Твое терпение безгранично, Джеймс. Единственное, что меня радует в Лондоне, — это встречи с тобой в нашем любимом трактире.

— Пожалуйста. Мне несложно тебя слушать. Если тебе помогают мои уши, пользуйся ими, сколько тебе заблагорассудится. Но мой рот будет повторять тебе одно и то же: пиши, работай, возвращайся в театр. Только не тоскуй и не уезжай насовсем. В Стрэтфорде ты зачахнешь в обществе своей жены. Она будет постоянно ворчать и изводить тебя.

— Я буду ходить в гости к дочке, играть с Элизабет, — лениво отбивался Уильям, — ты в гости будешь приезжать. В Стрэтфорде тоже есть трактир.

— Неужели? — притворно удивился Джеймс. — Но такого, как этот, нету точно...

Глава 12

Возвращение. 1612 год

Шло время, а он так и не уезжал надолго из Лондона.

— Да, уехать из Стрэтфорда было гораздо проще, чем туда вернуться, — размышлял Уильям, — никто не заставляет меня бежать отсюда. И скука, конечно, там будет во сто крат сильнее. Почему же я словно жду какого-то знака, который бы меня подтолкнул к последнему шагу? Смерть сына, матери, рождение внучки — ничего в итоге не значило. Я обещал себе ездить домой чаще и не выполнил данного обещания.

Мысль о том, чтобы все-таки послушать Джеймса и не пытаться уехать, Уильям упрямо отвергал. Ему нравилось сидеть в Стрэтфорде на втором этаже у окна с видом на огромный сад гораздо больше, чем сидеть на втором этаже дома в Лондоне с видом на такой же дом напротив. Прогулкам вдоль Темзы он предпочитал прогулки вдоль Эйвона. А уж Тауэр, на который постоянно натыкался его взгляд, наводил исключительно на страшные, неприятные думы.

В Оксфорде Уильям появлялся все реже. За последние три года Мэри успела родить двоих детей. На этот раз они, в самом деле, были детьми Джона, который стал мягче и приветливее, чем раньше, и только что не боготворил свою жену. Уильяму не хотелось мешать установившейся семейной идиллии. Изредка он навещал сына, который обожал крестного и с удовольствием ходил с ним на прогулки.

Писать Мэри прекратила — целыми днями она возилась с маленькими детьми, стала меньше читать и, как она выражалась, «идеи перестали приходить в мою голову, заполненную криками младенцев». Под именем Франса Бомонда Джеймс выпустил еще один спектакль, а после, сидя за кружкой пива в любимой таверне, они с Уильямом решили несчастного Франса похоронить.

— Представляешь, мы объявим, что идет последний спектакль рано ушедшего от нас господина Бомонда, тридцати трех лет от роду. Публика всплакнет и повалит в театр.

Уильям отдал две пьесы, шедшие под именем Франса, Ричарду, предупредив, чтоб тот был наготове.

— Скоро мы объявим, что автор умер. Так что можешь подготовить тираж заранее, а потом сразу же выложишь книжки в магазине. Некоторое количество точно разметут под впечатлением его неожиданной смерти.

Филд поблагодарил друга, опять что-то буркнув про сонеты, которые никак не давали ему спать спокойно. Уильям перестал на эти фразы обращать внимание, не считая эту тему более или менее интересной для обсуждения. Вопрос с сонетами был закрыт для него раз и навсегда.

Как и обещал Джеймсу, Уильям написал три сказки. Сначала Джеймс боялся, что зрители не воспримут новые пьесы Шекспира, слишком уж они не походили на то, что он писал ранее. Но красивые, волшебные сюжеты вызвали восторг у публики. Критики тоже не остались в стороне и писали, что автор с таким огромным опытом вполне может себе позволить подобные экзерсисы. «Шекспир — уникальный драматург, — писал один из любителей театрального искусства, — ни одна его пьеса не проваливалась на сцене!»

Сам Уильям причины своего успеха понять не пытался. Он, как и прежде, считал, что не пишет ничего выдающегося.

— Сказки хороши, — соглашался он, — но я ничего особенного не сделал. Все они существовали раньше. Я лишь нашел удачные сюжеты и переработал их для театра.

Последнюю пьесу-сказку он назвал своим прощальным словом, которое он говорит со сцены зрителю. «Буря» и вправду получилась прекрасно: на сцене возводились сложные декорации, изображавшие остров, актеры, игравшие роли духов, действительно, словно парили в воздухе, а их голоса неведомым образом «шуршали». Крушение корабля в море каждый раз вызывало гром аплодисментов.

Но «попрощаться» Уильяму толком не удалось. Джеймс умолял написать для него новую историческую драму, которую хотел видеть в театре король.

— Кто ж напишет лучше, чем ты? — заламывая руки, вопрошал он Уильяма. — Ты столько их написал! Чего тебе стоит написать еще одну. Последнюю, так и быть.

— Тебе сложно отказать. Ты же все равно уговоришь. Раз ты решил, что выполнять заказ буду я, значит, по-другому не будет.

— Ты умеешь писать такие вещи. Я бы и рад предложить новому автору. Но сколько мы с этими историческими драмами попадали впросак, когда их писал не ты? Вечно напишут то, что потом перечеркнет цензура.

— Мои пьесы тоже исправляли и выбрасывали целые куски.

— Да, бывало. Но их не запрещали показывать. Что-то просили убрать, но в целом, согласись, ты у нас никогда не пытался выступать против власти. Потому мы и королевский театр, что основной автор, которого ставим, — Уильям Шекспир. И вот, нам снова король оказывает доверие. Кому я поручу такую пьесу? Тут необходимо чутье, опыт работы именно с историческими хрониками.

— Ты же сам мне говорил, что я мало читаю? И у меня в пьесах много ошибок?

— Говорил. Но критика другу никогда не будет лишней. Это не значит, что ты не умеешь писать исторические драмы. И в этот раз я даже не настаиваю на том, чтобы ты прочел больше, чем тебе самому требуется. Работай как обычно. Всех это устраивает.

— У тебя есть идеи, про кого должна быть пьеса? Какое время описывать?

— Все равно. Главное, чтобы без намеков на свержение короля с престола и прочих невоспринимаемых цензурой вещей.

Уильям обещал подумать и дома сел перелистывать толстые тома исторических хроник, с помощью которых чаще всего и продумывал сюжеты для пьес. Задание короля ему было не по душе, но, начав работать, он позабыл на время о своих душевных метаниях. Пьесу следовало закончить как можно скорее. Король не любил долго ждать выполнения своих приказов.

Уильям писал хоть и редко, но очень быстро. Если уж он находил понравившийся ему сюжет в поэме, легенде, древних преданиях, то садился за стол, и перо стремительно начинало летать над бумагой. Джеймса всегда поражала такая скорость письма. Стоило Уильяму только захотеть написать новую пьесу, как через месяц она лежала перед Джеймсом.

— Ты вполне способен писать двенадцать пьес за год, — упрекал Джеймс Уильяма в лени, — когда-то ты писал по три. Теперь одну. При твоих способностях такое расточительство никуда не годится.

Но Уильям знал, что главное — найти сюжет, который захотелось бы описывать. А искать такой сюжет можно все двенадцать месяцев в году. Некоторые казались ему слишком примитивными, другие были переписаны многократно, третьи не удивляли, четвертые не смешили, а пятые не вызывали слез. Истории королей изобиловали свержениями с трона, заговорами и отравлениями. По большому счету выбор был невелик.

В молодости Уильям считал, что сюжетов полно. Он с головой погружался в приключения героев, не

успевая описывать одних, как тут же появлялись другие, еще более достойные внимания. Но и тогда он быстро понял, что творчество — это не столько порыв, сколько работа, порой так же надоедающая, как любая иная.

Для новой пьесы главным героем в итоге был выбран Генрих Восьмой. История его развода с Екатериной и женитьба на Анне Болейн и стала основой сюжета. Но, несмотря на то, что все необходимые приготовления для написания пьесы Уильямом были произведены, он чувствовал такую усталость, что никак не мог заставить себя писать так же быстро, как и всегда.

— Я собираюсь поехать в Стрэтфорд, — сказал он Джеймсу, — не беспокойся. Я не подведу тебя и пришлю пьесу как можно скорее.

Уильям засел в своей комнате второго этажа в родном городе и принялся за работу. Он заставлял себя писать каждый день, исписывая назначенное количество строк. В Стрэтфорде он не ощущал былого вдохновения, но усталость не окутывала его тело так сильно, как в Лондоне, и он надеялся закончить к сроку.

В новой пьесе Уильям то тут, то там вставлял ремарки, которые могли бы быть полезными при постановке спектакля. Он не был уверен, что вернется помогать Джеймсу, как он делал это прежде. Пояснения, конечно, отвлекали от основного действия, но Уильям твердо решил довести дело до конца, подробно описывая, что имеет в виду в каждой важной сцене.

Конец Уильям дописывал, совсем выбившись из сил. В Стрэтфорде скука сменила усталость, и он хотел наконец-то закончить пьесу и отправить ее в Лондон. Уильям не пожалел красок, описывая рождение Елизаветы. Речь Генриха на ее крестинах была напыщенной и полна счастливых прогнозов на будущее правление юной принцессы. В ту же речь он вставил и слова о преемнике Елизаветы, нынешнем короле Якове. С отвращением перечитав после написанное, Уильям не стал ничего исправлять.

Пьеса о Генрихе отправилась в Лондон к ждавшему ее с нетерпением Джеймсу. Он был в восторге. Но так просто оставить Уильяма в Стрэтфорде он не мог себе позволить. Джеймс видел, что в этот раз его друг всерьез решил не возвращаться. Он по-прежнему считал такое решение неверным и до конца непродуманным. Поэтому Джеймс написал Уильяму письмо с просьбой вернуться, использовав все красноречие, на которое был способен.

«Уильям, — писал он, — без тебя постановка не состоится. Несмотря на ремарки, которые ты любезно вставил в текст, требуется твое присутствие в Лондоне. Мне все равно необходимы разъяснения по многим сценам. Писать друг другу письма мы не сумеем — король помнит про заказанную пьесу, и мы должны торопиться с постановкой спектакля».

Далее Джеймс хвалил Уильяма за прекрасную речь Генриха, в которой автор сумел отдать должное не только любимой народом Елизавете, но и теперешнему королю. Джеймс не скупился на красивые слова, решив любым способом вернуть Уильяма в Лондон. В письме он воздавал должное и оригинальному сюжету, и прекрасно выписанным героям, и глубокому пониманию исторического момента, и, естественно, языку, которым все это было написано.

Уильям только усмехнулся, прочитав длинное послание друга. Он прекрасно понимал, что пьеса не стоила и части того, что про нее писал Джеймс. Вымученная от начала до конца, она не вызывала у Уильяма никакого желания продолжать работать с ней дальше. Тем не менее, через пару дней он засобиравшись в Лондон.

— Отец, ты же хотел остаться, — удивилась Джудит, которой в присутствии Уильяма всегда дышалось чуть легче, — ты говорил, что твой друг сам справится с постановкой.

— Так и есть, — кивнул Уильям, — он справится. Но, понимаешь, иногда нужно сделать вид, что от тебя действительно что-то зависит. Раз Джеймс написал такое письмо, я должен в последний раз пойти ему навстречу и присутствовать на репетициях.

— Но у тебя уже был последний раз, когда ты ставил «Бурю». Ты говорил, что прощаешься с театром, — Джудит была готова разрыдаться, представив себе, что снова надолго останется одна с полубезумной, больной матерью.

Уильяму искренне было жаль дочь. Сестра мало чем могла помочь Джудит, занимаясь собственным семейством. Вся надежда Джудит была на отца, который каждый год обещал остаться в Стрэтфорде насовсем.

— Я знаю, что подвожу тебя. Я прекрасно помню о своих обещаниях не покидать тебя, — Уильям приобнял дочь, — поверь мне еще раз. Пьеса про Генриха — это не прощание с театром. Ты права, я с ним уже попрощался. Это приказ самого короля, не более того. Я выжал из себя все, что мог, Джудит. У меня не осталось ни слов, ни вдохновения, ни желания писать. Генрих дался мне тяжело. И силы окончательно меня покидают. Так что не сомневайся, я скоро вернусь.

В Лондоне Уильям убедился, что Джеймс вполне справился бы и без него. Шекспир сидел на репетициях молча, лишь изредка отвечая на вопросы Джеймса, которые тот задавал ему, чтобы привлечь внимание к действию, разворачивавшемуся в тот момент на сцене.

— Тебе все это неинтересно, — сказал ему после Джеймс, — я вижу, что тебе самому неинтересна твоя пьеса. Я согласен, в этот раз ты угодил королю так, что стало слишком сладко. Перестарался.

— Я не старался. В этом все и дело, — откровенно ответил Уильям, — нашел сюжет, думал, что дальше дело пойдет, как всегда, быстро. Но не получилось. Я вымучивал каждое слово, каждую фразу. Я знал, что должен дописать, раз обещал тебе выполнить заказ. В конце силы иссякли окончательно.

— В этом и состоит талант! — воскликнул Джеймс. — Писать гениально, даже если кажется, что пишешь плохо! Уильям, я тобой восхищаюсь! И ты хочешь удалиться в Стрэтфорд и бросить сочинять пьесы? Да то, что ты умеешь, не умеет никто. Второго такого автора, пишущего для театра, в Лондоне нет. Во всей Англии нет!

— Ты не добавил: на всей земле, — горько усмехнулся Уильям.

— Про всю землю не знаю. Я не господин Дрейк, путешествовавший по морям и океанам во славу Англии и королевы. Хотя подозреваю, что в других странах, узнай они про твои пьесы, тоже начали бы их срочно ставить.

— Джеймс, не пытайся меня уговорить остаться. Я обещал Джудит. Конечно, не впервые. Но сколько можно давать своим детям обещания и не выполнять их. Я выполнил свой долг перед зрителями, театром, перед тобой, в конце концов. И даже перед Ричардом Филдом, который имеет возможность печатать мои пьесы первым. А перед детьми я свой долг не выполнил и наполовину. И не говори мне сейчас о деньгах. Да, они обеспечены, но в мире существуют и другие обязанности, которые необходимо успеть выполнить прежде, чем умрешь.

— Опять ты за свое. Что за любимая тема — смерть. У тебя столько лет впереди. Успеешь и пьесы написать, и долг выполнить.

— Откуда мы знаем, сколько нам осталось? Нельзя слишком торопиться, но нельзя и опоздать. А я и так уже во многом опоздал.

— Неужели, Уильям, ты жалеешь, что стал актером и приехал в Лондон?

— Ты меня об этом спрашивал, мой друг. Жалеть ни о чем содеянном нельзя, если ты не совершил никаких совсем ужасных преступлений. Когда я уезжал, то был уверен, что иначе поступить не могу. В Стрэтфорде и теперь живется не намного лучше, чем тогда. Но и в Лондоне я проживаю день за днем без особого смысла и без желаний. В Стрэтфорд меня зовут обещания, которые я дал детям. Сыну, когда тот умирал, Сьюзен после рождения внучки, Джудит. Меня зовут дети и внучка, с которыми я не жил столько времени.

— Вы близкие люди? Вы понимаете друг друга?

— Пожалуй, нет. Мы не близки, и нам сложно разговаривать о чем-либо кроме хозяйства, маленькой Элизабет, больной матери или о том, что выросло в саду. Там мне будет не хватать тебя и Ричарда. Надеюсь, вы сможете изредка навещать меня.

— Эту просьбу я от тебя слышал. Не надейся, что я про нее забуду. Ладно, пока впереди премьера. Костюмы у актеров будут получше, чем у настоящих королей. Декорации — красивее, чем настоящие дворцы и замки.

— Не перестарайся. Зритель не должен отвлекаться от сюжета, разглядывая очередное платье. Потом никто и не вспомнит, о чем шла речь в пьесе, — улыбнулся Уильям.

— Ты же сказал, что пьеса тебе не удалась. Не вспомнят, и не надо. Зато расскажут, какой это был прекрасный спектакль.

— И то верно. Слушать там нечего. Пусть смотрят.

Несмотря на все, о чем он говорил с Уильямом, Джеймс надеялся, что Шекспир изменит свое мнение. Пьеса, может, была и не лучшим его творением, но и вовсе не такой уж плохой, как это представлял автор. Поэтому Джеймс старался сделать спектакль, которому не будет равных. Уильям увидит, что опять написал удачную пьесу, и забудет свои горькие слова.

Наступал июль, а с ним и день премьеры. Актеры лихорадочно повторяли слова, Джеймс, игравший Генриха, патетически вскрикивал, что ничего не готово и спектакль провалится, Уильям наблюдал за суматохой со стороны. Но дух театра не мог не оказывать на него влияния. И он тоже чувствовал, как быстрее бьется сердце, охваченное предпремьерным волнением.

После премьеры предстоял спектакль перед королем. Ну а пока зрелищем должны были насладиться его подданные. Несмотря на стоявшую в Лондоне жару, билеты были раскуплены. Имя автора гарантировало зрителям хорошее зрелище, способное развеять летнюю скуку оставшейся в городе публики.

И вот Уильям, пристроившись в боковой ложе, приготовился смотреть на собственное произведение, совершенно не приводившее его в восторг. Костюмы актеров впечатляли, Джеймс не соврал. В какой-то степени они выглядели даже вычурно и помпезно, но зрителей это, видимо, не смущало.

В одной из сцен Генриха приветствовали салютом из пушек. Джеймс подготовил для зала сюрприз — пушки палили, как настоящие, выплевывая в воздух загоравшуюся настоящим огнем бумагу. Огонь, едва вспыхнув, тут же гас, но впечатление салют оставлял сильное.

Вдруг Уильям почувствовал запах дыма. Зрители тоже почуяли неладное, а некоторые показывали пальцами куда-то вверх. Уильям посмотрел на соломенную крышу и с ужасом увидел, что она вся объята пламенем. Публика в ужасе побежала к выходу. Заигравшиеся актеры, заметив, что происходит в зале, тоже обратили свой взгляд наверх...

— Ничего не осталось от театра, — причитал вечером Джеймс, — ничего! Сгорел дотла.

— Никто из людей не сгорел, вот что важнее, — отметил Уильям, — в такой толпе всякое могло произойти.

— Но театр-то сгорел! — не сдавался Джеймс. — Придется отстраивать здание заново.

— Зато премьера прогремела на весь Лондон. Ричард сказал, что его друзья только и говорят о пожаре в «Глобусе» во время премьеры пьесы Шекспира. Никакие костюмы и декорации не наделали бы столько шума.

— М-да, переборщил я немного с этими пушками, — признал Джеймс, — тебе специально не говорил про них. Думал, увидишь, как они палят, ахнешь.

— Я ахнул. Ты своего добился. Надеюсь, что у короля ты эту сцену повторять не станешь.

— Спалить королевский дворец? Нет, этого мне не простят. Отправят в Тауэр, а то и сразу голову отрубят или четвертуют.

— Самое ужасное, что никто не услышал последние слова Генриха. Такая речь пропала! Если бы я знал, что на залпе из пушек все и закончится, то и стараться бы не стал выписывать финал. Джеймс, ты испортил все впечатление от пьесы, — продолжал смеяться над другом Уильям, — поэтому дело не в Тауэре, а в концовке. Король должен услышать посвященные ему строки.

— Услышит, — пообещал Джеймс, — все равно пушки сгорели вместе с театром. Остались только костюмы, которые были на выбегавших из здания актерах.

— Честно тебе скажу, это лучшее, что было в спектакле. Сохранилось главное: актеры и их костюмы. Не переживай.

Король остался спектаклем доволен. Слухи о пожаре дошли и до него. После представления он пообещал помочь «слугам Его Величества» построить здание заново.

— Финал сработал, — довольно заметил после этого Джеймс, — получим немного денег от короля и построим нечто совершенно невообразимое. Другого такого театра в Лондоне не будет. Так что, Уильям, придется тебе опять задержаться в столице. Куда ж мы без тебя?

— Ты ошибаешься. Именно теперь-то я точно уеду. «Глобус» сгорел, а с ним и прошлое. Новый театр пусть строят молодые. Я ждал знака свыше и дождался. Куда уж яснее и понятнее? Наш театр исчез, Джеймс. Он испарился, словно его и не было. А твой залп из пушек был дан в его честь. В честь нашей с тобой дружбы и лет, проведенных на той, старой, сцене...

В этот раз Джеймс понял, что все серьезнее некуда. Уильям собрал вещи и сдал квартиру, переехав на несколько дней к Ричарду. Джеймс тоже звал Уильяма к себе, но Уильям был уверен, что тот начнет опять уговаривать его остаться, призывая себе на помощь все красноречие, на которое был способен.

Ричард уговаривать не пытался. Он, конечно, бормотал, что ему непонятно, как может Уильям хотеть все бросить, будучи на пике славы. Марта молчала, бросая укоризненные взгляды на мужа. Она с самого начала была на стороне Анны и поэтому радовалась, что Уильям взялся за ум и решил вернуться к семье.

В Стрэтфорде Уильям никого не предупредил о своем приезде.

— Сколько раз я им говорил, что вернусь, — объяснял он Филду, — сейчас просто приеду и буду там жить, ничего не объясняя и не обещая.

— Так правильнее, — кивнул Ричард, — опять же не отрежешь себе путь назад, если захочешь сбежать из стрэтфордской дыры.

Сначала Уильям опять думал начать убеждать Ричарда, что его намерения тверды, как скала, но промолчал. «К чему убеждать других, когда в первую очередь необходимо убедить себя, — подумал он, — вдруг сяду через год в телегу и в Лондон!»

— Так и есть, — произнес он вслух, — путь назад всегда должен оставаться открытым.

Марта опять кинула на Ричарда испепеляющий взгляд и влезла в разговор:

— Анна-то как будет рада, если вы проведете остаток дней вместе.

Уильям вздрогнул:

— Анна болеет. Ей все равно, буду ли жить с ней в одном доме или нет.

— Ей не все равно. Она, конечно, чувствует, когда любимый муж находится с ней под одной крышей. И девочки будут довольны.

— Девочки — да. Особенно Джудит меня ждет. Ну и маленькая Элизабет, — с теплотой сказал Уильям.

— Джудит все никак не выйдет замуж? Ты там подыщи ей достойного жениха. Годы идут. Ей сколько? Двадцать пять?

— Двадцать семь.

— Много, — припечатала Марта, — засиделась.

— Ты о своих дочках печалься, — вмешался Ричард, — у них такого приданого, как дает Уильям, не предвидится.

— А кто виноват? Ты, Ричард, обделил своих детей. Чего ты добился в жизни? — Марта начала сыпать упреками.

Уильям встал и вышел на улицу. Он пошел медленно, толком не осознавая куда, глядя по сторонам. Он прощался с городом, который принял его когда-то сразу, не заставив ни страдать, ни унижаться. С городом, который подарил ему большую любовь, который сделал его богатым. С городом, в котором навсегда останется жить образ молодой Элизабет и королевы Елизаветы. С городом, в котором остаются друзья, поддерживавшие его, сочувствовавшие и радовавшиеся вместе с ним. Он шел вдоль Темзы, оглядываясь на оставшийся позади грозный Тауэр, свернул к мосту, возле которого на другом берегу Элизабет впервые назначила ему встречу в карете.

Уильям подошел к театру. Точнее, к тому, что от него осталось. Неподалеку виднелась таверна, в которой они провели столько часов с Джеймсом.

— Осталось навестить Эдмунда, — произнес Уильям и пошел обратно через мост, в сторону кладбища.

— Я все-таки уезжаю, — обратился он к брату, присев рядом с могильной плитой, — не знаю, когда смогу снова навестить тебя. Но я нужен им там, в Стрэтфорде. А ты будешь жить в моей памяти, как и этот город, как все те, кого я покидаю. До свидания, Эдмунд. Ведь мы увидимся скоро, уверен.

Уильям вернулся к дому Филда.

— Ну вот и все. Финал, — сказал он, глядя на собор Святого Павла, — история закончилась там, где начиналась...

* * *

Постепенно он привыкал к размеренной жизни в Стрэтфорде. Иногда он писал письма Джеймсу, Ричарду и Мэри. Порой брался за пьесу, которую начал писать в юности, пытаясь достоверно описать события своей жизни. Но чаще сидел у окна, глядя на любимый сад.

Анна при нем ругалась с Джудит реже, и все же ее резкий, громкий голос порой достигал его ушей. В такие моменты Уильям спускался вниз и выходил погулять. Джудит постоянно боялась, что он не выдержит и уедет. Он возвращался к ужину, улыбался дочери и видел в ее глазах облегчение.

На улице с ним почтительно здоровались горожане, всячески показывая уважение одному из самых богатых жителей Стрэтфорда.

«Я вернулся сюда героем, — писал Уильям в письмах друзьям, — все меня почитают, считая, что я добился многого в жизни, сумел заработать деньги. Они зовут меня разбирать местные дразги и ссоры. Прислушиваются к моему мнению по всяким пустячным проблемам, возникающим время от времени в городе. Кто-то кому-то задолжал денег, отрезал кусок лишней земли и тому подобная ерунда.

Моя дочь Сьюзен тоже недавно попала в такую историю. Я ходил с ней в суд. Представь, ее оклеветали. Якобы Сью изменяет мужу. Уж я ее знаю. Она не такая женщина. Пришлось призывать негодяя, распускавшего сплетни, к ответу. Церковный суд мы выиграли. Клеветника отлучили от церкви. Такие вот тут происходят нелепые происшествя...»

Уильяма приглашали в гости, считая за честь видеть его за столом на разного рода празднествах. Если он принимал приглашение, то откровенно скучал, стараясь избегать досужих разговоров с соседями по столу. Совсем не ходить куда он себе не позволял из-за Джудит. Сьюзен объяснила отцу, что младшую дочь надо активнее выводить в свет, чтобы хоть как-то пристроить ее замуж. И Уильям внял просьбе и повсюду являлся под руку с Джудит.

Джеймс в своих письмах упорно склонял Уильяма к написанию новой пьесы, рассказывал, как идут дела со строительством нового здания театра, передавал приветы от актеров. Ричард писал о семье, подробно описывая успехи или неудачи каждого ребенка, писал про то, что типография дает плохой доход, книг покупают мало, «и вообще скоро все разучатся читать, в чем винить надо театры, ярмарки и прочие увеселения».

Мэри в каждом письме звала в гости и описывала, как растут дети. Иногда к ее письмам прикладывал записочку от себя и Джон. Он, в свою очередь, отчитывался о финансовых успехах, давал советы Уильяму, тщательно перечисляя изменения в ценах на землю, дома и продукты.

К концу года Уильям привык к такому времяпрепровождению, и обратное бегство в Лондон казалось совсем уж невероятным событием. Он начал вникать в дела и даже принимал в них посильное участие. К нему привыкли жители Стрэтфорда, ценили его продуманное мнение и все чаще обращались за помощью.

Уильям вряд ли смог бы назвать свое настроение хорошим. Скорее он существовал в предложенных обстоятельствах, подстраиваясь под них по мере возможности. Усталость, сопутствовавшая ему в Лондоне, в последнее время сменилась апатией. Да и с чего было бы уставать? Если он и писал продолжение своего жизнеописания, то изредка, когда вдруг возникала охота взять лист бумаги и привычно начать выстраивать сюжет. В доме убирала и готовила Джудит, отказываясь от всякой помощи. Дела, по которым к нему обращались горожане, случались нечасто и отнимали немного времени.

Уильям постепенно начал с удивлением вспоминать свою предыдущую жизнь, заполненную событиями, переездами, творчеством. Словно была проведена черта между тем, что было, и тем, что есть сейчас.

«Когда нет желаний и не к чему стремиться, то жизнь заканчивается, — писал он Мэри, — она не

заканчивается тогда, когда ты умер физически, а тогда, когда в тебе умирают мечты и исчезают цели. Я удивляюсь самому себе. Как раньше я мог хотеть учить роль, выходить на сцену, писать пьесу? Теперь вокруг меня люди, которым нужно от жизни немного. А мне не нужно даже и того, что необходимо им. Иногда я часами могу смотреть на сад, на опадающую листву, на шуршащие от ветра ветки деревьев. Бывает, я весь день не выхожу из дома, точно как моя жена Анна, которая лежит в спальне на первом этаже...»

Мэри в ответ пыталась его приободрить, но ее собственная жизнь протекала хоть и более насыщенно, но не более интересно. Она переживала, что не смогла писать дальше, что Франс Бомонд и в самом деле умер в ее душе, успев написать всего две пьесы. Она печалилась от того, что располнела, что порой не заходит в таверну неделями, сидя дома и нянькаясь с детьми. Мэри не настаивала на приезде Уильяма в Оксфорд, потому что боялась разонравиться ему. Она писала, что уже не является для него таким интересным собеседником, как раньше, забросила книги и не следит за приездом театров в Оксфорд на гастроли.

— Отец, в Стрэтфорд на гастроли приехал театр из Лондона, — как-то сообщила Уильяму Джудит, — мы пойдем смотреть спектакль?

Уильям, обещавший как можно чаще выводить младшую дочь в свет, согласился. Он только надеялся, что в Стрэтфорд не приезжает «Глобус». Встретаться с давними друзьями он был не готов.

Приехавший театр был Уильяму знаком. В Лондоне он располагался недалеко от театра Джеймса. Некоторые актеры его узнали, спрашивали, как он тут оказался.

— Я вернулся в свой родной город, — объяснил Уильям, — здесь всегда жила моя семья.

— Тебе не скучно? Не тянет обратно в Лондон? — интересовались они.

— Нет, — искренне отвечал Уильям, — я вполне доволен своей жизнью.

Он смотрел спектакль с замирающим сердцем, опасаясь обнаружить в душе те же чувства, что обуревали его в молодости. Но ничего не шелохнулось, не заставило задуматься или хотя бы откликнуться на предложение актеров провести с ними вечер.

«Вот так, Джеймс, — написал он в тот день, — театр перестал быть для меня тайной, загадкой, чем-то манящим и притягивающим. Я смотрю на сцену и понимаю, как они там все это делают, как будет развиваться действие, чем закончится спектакль. Мне точно так же неинтересна жизнь, потому что финал в той же степени предсказуем. Я думал, что захочу бежать, что спектакль пробудит во мне былые страсти и желания. К сожалению или к счастью? Ничто не дрогнуло и не заставило двигаться, меняться...»

Дочери довольствовались тем, что отец был рядом. Они не докучали ему расспросами, беседами о его настроении. Иногда Сьюзен спрашивала, что он делает. Уильям отделялся общими фразами, не уточняя, что порой просто сидит у окна. С Анной Уильям старался не видеться и не разговаривать. Если они встречались друг с другом на кухне или в гостиной, Уильям отводил глаза в сторону, а она бормотала себе под нос что-то невразумительное.

Однажды в разговоре со Сьюзен всплыл вопрос о написании Уильямом завещания. До этого он не задумывался об оформлении своих дел на случай смерти. Сьюзен, предварительно посоветовавшись с мужем, решила ему напомнить о необходимости подумать о завещании заранее.

Уильям пообещал заняться этим вопросом. И на самом деле стал размышлять о том, что и кому он мог бы передать по наследству. Он договорился о встрече с человеком, который помогал оформить завещания практически всем зажиточным жителям Стрэтфорда, и составил список тех, кому бы хотел оставить часть своего состояния.

«Часто люди думают, что отделились от дел, а оказывается, что только сменили одно на другое^[7], — излагал он в очередной раз свои мысли Джеймсу, — Сьюзен озадачила меня просьбой подготовить завещание. С одной стороны, я подумал, как это жестоко — оповещать человека о его грядущей смерти таким прямолинейным способом. Ты так не считаешь, Джеймс? Завещание — это документ, по которому ты обязуешься умереть так или иначе, рано ли поздно. По мнению родственников, лучше рано...

Я составляю список близких мне людей, которым хотел бы что-нибудь оставить. Ты в него включен. Возрадуйся! Нотариус посоветовал особенно тщательно подойти к распределению благ среди родственников. Как он сказал, чтобы никто не обиделся и не остался обделенным. Великая справедливость! Заработанные мною за всю жизнь деньги я еще и обязан распределить справедливо, никого не обидев.

Поверь, написать десять пьес гораздо проще, чем составить одно-единственное завещание. Что, например, оставить Анне? Кто знает, может, она умрет позже. Она постоянно лежит в спальне. Может, ей завещать кровать?»

В ответ на это письмо Уильяму пришел ответ, исполненный сарказма: «Если у тебя хватает сил и фантазии писать завещание, то ты прав, можно было б потешить публику и написать новую пьесу. Несмотря ни на что, я рад, что в завещании нашлась строчка и для меня. Но главным твоим наследством я считаю твои пьесы, которые по сей день ставит театр «Глобус». А более мне ничего не надо. Кольцо в твою память я буду носить и без упоминания моей фамилии в таком важном документе.

Оставь Анне кровать, оставь! Больные люди не любят, когда их переносят с места на место. Пусть лежит, где лежала.

Не забудь про Филда. Он вечно нуждается в деньгах, но не пытайся обеспечить всю его семью. Завещай кому-нибудь свою шпагу. Я на нее не претендую. У меня есть своя...»

Уильям смеялся, когда читал письмо друга.

— Почему бы и нет? — сказал он, закрыв письмо. — Подойти к составлению завещания серьезно было бы слишком просто. Надо превратить все в трагикомедию, но так, чтобы никто меня в этом не заподозрил.

Рождественские праздники в конце года Уильям проводил в семье Сьюзен. Дочь и зять были несказанно рады, что он основную часть состояния оставлял им с условием, что Сьюзен должна будет позаботиться о матери, если та еще будет жива. Уильям искренне надеялся успеть выдать Джудит замуж, но приданое для нее в завещании прописал.

Рождество получилось веселым: Уильям поставил для Бэтти спектакль, в котором заставил участвовать членов семьи и пришедших гостей. Глаза Джудит в кои-то веки блестели от счастья, внучка смеялась, а у Сьюзен гора свалилась с плеч, потому что отец составил завещание так, как она даже не смела надеяться.

«Что касается шпаги, — сообщал Уильям Джеймсу, — то ее положено завещать сыновьям. Поэтому она отправится к моему крестному сыну Уильяму в Оксфорд. Тебе и нашим общим друзьям из театра оставляю деньги на кольца, которые вы должны носить в память обо мне. Зачем вам их покупать на собственные средства?»

Завещание было составлено и подписано. На время мысли о смерти оставили Уильяма, но тем не менее самым веселым периодом последних лет жизни он так и продолжал считать тот месяц, когда он с юмором распределял свое имущество по наследникам.

Когда он сообщил про шпагу Мэри, она расстроилась и не поделила его веселья. Письмо ее было

наполнено печалью и грустью, которое она не пыталась скрывать. Мэри подумала, что Уильям серьезно болен, предлагала срочно приехать навестить его и настаивала на том, чтобы он прекратил думать о смерти.

Ричарду Филду про завещание Уильям писать не стал...

Глава 13

Занавес. 1616 год

Прошло четыре года с тех пор, как Уильям вернулся в Стрэтфорд. Что случилось за это время? Он и сам не смог бы толком сказать. Чувствовал он себя все хуже, усталость, которая не отпускала его в Лондоне, и здесь настигла и не давала возможности двигаться, писать, ездить в гости к друзьям.

Иногда Уильяму хотелось поговорить с кем-нибудь, и он звал к себе в комнату безотказную Джудит.

— Что есть возраст? Простые цифры, которые ничего не значат, когда тебе двадцать или тридцать. Когда тебе пятьдесят, ты понимаешь, что цифры пытаются навязать тебе свою философию. Они становятся властны над тобой. Каждый день ты подсчитываешь, сколько прожил и сколько осталось. А кто сказал, что мы подсчитали правильно? Вот ты, Джудит, хочешь замуж?

— Хочу, — честно призналась она.

— Почему?

— Мне тридцать один год. Это много.

— Ага! — воскликнул Уильям. — А кто сказал, что много? Кому такая мысль взбрела в голову? Ты читать не умеешь. Лучше читать бы научилась. Все ж полезнее, чем замуж.

— Чем это лучше, отец? — Джудит всегда пыталась искренне понять Уильяма, но удавалось ей это с трудом.

— Книги всегда останутся с тобой. Муж — нет. В книге ты всегда будешь открывать для себя что-то новое. В муже — нет, напротив, он со временем станет прочитанной книгой от корки до корки. Учись читать!

— Поздно уж. Не сумею.

— Все тебе поздно, — ворчал Уильям, — читать поздно и замуж выходить поздно. Возраст! Странная штука. Твоя мать оказалась заразна. Она меня заразилась возрастом. Ладно. Что с женихами? Ты нашла себе кого-нибудь?

— Да, за мной ухаживает Томас Куин. Ему двадцать шесть лет, — призналась Джудит.

— Он берет тебя? Женится или просто морочит голову?

— Надеюсь, что женится. Обещает. Тебе спасибо, отец. Ты меня брал с собой, когда тебя звали в гости. Вот так однажды мы и познакомились.

Уильям устало откинулся в кресле.

— Что ж, если я выдам тебя замуж, то главное дело, по которому я вернулся в Стрэтфорд, будет завершено.

— И ты уедешь обратно в Лондон? — пораженно воскликнула Джудит.

— Нет, туда путь закрыт. Не беспокойся. Я уже и не представляю себе, что значит путешествовать так далеко. Когда-то я путешествовал с театром по всей Англии. Как мне это удавалось? Возраст, скажешь ты. Не уверен. Джеймс и сейчас ездит с гастролями. Что тогда? Откуда брались силы? Дело в желаниях, Джудит. Пропадают желания, а с ними и силы. Выходи замуж. Я хочу дождаться твоей свадьбы.

— Но если ты не уезжаешь никуда, то почему ты ее можешь не дожидаться?

— Есть ведь и другие причины. Мне трудно ждать. Устал.

— Тебе меньше надо отзываться на просьбы о помощи. Ты же не можешь помочь всем, с кем поступили несправедливо. Ты постоянно ходишь на суды, разбираешься в чужих делах, выступаешь свидетелем.

— Спектакли. Очередные спектакли. Видимо, я не могу в них не участвовать. Такова моя судьба. Я не пишу свои пьесы, но принимаю участие в чужих. Театр меня не отпускает. Знаешь, что было написано перед входом в «Глобус»?

— Что? — Джудит моргала глазами, не успевая следить за мыслями отца.

— «Весь мир лицедействует». Истинная правда. Каждый играет свою роль. Я тоже должен доиграть свою до конца. Раньше положенного срока со сцены не уйдешь, как ни старайся. Можно удрать из Лондона, но уйти со сцены — никогда. Выходи замуж. Мне будет спокойнее. Скажи ему, у тебя приданое большое.

— Томас знает, — пробормотала Джудит.

В феврале разразился скандал. Джудит, пытавшаяся выполнить волю отца, стремилась обвенчаться. В ту пору венчать было нельзя, и разрешения ей не дали. Но каким-то образом Джудит и Томас сумели договориться с местным церковнослужителем, и их обвенчали без разрешения епископа.

«Джудит отлучили от церкви, — читал Джеймс в очередном письме Уильяма, — что касается моего мнения, так это не страшно. Главное, она вышла замуж. Я уж боялся, что отойду в мир иной, не дождавшись этого события. Завещание, написанное мной в ту пору, когда ее замужество представлялось мне делом нескорым, предусматривало для нее другое наследство. Теперь я жду нотариуса, чтобы исправить написанное.

Что еще я могу тебе написать? Я рад, что вы с Ричардом хотите меня навестить. По большому счету разговаривать в Стрэтфорде как было не с кем, так и осталось. Ничего нового. По-моему, только становится хуже. Бэтти растет, но пока мала, чтобы вести с ней серьезные беседы. Я пишу письма сыну в Оксфорд. Ему десять. Он уже научился читать и писать. Поэтому я могу писать лично ему.

Что Анна? Не знаю толком. Мы с ней практически не видимся. Как и раньше. Джудит вышла замуж и теперь за матерью они ухаживают вместе со Сьюзен. А как еще? Они в одинаковом положении. Обе замужние дамы.

Ты описываешь новый театр и приглашаешь приехать посмотреть на него. Я знаю, что обещал тебе как-нибудь собраться. Но сейчас я понимаю, что это обещание, скорее всего, не выполню. Силы покидают меня. Муж Сьюзен, Джон, он врач и лечит тут всю нашу семью. Он говорит, что я здоров. Только возраст берет свое.

Что у тебя, Джеймс, с возрастом? Думаю, лучше, чем у меня...»

Джеймс всегда сначала радовался, когда получал письма от Уильяма. Потом, прочитав письмо, расстраивался. Он не узнавал в этих письмах ни легкого стиля Шекспира, ни беззаботного характера, ни чувства юмора. В первый год жизни Уильяма в Стрэтфорде в письмах еще мелькали шутки, описания событий были наполнены яркими красками. Чувствовалось, что письма написаны человеком наблюдательным и талантливым.

Но время шло, и Уильям стал писать реже, иногда забывая вообще ответить Джеймсу. Порой

Бербридж забывал, что Уильяма больше нет в Лондоне. Ему не терпелось позвать друга в трактир, чтобы обсудить последние новости, пригласить на спектакль, рассказать о новых пьесах, которые так отличались от того, что писал Уильям.

Джеймсу хотелось бежать к дому, в котором когда-то жил его друг, ждать, когда откроется дверь и на пороге будет стоять высокий стройный мужчина с узкими чертами лица, аккуратной бородкой и убранными в хвост вьющимися волосами. Потом он вспоминал, что Уильям в Стрэтфорде, сидит у окна, любит садом и пишет ему овеванные усталостью и грустью письма. Тоска разливалась по строчкам, написанным знакомым почерком. Джеймс страдал и не знал, как помочь другу.

Как-то раз в конце зимы он пошел к Филду. Они не были близко знакомы, но последние годы сблизили их. Они часто встречались, чтобы зачитать друг другу письма Уильяма, поделиться своими мыслями по этому поводу, да и просто поболтать о былом.

— Нам надо, наконец, поехать к Уильяму, — начал Джеймс, — он сам сюда уже не приедет. Это понятно. Но мы должны поддержать своего друга, не бросать его в таком состоянии.

— Стало хуже? — поинтересовался Ричард.

— Думаю, да. Ты не получал от него в этом году письма?

— Нет. Последний раз он написал мне в прошлом году коротенькую записку, в которой поздравлял меня и мою семью с Рождеством. И что же он пишет?

— Про свадьбу Джудит.

— Свадьбу Джудит! — воскликнула Марта, которая не могла долго молчать, если тема разговора начинала ее не на шутку волновать, — девочка все-таки вышла замуж! Слава богу! Я так за нее рада!

— Помолчи, Марта. И что, Джеймс? Рассказывай дальше. Свадьба — это действительно хорошая новость.

— Да, но там все было непросто. Муж Джудит младше ее на шесть лет.

— Откуда ж ей было взять другого. Какой уж взял, — Марта запнулась, посмотрела на мужа и прикрыла рот рукой.

— Еще ее отлучили от церкви, потому что она торопилась замуж, а время было такое, что венчаться нельзя. Их там как-то обвенчали, но итог печальный. Уильям в этом винит себя: мол, он настаивал, чтоб Джудит скорее выходила замуж за этого Томаса.

— И его можно понять, — Марта опять быстро замолчала.

— Главное в другом, — продолжил Джеймс, — мне не понравилось последнее письмо, потому что все так выходит, наш друг решил помирать.

— Отчего? — не понял Ричард. — Все ж хорошо.

— В этом и дело. Он выдал Джудит замуж и теперь считает, что может спокойно умереть. Уильям переделал завещание. В предыдущем, написанном три года назад, подразумевалось, что дочь одинока. Ситуация изменилась, и Уильям снова вызвал нотариуса.

— Что в этом плохого? Скажите мне? Уильям все делает правильно, — не выдержала Марта, — тебе бы, Ричард, тоже не помешало записать, чего кому положено, если ты отойдешь в мир иной.

— Тьфу ты! — Ричард хлопнул кулаком по столу, — Ничего никому! Замолчи. Я не собираюсь, в отличии от Уила, отходить в мир иной!

— Не собираешься, а завещание оставь, — спокойно ответила Марта.

— Говори, Джеймс, не обращай внимания.

— Когда он в первый раз упоминал завещание, то шутил на эту тему и не воспринимал это все всерьез, — откашлялся Джеймс, — теперь тон письма изменился. Уильям, по-моему, считает вопрос куда более важным. Но это не все.

— Что-то еще случилось? — забеспокоился Ричард.

— Почерк. У него изменился почерк. Будто пишет, действительно больной, старый, уставший человек. Мне не нравится это, Ричард. Совсем не нравится.

— И что ты предлагаешь? Я готов сделать для Уильяма что угодно. Он всегда поддерживал меня, я помогал, если надо ему. Так и должно быть, если вы друзья, не так ли, Джеймс? Только по поводу сонетов мы с ним как-то не сошлись во мнениях. Но так бывает. Мы не стали сильно ссориться по этому поводу.

— Я предлагаю ехать в Стрэтфорд. Надо повидаться с Уильямом, встряхнуть его. Сходим в таверну, поболтаем, выпьем пива, вина.

— Э, вот оно в чем дело. Выпить! — раздался голос Марты. — Так тебя и отпустила! Так ты и поехал в какой-то там Стрэтфорд.

— Если ты думаешь, что я тебя послушаю и не поеду спасать умирающего друга, то ты ошибаешься, — резко ответил Ричард, — когда выезжаем, Джеймс? Я готов ехать хоть завтра.

— Что ж, собирайся. Я думаю, что чем раньше мы выедем, тем больше шансов, что застанем Уильяма в живых. Дороги в марте ужасные. Быстро нам не доехать. Поэтому поедem завтра. А там уж как сложится. Надеюсь, доберемcя как-нибудь.

— Марта, собирай мне мешок, — обратился Ричард к жене, — завтра с утра мы с Джеймсом выезжаем в Стрэтфорд, что бы ты ни говорила.

— Да я ничего и не говорю, — тихо ответила Марта, — поезжайте, чего уж там. Передайте Уильяму от меня привет. Пусть выздоравливает, если на самом деле болен. И уж точно пусть не умирает. Если пиво и вино ему помогут, идите с ним в трактир. Кто знает? Всякое бывает. Некоторых вылечивают такими странными способами. Хозяин лавки тут неподалеку продает много книжек на эту тему. Говорят, и сам занимается тайными опытами...

— Марта, замолчи, пожалуйста, — Ричард похлопал жену по руке, — иди приготовь одежду и немного еды в дорогу.

Дорога и вправду была нелегкой. Шел дождь, под копытами лошадей хлюпала грязь, разлетаясь в разные стороны мелкими брызгами. Ричард, который уж и не помнил, когда в последний раз сидел на лошади, постоянно жаловался на усталость. Поэтому они останавливались на всех постоянных дворах, которые им встречались на пути, вне зависимости от времени суток.

По ночам ездить было опасно. Так что порой, остановившись где-то днем, Джеймс уже знал, что раньше утра следующего дня они не выедут. Джеймс старался не ругать Ричарда, понимая, что тому по-настоящему трудно и он не притворяется. Сам Джеймс давно привык к длительным переездам и воспринимал поездку в Стрэтфорд спокойно.

Джеймс отправил Уильяму письмо с сообщением об их приезде, но неизвестно еще было, кто прибудет первым, поэтому он не особенно рассчитывал на то, что Уильям будет их ждать. Беспокоился он и за здоровье друга: главное было успеть вовремя. Почему его так тревожило состояние Уильяма, Джеймс толком понять не мог. В письмах Уильям не писал ни о каких конкретных болезнях, лишь все время

жаловался на усталость и апатию. Но Джеймс чувствовал: что-то не так, что-то, подтачивающее Уильяма изнутри и подталкивающее его к могиле.

У Джеймса был еще один повод для постоянного беспокойства — его театр. Он никогда до этого надолго не оставлял труппу без присмотра. В этот раз за главного остался его брат. Тем не менее, Джеймс волновался, справится ли он, не поступят ли приглашения во дворец короля, не провалит ли брат предстоящую премьеру. Он бы, конечно, хотел ехать быстрее. Будучи в дороге с таким попутчиком, как Ричард, ехать быстро не представлялось возможным в принципе даже в хорошую погоду. А уж что говорить о дожде, холоде и пронизывающем ветре, которые явно не помогали добраться до Стрэтфорда в кратчайшие сроки.

Наконец в очередной промозглый день они увидели вдали маленькие домики, расположенные на окраине города.

— По-моему, мы добрались, — устало сказал Джеймс.

— Неужели! — с облегчением вздохнул Ричард. — Я уж не чаял расстаться, хоть ненадолго, с этой вечно норовящей меня сбросить лошадь.

Они подъехали к постоялому двору.

— Эй, простите, — крикнул Джеймс, — мы в Стрэтфорд приехали?

— А куда вы хотели? — ответил вопросом на вопрос здоровый рыжеволосый мужчина.

— Хотели в Стрэтфорд. Вот и интересуемся, туда ли попали.

— Туда, — подтвердил мужчина.

— Остановимся здесь на ночь, — постановил Джеймс, — все равно сейчас наносить визиты поздно. Найдем дом Уильяма завтра с утра.

Ричард быстро согласился. Ноги его не слушались, и даже если бы Джеймс позвал его искать друга, он, скорее всего, не смог бы сделать и шага.

В гостинице Джеймс разговорился с хозяйкой. Она приготовила уставшим гостям ужин и по приглашению Джеймса присела к ним за стол.

— Вы знаете Уильяма Шекспира? — спросил он. — Мы его друзья из Лондона.

— Конечно, кто ж не знает господина Шекспира! Все его знают. Детям его в пример ставят: уехал в молодости в Лондон, разбогател и вернулся в родной город. Он хороший человек, Уильям. Помогает разбирать тяжбы, когда к нему обращаются с такой просьбой, и старается быть справедливым в своих суждениях.

— Он не болеет?

— Кто же его знает. Жена его, Анна, та точно больна. Давно уже не выходит из дома. А Шекспир вроде иногда ходит по городу. Тут вот дочку выдал замуж месяц назад. Никто и не надеялся. А он сумел. Хорошее, говорят, приданое за ней давал, только б пристроить.

— Я так и знал, что с ним все в порядке, — пробормотал Ричард.

— Неизвестно. Тебе ж сказали. То, что он ходит иногда по городу, не значит, что он здоров.

— Да что ты вбил себе в голову? — рассердился Ричард. — Даже странно.

— У меня предчувствие, — упрямо сказал Джеймс, — вы нам покажите, пожалуйста, завтра, где его дом, — обратился он снова к женщине.

— Вы его найдете просто, — кивнула она, — второй по величине дом в Стрэтфорде. Каменный, высокий, с двумя садами. Видно издалека.

Наутро Джеймс и Ричард пешком отправились к Уильяму в гости. Дом и в самом деле возвышался над остальными.

— Интересно, пришло ли Уильяму мое письмо, — почему-то Джеймс начал волноваться.

— Не пришло, так не пришло. Не прогонит же он нас с порога. А я и не уйду — столько ехать. Придется ему с нами в любом случае пообщаться и выпить за встречу.

Стучали они долго. Наконец им открыла пожилая женщина, вытирая руки о фартук.

— Доброе утро, — сняв шляпу, вежливо поздоровался Джеймс, — дома ли господин Шекспир? Мы к нему. Друзья из Лондона.

Женщина смерила их подозрительным взглядом с ног до головы.

— Господин Шекспир не предупредил меня о вашем приезде. Если вы хотите остановиться в доме, то комнаты для гостей я не готовила.

— Так, письмо он не получал, — обратился Джеймс к Ричарду, — нам не нужна комната для гостей. Пока. Нам нужен Уильям.

— Он болен? — на сей раз вопрос про болезнь друга произвольно выпалил Ричард.

— Да кто ж его знает, — ответ на вопрос о здоровье Уильяма снова поставил друзей в тупик, — сидит у себя в комнате и смотрит на сад. Может, и болеет. Но Джон к нему нечасто ходит. Значит, если и болеет, то не сильно.

Джеймс пожал плечами. Со словами «сейчас позову» женщина скрылась за дверь, захлопнув ее плотно и задвинув засов.

— Будто мы разбойники какие, — обиделся Ричард.

Прошло минут десять. Друзья уже думали начать стучать снова, когда за дверь послышался шум отпираемого засова.

— Уильям! — заорал во всю актерскую глотку Джеймс. — Как я рад, что вижу тебя!

— Привет! — поздоровался Ричард чуть тише.

— Джеймс? Ричард? — Уильям медленно произнес имена друзей.

— Ты не получал моего письма? Я писал тебе, что мы собираемся приехать.

— Ничего страшного. Проходите, — Уильям пропустил друзей в дом, — мы не готовились к приему гостей. Извините. Сейчас я попрошу что-нибудь приготовить.

— Зачем? — махнул Джеймс рукой. — Собирайся, пойдем в трактир. Ты когда-то говорил, что в Стрэтфорде тоже есть трактиры.

— Где вы остановились? — уточнил Уильям.

— На постоялом дворе у въезда в город, — ответил Ричард.

— Я попрошу, чтобы вам подготовили комнаты, — Уильям побрел по коридору.

— Он изменился, — прошептал Джеймс Ричарду.

— Может, и вправду болен? — Ричард тоже выглядел озабоченным. — Как-то он уменьшился в росте, что ли?

— Осунулся, — согласно кивнул Джеймс, — и ходит еле-еле.

— Говорит тихо, едва слышно.

— Мы все-таки правильно сделали, что приехали сюда.

— Сейчас пошутим, посмеемся. Глядишь, и будет наш Уильям таким же, как прежде, — без особой надежды сказал Ричард.

— А как же иначе? — так же неуверенно произнес Джеймс.

По улицам Стрэтфорда шли трое мужчин. Первого все знали, кланялись ему, приподнимая шляпы, и вежливо здоровались. Никто уже и не помнил, как он выглядел четыре года назад. Казалось, он всегда был сгорбленным, седым и морщинистым. Второй был маленьким толстячком с гладким лицом, которое украшали пышные усы. Толстячок периодически вздыхал и вытирал со лба пот, хотя на улице было отнюдь не жарко. Третий походил на актера. Он был подтянут и высок, шел с высоко поднятой головой, на которой красовалась модная шляпа. Про моду жители Стрэтфорда кое-что знали, но таких шляп владелец местной лавки еще не привозил. Поэтому на актера смотрели с удивлением.

Мужчины, как вышли из дома Уильяма, не проронили и слова. Джеймс решил подождать до трактира, а Ричард — до того, как начнет говорить Джеймс. Уильям молчал без особых на то причин. Просто потому, что привык за эти годы говорить редко.

В трактире друзья уселись за стол. Джеймс заказал барашка, говядину и козленка. Также он велел принести красного вина.

— Ты много заказал, — заметил Уильям, — я столько не ем.

— К тебе приехали друзья, — веско заметил Джеймс, — из Лондона. Один, вон, — он кивнул в сторону Ричарда, — чуть не помер по дороге.

— Что-то случилось? — безразлично поинтересовался Уильям.

— Случилось?! — возмутился Ричард. — Разве ты не знаешь, что я не езжу каждый день на лошадях. То есть я на них вообще не езжу. И из Лондона никуда не выезжаю.

— Понятно, — видимо, объяснение Уильяма устроило.

— А как ты себя чувствуешь? — начал издали Джеймс. — Как здоровье?

— Так себе. Устаю быстро, поэтому стараюсь меньше ходить. А так ничего.

— Отлично. Я получил твое письмо, где ты пишешь, что внес изменения в завещание после того, как Джудит вышла замуж. Подумал, может, ты уже и помирать собрался, — прямо заявил Джеймс.

— Мне Сьюзен все время говорит, что бумаги должны быть в порядке, — объяснил Уильям, — с тем, первым, завещанием пойдешь потом разберись, как быть с деньгами Джудит. Там ей приданое выделялось, а оно уже и не нужно.

— Ничего страшного, — пробурчал Ричард, — разобрались бы как-нибудь.

— Я и вас упомянул в завещании, — не слушая, продолжал Уильям, — суммы не очень большие, но обидно не будет. Вполне все достойно. Так считает Сьюзен.

— Что-то твоя старшая дочь рьяно взялась за дело. А она что получит? — спросил Джеймс.

— Все. То есть за исключением того, что завещал другим. Два дома, мой и моих родителей, земли и те деньги, которые останутся после выплаты остальным. Это большая сумма. Она будет ухаживать за Анной.

— За это и я готов ухаживать за Анной, — предложил Ричард и смутился, поняв, что пошутил не очень удачно.

— В смерти нет ничего страшного, — продолжал Уильям, — это естественно. Поэтому я не вижу ничего страшного и в написании завещания. Сюзен права. Зачем после моей кончины разбираться, что кому должно достаться.

— Страшного ничего нет, но и говорить об этом много мы не будем, — подвел черту под беседой о завещании Джеймс, — давай-ка выпьем за нашу встречу.

Уильям сделал пару глотков и поставил бокал на стол.

— И пьешь ты тоже теперь мало, — уточнил Ричард, любивший в свое время посидеть с другом после ужина и выпить пару бутылочек припасенного к таким случаям вина.

— Помнишь, сживали мы с тобой в трактире возле театра? — продолжил тему Джеймс. — Какое там было пиво, какой эль!

— А сейчас что? — заинтересовался Ричард. — Хуже стало? Знаешь, везде хуже стало. Хозяева не те, еда невкусная какая-то. Ээ-эх, — он выпил вино до дна, — а здесь вино неплохое, — он наполнил бокал снова, — давай, Уильям, выпьем за нашу дружбу. Ты брось тосковать.

Постепенно разговор стал живее. Уильям с аппетитом, о существовании которого он успел даже забыть, ел заказанное мясо и запивал его вином.

— Джеймс, как театр, расскажи. Я тут отстал немного. Не знаю, что там теперь происходит в Лондоне.

— Появилось много молодых авторов. Пишут, скажу тебе честно, не так, как ты. Той легкости нет, и слог не тот. Публика хочет видеть больше декораций, пышных костюмов. В моде трагикомедии. Твоя пьеса о Генрихе Восьмом продолжает идти с успехом. Я усовершенствовал залпы из пушек, и пожаров больше не случилось.

Уильям с интересом слушал друга, но ему казалось, что он никогда не был участником той жизни. Он не мог поверить, что и сам играл с удовольствием на сцене, писал пьесы. Лондон теперь виделся ему далеким, недостижимым городом, в который и добраться-то невозможно.

— Ты бы не взялся написать еще что-нибудь для нас? — осторожно спросил Джеймс.

— Боюсь, что не смогу, — ответил Уильям честно, — то есть не подумай, что я не пишу совсем. Иногда бывает, вдруг сажусь и начинаю писать. Пишу про свою жизнь. Но разве ж это кому интересно? Только мне самому, да и то не всегда. Иногда по несколько месяцев не притрагиваюсь к бумаге.

— Если вдруг захочешь, то даже не раздумывай. Мы обязательно возьмем твою пьесу.

— Как дела в типографии? — обратился Уильям к Ричарду. — Как Марта?

— Второй вопрос вызывает у меня икоту. А типография все так же. Старший сын помогает. Если б не его способности, давно б прогорели. Одна из дочерей вышла замуж — все ж легче стало. Марта постоянно меня ругает. Ей, как всегда, и так нехорошо, и этак.

День клонился к вечеру, а друзья все сидели в трактире. Они заказали еще еды и вина, продолжая расспрашивать друг друга обо всем на свете.

— Как Мэри? Пишет тебе часто? — спросил Джеймс. — Как Уильям?

— Теперь я чаще пишу сыну. Он научился читать и писать, поэтому мы можем писать друг другу. А Мэри родила еще детей. По-моему, вместе с Уильямом их теперь пятеро.

— О, Джон разошелся! Извини, — откашлялся Джеймс.

— Ничего. Не извиняйся. Я рад, что у нее так все складывается. Хотя, кто знает, чего бы она добилась, продолжая писать под именем Франса Бомонда.

— Для женщины другого пути нет, — покачал головой Джеймс, — тут уж никуда не денешься.

— Ты иногда видишь Элизабет? — неожиданно Уильям подумал о своей бывшей возлюбленной. — Встречаешь во время спектаклей?

— Иногда бывает.

— И как она?

— Ты хочешь услышать, что ее красота увяла или, наоборот, что она выглядит великолепно?

— Не знаю, — признался Уильям, — честно говоря, не уверен, зачем вообще задал тебе этот вопрос. Но я ее часто вспоминаю. Иногда хочется ее увидеть, поговорить с ней. И понимаю, что, будь это даже возможно, было бы совсем не нужно ни ей, ни мне.

— Элизабет выглядит хорошо, Уильям. Но я не уверен, что она счастлива.

— А кто из нас может сказать, что счастлив, — Уильям погрузился, — я лично так счастья в себе и не нашел. Оно осталось у Элизабет, у Мэри, у могилы Эдмунда. Мое счастье разбилось на куски и живет в других людях.

— Мое счастье тоже не во мне, — сказал Джеймс, — оно живет в театре. Но меня это как-то не тревожит. Я и сам живу в театре. Так что мы находимся рядом друг с другом.

— Так, мое счастье не в типографии и не в Марте, — задумался Ричард, — но, друзья мои, несчастным я себя не чувствую. Значит, оно живет во мне.

— Хоть одному повезло, — улыбнулся Джеймс, — молодец, Ричард. Как ты так умудрился? Работа твоя тебе давно надоела, Марта ругает целыми днями, а ты счастлив.

— Не знаю. Наверное, живу, как живется. Хотелось бы большего, а нету и не надо.

Домой друзья вернулись далеко за полночь. Они с трудом держались на ногах, поддерживали друг друга, как могли и постоянно шутили.

— Я так давно не ел и не пил, — с трудом переводя дыхание, произнес Уильям, — спасибо, друзья, что приехали. Даже не думал, что так обрадуюсь.

— Мы еще приедем, — пообещал Джеймс.

— Вот только на лошади надо мне почаще выезжать, чтоб одолеть такое расстояние. А лучше ты приезжай как-нибудь в Лондон. Остановишься у меня, — предложил Ричард.

— Для меня, знаешь, теперь тоже непросто доехать до Лондона. Я и раньше, как и ты, поездки верхом недолюбливал. Особенно на большие расстояния, — признался Уильям.

— Все решим завтра, — заявил Джеймс, — мы тут побудем пару дней. Ты же не возражаешь, Уильям? Ричард точно не возражает. Ему лишь бы на лошадь снова не садиться, — рассмеялся он собственной шутке.

— Живите сколько угодно. Хоть навсегда переезжайте, — гостеприимно предложил Уильям, — места тут много.

— Спасибо, но навсегда не получится. Я театр пока бросать не собираюсь.

— Я навсегда тоже никак. Марта возьмет коня и прискачет за мной. Ее дальней дорогой не испугаешь.

Они разошлись по комнатам. Уильям поднялся к себе на второй этаж. Он с трудом перевел дыхание и присел в кресло.

— Друзья, — пробормотал он, — мне давно не было так хорошо, как сегодня. Поеду с вами обратно в Лондон, пожалуй. Ненадолго, конечно. Немного поживу, погуляю по знакомым улицам, схожу в театр, — он прикрыл глаза и представил себя в Лондоне.

В мыслях он был опять молодым. Он сидел в своей старой квартире возле моста и писал новую пьесу. «Завтра пообещаю Джеймсу скоро ее отдать», — мелькнуло в голове. В дверь той комнаты раздался стук. «Элизабет!» — воскликнул он и побежал открывать. Она закинула руки ему на шею и улыбнулась. Какая очаровательная у нее была улыбка! Слегка печальная, но оттого еще более притягивающая взгляд. «Мы теперь будем всегда вместе, — сказала она ему, — я больше не уйду отсюда».

Утром они нашли его сидящим в кресле со счастливой улыбкой на лице.

— Уильям, — тихонько позвал Джеймс, — проснись.

— Мне кажется, он не проснется, — Ричард дотронулся до холодной руки друга, — он умер. Не нужно было ему вчера столько есть и пить. Если бы не мы, то он был бы жив.

— Нет, Ричард. Ты не прав. Уильям готовился к смерти. Ему не хотелось жить. Но мы сделали его последний день счастливым. Может, он умер бы чуть позже. Это уже не имеет значения. Главное, мы успели его увидеть, а он успел увидеть нас. Надо организовать достойные похороны. Умер великий человек.

— Это точно, — вздохнул Ричард, — кто вспомнит о нас с тобой? Кому мы будем нужны? А имя Уильяма Шекспира не забудут, хоть он и не считал себя особенно талантливым.

Джеймс схватился за голову и опустился на колени возле умершего друга.

— Эх, Уил, мне будет не хватать тебя. Мне не хватало тебя все эти четыре года, но я знал, что ты есть, что я могу написать тебе письмо, приехать повидать. Мой любимый автор умер, любимый друг, любимый актер, — Джеймс заплакал.

Ричард отвернулся, чтобы не показать своих слез. Хотя от кого ему их было скрывать? Он просто стоял около двух своих друзей, один из которых никогда больше ему не скажет ни слова.

— Я хочу, чтобы ты был тоже счастлив, Уильям, — с трудом проговорил он, — возьми у меня чуточку счастья туда, с собой на небеса. Да, забирай хоть все. Без тебя оно мне здесь не пригодится.

На его похороны собрался весь город. Джеймс и Ричард стояли чуть поодаль. Они уже не плакали и лишь низко опустили головы. Дочери Уильяма лили слезы, поддерживаемые своими мужьями. Маленькая Элизабет не очень понимала, что происходит вокруг. Она грустила: мама ей сказала, что бабушка теперь будет жить на небе. Иногда Элизабет поглядывала вверх и думала о том, как это должно быть далеко от земли.

Анна стояла рядом со Сьюзен. Она удивлялась тому, что смогла пережить своего более молодого и здорового мужа. Воспоминания о прошлом давно не жили в ее голове, и она не могла сожалеть о том, чего не помнила.

Эпилог

Откуда было знать неграмотной Анне, что за бумаги хранились в сундуке ее мужа. Ей было шестьдесят. Она никогда не понимала, почему Уильяму платят такие деньги, что их семья стала одной из самых состоятельных в Стрэтфорде. После похорон она вернулась в дом, вытрясла все из сундука и отнесла к камину. Вбежавший в комнату Джеймс успел выхватить из огня несколько страниц. На одной из них почерком, не очень похожим на почерк Уильяма, было написано несколько строк. Бумага сильно обуглилась, и он смог разобрать всего пару строк:

И вот когда тебя я потеряю,
Другую боль уже не ощущаю

Остальные несколько страниц сохранились лучше. На сей раз Джеймс узнал почерк друга. Он сел у окна и, не обращая ни на кого внимания, начал читать.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА 1

Июль, 1582 год

Поле недалеко от Стрэтфорда-на-Эйвоне. Раннее утро

На небе постепенно звезды исчезают. Тает чернота. Луна уходит, место, уступая солнцу, что появляется, стесняясь, своего сиянья.

— Я так мечтал о ночи любви с прекрасной девой. Она все мысли занимала. Не давала спать. Ворочался я с боку на бок, представляя ее фигуры дивной очертанья. И вот — итог. Мы вместе лежим под небом, что, как занавес в театре, лишь отделяет акт от акта. Лишь многоточием очерчивает действие. Вся жизнь — игра. Я принимаю поражение. И мук своих любовных вижу сладострастье, реальных чувств паденье в омут бытия. Ночь растворяется в попытках скрыть бесчестье, которое уходит с месяцем в обнимку. А солнце лишь ярче мне показывает суть любовных мук.

— О чем ты, Уильям? Что шепчут губы, целовавшие меня так страстно?

— Анна, спи! Не нарушай покоя этой ночи.

— Прости, не понимаю я тебя совсем.

— И не поймешь. Не говори, молчи. Понять мужчину — не пытай удачу...

— Уильям! Не пытаюсь я понять. Любовью пытаюсь я наполнить душу.

— Чью?

— Не понимаю слов твоих.

— Если себя любовью наполняешь ты, то бесполезно. Душа уже наполнена донельзя. Бессистемно летят повсюду стрелы твоего амура. Меня наполнить? Душу, что наполненной, быть может, никогда не станет. Душу, что от желания любить давно усталой странницей уснула.

— Я не пойму речей твоих. Они сложны для головы моей. Но тело, души порывы сходны с тем, что ты пытаешься изречь.

— Анна! Ты прекрасней, когда молчишь. И голова твоя является лишь приложением к телу. Иль

душе... Как хочешь назови явление это. Смотри — вот солнце, что восходит на рассвете. И губ твоих касается моя рука. Луна свидетелем утех была любовных наших. Пусть солнцу тоже мы даруем воспоминанья. Иди ко мне. Забудь слова, которые я бормотал, не ведая о том, что ты пытаешься в них вслушаться серьезно.

Небо становится светлее. Дурманит запах цветов июльских. Вдалеке звон колокольни слышится прозрачный. Ночной прохлады исчезает дуновение. Все сильнее зной. И солнце, что привыкло к страсти откровенной, сильнее освещает грех людской.

— Уильям, тебе ж понравилось меня любить?

— Конечно. Мечтал об этом я давно. Увидев впервые очертанья твоей груди, я был готов идти за нею на край света.

— Лишь грудь ты видел?

— Что еще?

— Я думала...

— Ты думала, есть в голове мужской чуть больше мысли, больше глубины высокой?

— Так непонятно говоришь ты, Уильям. Мне не понять. Все муки от того, что до тебя мужчин я лучше понимала.

— Они не грудь твою ценили, дураки?! И что-то большее за нею разглядели?

— Я понимаю, ты смеешься надо мною!

— Нет, плачу я над женскою наивностью.

— Пстой, не ты ль меня так добивался? Не ты ль тащил меня в поля, покрытые ночью тьмой, прохладой и негой? Все лишь от того, что грудь увидел под девичьим ты платьем?

— Анна! Не девица ты уже давно. Весь Стрэтфорд в курсе. Грудь при этом хуже не стала. Уверяю! А может даже, привлекла к себе вниманье...

— Я снова не пойму речей твоих.

— Не надо. Не пытайся. Поймешь — обидишься. Не станешь встречаться под покровом темноты. Лишится месяц зрелища такого! И солнцу причин не будет встать по раннему утру. Послушай, птицы заливаются над нами...

— По эту пору так всегда поют они...

— И пахнет лаванда сладко-горько-безвозвратно. Послушай, посмотри, вздохни!

— По эту пору пахнет так всегда лаванда. Уильям, ты пытаешься придать знакомым звукам, запахам, явлениям какой-то тайный смысл.

— Не чувствуешь его?

— Стараюсь я понять, почувствовать дыханье...

— Анна! Никогда не целовал я женщин совершеннее...

— Все потому, что первой я была.

— Будут лучше?

— Ты не такой, как все. И вечная дорога — тебе судьба. Вернешься ли ко мне?

— Вернусь! Такую... грудь не забывают. Анна, не обижайся! Я шучу. Дороги нет другой. Другого

солнца, луны другой, любви другой. В твоих объятьях я нашел сегодня смысл. Но только не мучь меня расспросами своими. Ответов у мужчины нет на женские вопросы. Лишь отговорки. Чтоб спрашивать и мучить перестала.

Джеймс аккуратно сложил листки.

«Как жаль, что она сожгла всю пьесу. Интересно, что Уильям написал о себе дальше. А впрочем, продолжение мне известно», — он выпрямился, словно стоял на сцене перед полным залом, и прокричал:

— Уберите трупы.
Средь поля битвы мыслимы они,
А здесь ни к месту, как следы резни.
Скомандуйте дать залп[8].

Примечания

1

Уильям Шекспир. Сонет № 90.

2

Здесь игра слов: Shake speare — потрясать копьем; Shake scene — потрясать сцену.

3

William Shakespeare, Hamlet, Prince of Denmark, Third Act, Scene 4.

4

Wriothesley и William по-английски пишутся с буквы W.

5

Елизавету, королеву Англии, и Элизабет Верной на самом деле звали одинаково. Автор дает их имена в разной транскрипции для того, чтобы читатель их не путал.

6

William Shakespeare «The Tempest» (перевод автора).

7

На самом деле фраза принадлежит перу Мишеля Монтеня.

8

Уильям Шекспир «Гамлет, Принц Датский» (перевод Б. Пастернака).